

Книга
блестящего автора,
которая заставляет
задуматься.

Booklist

Бестселлер по версии
«NEW YORK TIMES» и «SUNDAY TIMES»

ОБИТЕЛЬ АПЕЛЬСИНОВОГО ДЕРЕВА

Эта книга
ставит Саманту Шеннон
в один ряд с Робин Хобб
и Джорджем Р. Р. Мартином.

Starburst

САМАНТА ШЕННОН

Саманта Шеннон

Обитель Апельсинового Дерева

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

Шеннон С.

Обитель Апельсинового Дерева / С. Шеннон — «Азбука-Аттикус», 2019

ISBN 978-5-389-18916-4

У древнего зла нет имени. Оно вырывается из недр горы, чтобы уничтожить человечество, и насылает на землю драконье воинство. Многие великие государства пали под этим натиском, но королевство Инис на Западе устояло. Говорят, что люди могут спать спокойно, пока не прервется тысячелетний род правителей Иниса, ибо Безымянный скован их священной кровью и заточен в гробнице под морским дном. Однако королева Сабран Инисская так и не избрала себе супруга, трон лишен законной наследницы, и убийцы уже кружат у дворцовых покоев. Но у Сабран есть верная камеристка, которая не спускает с нее глаз. Чтобы спасти госпожу, ей приходится прибегать к запретной магии, рискуя выдать себя. Здесь никто не должен знать, что на самом деле она посланница обители Апельсинового Дерева... По ту сторону бескрайней Бездны, на Востоке, Тани вступает в ряды стражи Бурного Моря и становится всадницей, летающей на драконе. Одну тайну она скрывает от всех, другую – носит в себе, не ведая об этом. Как и о том, что ей с рождения уготована удивительная судьба... Тем временем разделенные Восток и Запад отказываются вести переговоры, и силы хаоса пробуждаются... Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-389-18916-4

© Шеннон С., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

От автора	7
I. Старинные предания	10
1	11
2	16
3	23
4	30
5	40
6	48
7	56
8	68
9	71
10	80
11	84
12	92
13	97
14	103
15	114
16	119
17	122
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Саманта Шеннон

Обитель Апельсинового Дерева

Samantha Shannon

THE PRIORY OF THE ORANGE TREE

Copyright © Samantha Shannon-Jones, 2019

Illustrations © Emily Faccini, 2019

All rights reserved

Перевод с английского Галины Соловьевой

Серийное оформление и оформление обложки Виктории Манацковой

Карты изготовлены Вадимом Пожидаевым-мл.

© Г. В. Соловьева, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

От автора

Вымышленный мир «Обители Апельсинового Дерева» вдохновлен событиями и легендами различных краев света. Ни одна из стран не задумывалась как подлинное подобие какого-либо государства или культуры земной истории.

I. Старинные предания

И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей.

Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет; после же сего ему должно быть освобожденным на малое время.

Откровение, 20: 1–3

1

Восток

Незнакомец вышел из моря как дух – босой, одетый в дорожные шрамы. Он, как пьяный, шел сквозь дымку, паутиной окутавшую Сейки.

Старые легенды гласили, что духи воды обречены на молчание. Языки у них ссыхались так же, как кожа, и лишь морская трава одевала их кости. Духи таились на отмелях, поджидали неосторожных, чтобы утащить их в сердце Бездны.

Тани с малолетства не пугалась этих сказок. И сейчас, сверкнув улыбкой выставленного перед собой кривого кинжала, она устремила взгляд на незнакомца в темноте.

Но от его оклика она вздрогнула.

Облака разошлись, выпустив на свободу лунный свет. Его хватило, чтобы разглядеть прищельца. И позволило ему увидеть ее.

Не дух. Чужестранец. Она его увидела – и поздно было закрывать глаза.

Он обгорел на солнце, волосы обвисли соломой, с бороды текло. Как видно, контрабандисты сбросили его в воду, посоветовав покрыть остаток пути вплавь. Ее языка он, понятно, не знал, но она его понимала достаточно, чтобы распознать просьбу о помощи. Незнакомец хотел видеть государя Сейки.

В сердце у нее грохотал зажатый в кулак гром. Заговорить она не смела: знание языка выковало бы между ними узы и выдало бы ее. Стало бы ясно, что как она оказалась свидетельницей его преступления, так и он застиг на месте преступления ее.

Ей полагалось сейчас отшельничать. Уединиться за стенами Южного дома, очищая себя для важнейшего дня своей жизни. А теперь она запятнана. Замарана так, что не отмыть. И все оттого, что захотелось до Дня Выбора еще раз окунуться в море. Ходили слухи, что великий Квирики благоволит тем, кому хватает дерзости нарушить уединение ради встречи с волнами. А он вместо благосклонности послал ей этот кошмар.

Ей всю жизнь слишком везло.

Теперь пришлось за это расплачиваться.

Она пригрозила чужаку кинжалом. Он, глядя в лицо смерти, задрожал.

В голове у нее вихрем кружились разные мысли. Одна страшнее другой. Если выдать чужака властям – откроется, что она нарушила уединение.

Тогда День Выбора вряд ли состоится. Благородный правитель мыса Хайсан – провинции Сейки – не допустит богов на землю, возможно оскверненную красной болезнью. До признания города безопасным пройдут недели, а к тому времени прибытие незнакомца объявят дурным знамением, и ее шанс стать всадницей передадут новому поколению учениц. Она лишится всего.

Донести на него Тани не могла. Не могла и оставить так. Если чужак в самом деле несет в себе красную болезнь, то, бродя на свободе, он окажется угрозой всему острову.

Оставалось одно.

Она тряпкой обмотала ему лицо, чтобы не дышал болезнью. Руки у нее тряслись. Потом увела его с черного прибрежного песка к городу, держась настолько близко, насколько хватало отваги, и упираясь в спину кинжалом. Порт мыса Хайсан никогда не спал. Тани провела чужестранца по ночным рынкам, мимо выстроенных из плавника святилищ, под гирляндами белых и голубых фонариков, развешенных ко Дню Выбора. Пленник молча разглядывал все это. Темнота скрывала его черты, но Тани еще и заставила его опустить голову, плашмя стукнув клинком по затылку. И все время старалась держаться подальше от людей. Она придумала, куда его девать.

К северной оконечности мыса лепился искусственный островок. Назывался он Орисима и для местных был своего рода диковинкой. На нем выстроили торговый пост для горстки купцов и ученых из Вольного княжества Ментендон. Кроме занимавшего другую половину мыса Лакустрина, лишь ментцам даровали позволение продолжать торговлю с Сейки, после того как остров закрылся для всего мира.

Орисима.

Вот куда она ответит чужестранца.

Освещенный факелами мост к торговому посту охранялся вооруженными часовыми. Из сейкинцев туда допускались немногие, и она к их числу не принадлежала. Был еще один путь за ограду – через причальные ворота, открывавшиеся раз в год, чтобы принять товары с ментских судов.

Тани провела чужака вдоль канала. Сама она не сумела бы протащить его на Орисиму, но знала, кто сумеет. Та женщина наверняка найдет способ укрыть его среди иноземных купцов.

У Никлайса Рооза давно не бывало гостей.

Он отмерял себе немного вина – струйку из скудного запаса, – когда в дверь постучали. Алкоголь оставался одним из немногих доступных ему в этом мире радостей, и он окунулся в аромат напитка, предвкушая первый глоток.

Тут-то его и прервали. Разумеется. Он со вздохом оторвал себя от кресла, закричал от острой боли в лодыжке. Только подагры ему и не хватало.

Постучали снова.

– Ох, да уймись вы, – проворчал Никлайс.

Он потянулся за тростью, вслушиваясь в дробный стук капель по крыше. «Сливовый дождь», – говорили сейкинцы в это время года, когда воздух был густым, как облако, а на деревьях набухали плоды. Бранясь себе под нос, Никлайс проковылял по циновкам и на палец приоткрыл дверь.

В ночи за дверью стояла женщина. Темные волосы ниспадали до пояса, одежда была украшена соляными цветами. Промокла она так, как не промокнешь под дождем.

– Доброго вечера ученому доктору Роозу, – заговорила она.

Никлайс поднял бровь:

– В этот час гости меня несколько не радуют. Да и в любой час.

Следовало бы поклониться, но он не видел причин быть вежливым с незнакомкой.

– Откуда тебе известно мое имя?

– Мне его назвали. – Дальнейших объяснений не последовало. – Со мной твой земляк. Он останется у тебя на ночь, а я заберу его завтра на закате.

– Мой земляк...

Гостья чуть повернула голову. От ближайшего дерева отделилась тень.

– Контрабандисты доставили его в Сейки. – Женщина оглянулась через плечо. – Завтра я отведу его к вседостойному правителю.

Увидев наконец пришельца, Никлайс похолодел.

Светловолосый мужчина, промокший так же, как женщина, стоял на его пороге. Этого человека он на Орисиме никогда не видел.

В фактории проживало двадцать человек. Он каждого знал в лицо и по имени. А ментские корабли с новыми людьми придут только в конце сезона.

Этим двоим как-то удалось обойти охрану.

– Нет, – твердо взглянул на женщину Никлайс. – Святой, ты хочешь впутать меня в дела контрабандистов?

Он сделал движение, чтобы закрыть дверь:

– Я не могу укрывать нарушителей границы. Если узнают...

– На одну ночь, – прошелестела женщина.

Втиснув в щель локоть, она помешала ему закрыть дверь.

– В награду, – зашептала она так близко, что Никлайс ощутил ее дыхание, – ты получишь серебро. Сколько сможешь унести.

Никлайс Рооз заколебался.

Серебро – большой соблазн. Он раз засиделся за картами с часовыми и остался им должен по гроб жизни. До сих пор Никлайс смирал их угрозы, суля драгоценности со следующего ментского груза, хоть и знал, что для него на борту не найдется ни единого паршивого камешка.

Юная половина его души подбивала согласиться, хотя бы ради приключения. Не дав времени сказать свое слово более старой и благоразумной половине, женщина шагнула от его дверей:

– Я вернусь завтра к ночи. Смотри, чтобы его не увидели.

– Постой! – с яростью прошипел он. – Ты кто такая?

Она уже скрылась. Бросив взгляд за дверь и досадливо зарывав, Никлайс втащил перепуганного незнакомца в свой дом.

Безумие! Стоило соседям прослышать, что он укрывал нарушителя границы, его потащат к очень рассерженному старшему распорядителю, а тот не отличается милосердием.

Однако никуда не денешься.

Никлайс запер дверь. Пришелец, несмотря на жаркую ночь, дрожал на циновке. Кожа у него была оливковой, щеки обгорели, голубые глаза воспалились от соли. Просто чтобы успокоить себя, Никлайс отыскал привезенное с Ментендона одеяло и сунул мужчине, который молча его принял. Он выглядел испуганным, и не зря.

– Откуда ты? – резко спросил Никлайс.

– Прости, – хрипло ответил гость. – Не понимаю. Ты говоришь на сейкинском?

Инииский. Давненько он не слышал этого языка.

– Это, – на нем же ответил Никлайс, – был не сейкинский. Я говорил на ментском. Думал, ты тоже оттуда.

– Нет, сударь. Я из Аскалона, – робко ответил гость. – Смею ли спросить имя того, кого я должен благодарить за приют?

Настоящий инисец. Вежливость прежде всего.

– Рооз, – отрезал Никлайс. – Доктор Никлайс Рооз. Мастер-хирург. И человек, чьей жизни ты угрожаешь самым своим присутствием.

Мужчина уставился на него:

– Доктор... – Он сглотнул. – Доктор Никлайс Рооз?

– Поздравляю, парень. Твой слух не пострадал от морской воды.

Гость прерывисто вздохнул.

– Доктор Рооз, – проговорил он, – это рука судьбы. То, что рыцарь Верности направил меня к тебе из всех...

– Ко мне? – Никлайс нахмурился. – Мы знакомы?

Он силился вспомнить год, проведенный в Инисе, но был уверен, что этого человека никогда не видел. Разве что, конечно, был тогда пьян. В Инисе он частенько бывал нетрезвым.

– Нет, сударь, но я знаю твое имя от друга. – Гость вытер лицо рукавом. – Я уже думал, что сгину в море, но встреча с тобой вернула меня к жизни. Благодарение Святому.

– Твой святой здесь не в силе, – пробормотал Никлайс. – Ну и как тебя называть?

– Сульярд. Мастер Триам Сульярд к твоим услугам, сударь. Я был оруженосцем при дворе ее величества Сабран Беретнет, королевы Иниса.

Никлайс скрипнул зубами. Это имя обожгло его изнутри вспышкой раскаленной злобы.

– Оруженосец... – Он сел. – Что же, и ты, как все прочие, наскучил Сабран?

Сульярд ошетинился:

– Если ты будешь оскорблять мою королеву, я...

– Что ты сделаешь? – поверх очков взглянул на него Никлайс. – Пожалуй, тебя стоит называть Триам Дурьярд. Ты хоть представляешь, как здесь поступают с чужеземцами? Это Сабран послала тебя на чрезвычайно медленную смерть?

– Ее величество не знает, что я здесь.

Любопытно. Никлайс налил ему чашку вина.

– Вот, – ворчливо приказал он, – пей до дна.

Сульярд выпил.

– А теперь, мастер Сульярд, важный вопрос, – продолжал Никлайс. – Многие ли тебя видели?

– До берега меня заставили добираться вплавь. Я выплыл в бухту. С черным песком. – Сульярд задрожал. – Там меня нашла женщина и на острие ножа провела в город. Оставила одного в конюшне... потом пришла другая и велела идти за ней. Она провела меня к морю, и мы вместе проплыли к причалу. За причалом были ворота.

– Открытые?

– Да.

– Как видно, та женщина знается с кем-то из часовых. Попросила оставить открытыми причальные ворота.

Сульярд потер глаза. Море состарило его, но теперь Никлайс разглядел, что парень совсем молод, ему не было и двадцати.

– Доктор Рооз, – заговорил он, – я прибыл с миссией особой важности. Я должен поговорить с...

– На этом я должен тебя остановить, – оборвал Никлайс. – Не желаю знать, что тебя сюда привело.

– Однако...

– Что бы ни привело, ты явился сюда без дозволения каких-либо властей, то есть сделал огромную глупость. Если старший распорядитель тебя найдет и потащит на допрос, я хочу с чистой совестью ответить, что понятия не имею, зачем ты заявился среди ночи ко мне на порог, воображая, что тебя только и ждут в Сейки.

– Распорядитель? – заморгал Сульярд.

– Сейкинский мелкий чинуша, заведующий этой плавучей свалкой, хотя сам себя он, кажется, воображает одним из младших богов. Ты хотя бы знаешь, что это за место?

– Орисима, крайний пост Запада в торговле с Востоком. Его существование и внушило мне надежду на встречу с государем.

– Заверяю тебя, – сказал Никлайс, – что Питосу Надама ни при каких обстоятельствах не примет при дворе чужестранца. Что он наверняка сделает, если о тебе прослышит, – это отправит на казнь.

Сульярд промолчал.

Никлайс подумал, сказать ли юноше, что его спасительница собиралась прийти за ним завтра – быть может, чтобы сдать властям. И решил воздержаться. Сульярд со страху может пуститься в бег, а податься ему некуда.

Завтра. Завтра его здесь не будет.

И тут Никлайс услышал голоса за стеной. Шаги простучали по деревянным ступеням соседних домов. У него свело живот.

– Прячься, – приказал он, схватившись за свою трость.

Сульярд нырнул за складную ширму. Никлайс трясущимися руками отворил дверь.

Несколько столетий назад первый государь Сейки, желая защитить народ от драконьей чумы, подписал Великий эдикт, закрывший остров для всех, кроме лакустринцев и ментцев.

Даже когда мор пошел на спад, запрет сохранился. Любой прибывший без дозволения чужестранец предавался смерти. Как и всякий его укрыватель.

На улице не видно было часовых, зато собралась кучка соседей. Никлайс присоединился к ним.

– Во имя Галиана, что происходит? – спросил он у повара, уставившегося в одну точку над своей головой и разинувшего рот, как сачок для бабочек. – Советую впредь не носить на лице такого выражения, Харолт. Тебя могут принять за полоумного.

– Смотри, Рооз, – выдохнул тот. – Смотри!

– Лучше бы...

Он не договорил, потому что увидел. Огромная голова высилась над оградой Орисимы. Она принадлежала созданию, рожденному от соковок морских.

Облака пара поднимались с его чешуи из лунного камня, блестящей, словно светившейся изнутри. На каждой чешуйке самоцветами сверкали капли. Глаза горели звездами, рога отливали ртутью под бледной луной. Гибкой лентой скользнув под мостом, это существо взвилось в небо легко и беззвучно, как бумажный змей.

Дракон. Едва он взлетел над мысом Хайсан, следом поднялись из воды другие, оставляя за собой след холодного тумана. Никлайс ладонью зажал барабан в груди.

– Что же это, – пробормотал он, – они здесь делают?

2

Запад

Конечно, он был в маске. Как все они. Только дурак не позаботится прикрыть лицо, вторгаясь в Королевскую башню, а убийца, добравшийся до личных покоев, определенно был не дурак.

В главной опочивальне за дверью крепко спала Сабран. С распущенными волосами, с тенями ресниц на щеках, королева Иниса была воплощением покоя. Сегодня рядом с ней спала Розлайн Венц.

Обе не ведали о приближении тени, явившейся, чтобы убивать.

Когда Сабран отходила ко сну, ключ от самых укромных ее покоев оставался у одной из дам опочивальни. Сейчас он был у Катриен Вити, а та прохаживалась по Роговой галерее. Рыцари-телохранители охраняли королевские покои, но дверь в большую опочивальню стерегли не всегда. Что ни говори, ключ к ней был всего один.

Никто не войдет.

В личном покое – последнем бастионе, отделявшем королевское ложе от внешнего мира, – убийца оглянулся через плечо. Рыцарь Гюлс Хит вернулся на свой пост у дверей, не ведая об угрозе, прокрадывшейся внутрь за время его отлучки. Не ведая об Эде, притаившейся среди потолочных балок и не спускавшей глаз с головореза, который уже достиг двери, ведущей к королеве. Пришелец беззвучно извлек из кармана ключ и вставил его в замок.

Ключ повернулся.

Он надолго застыл неподвижно. Выжидал.

Этот был куда осторожнее прежних. Когда Хита за дверью настиг один из его приступов кашля, пришелец приоткрыл дверь в опочивальню. Другой рукой он выдвинул из ножен клинок. Такой же, как у тех.

При первом его движении шевельнулась и Эда. Она бесшумно спрыгнула с балки над его головой. Ее босые ступни засветились на мраморе. Когда убийца, заноса кинжал, шагнул в опочивальню, она зажала ему рот и вогнала свой клинок меж его ребер.

Головорез запрокинулся назад. Эда держала его крепко, не позволяя пролиться на себя ни единой капле крови. Когда тело замерло, она опустила его на пол и сняла подбитую шелком маску, какую носили и все прежние.

Лицо под ней было совсем юным, мальчишеским. Глаза прудиками воды уставились в потолок.

Она его не знала. Поцеловав убитого в лоб, Эда оставила его на мраморном полу.

И едва успела вернуться в тень, когда раздался крик о помощи.

Рассвет застал ее в дворцовом парке. Волосы она покрыла золотой сеткой с изумрудами.

Каждое утро проходило одинаково. В предсказуемости – безопасности. Прежде всего она зашла к почтмейстеру проверить, нет ли для нее писем. Затем прошла к воротам, полюбовалась на Аскалон, воображая, как однажды выйдет в город и пройдет его насквозь, до порта и корабля, который унесет ее домой, в Лазию. Иногда она замечала кого-то из знакомых, и они обменивались легкими поклонами. И наконец она отправлялась в трапезный дом, чтобы разделить завтрак с Маргрет и с восьми часов приступить к своим обязанностям.

Сегодня первым делом ей предстояло разыскать дворцовую прачку. Эда быстро нашла ее за главной кухней, в завитой плющом нише. Помощник конюха, как видно, пересчитывал языком веснушки на ее горле.

– Доброго утра вам обоим, – подала голос Эда.

Парочка, ахнув, шарахнулась в стороны. Конюх с дикими глазами умчался прочь, стремительно, как его лошади.

– Госпожа Дариан! – Прачка оправила юбки и, покрасневшись до корней волос, сделала книксен. – О госпожа, прошу, никому не рассказывай, не губи меня!

– Можешь не кланяться, я не из благородных. – Эда коротко улыбнулась. – Я решила на всякий случай напомнить тебе, что ты должна служить ее величеству каждый день. В последнее время ты была небрежна.

– О госпожа Дариан, признаюсь, я была рассеянна, но это от беспокойства. – Прачка заломила намозоленные руки. – Слуги шепчутся, госпожа. Говорят, третьего дня виверлинг напал на стадо у озер. Виверна! Как не испугаться, если просыпаются слуги Безымянного!

– Тем больше причин тебе быть внимательной к работе. Слуги Безымянного желали бы покончить с ее величеством, ведь ее смерть позволит их господину вернуться в мир, – сказала Эда. – Вот почему от твоего труда зависит жизнь, добрая женщина. Не забывай каждый день проверять, нет ли яда в ее постели, и следить, чтобы белье было свежим и благоуханным.

– Конечно же! Обещаю, впредь я буду внимательней.

– Нет, обещай не мне. Обещай Святому. – Эда кивнула на королевское святилище. – Ступай теперь к нему. Пожалуй, ты могла бы вымолить и прощение за свою... нескромность. Ступай туда с любовником и проси о милости. Поспеш!

Когда прачку сдуло ветром, Эда позволила себе улыбнуться. Нагнать страху на инисцев бывало даже слишком просто.

Ее улыбка скоро погасла. Виверны и в самом деле осмелели и таскали у людей скотину. Правда, уже несколько лет, как драконье племя пробуждалось от долгого сна, но такие случаи оставались редкими – а за последние месяцы повторялись уже несколько раз. Недобрый знак, что они набрались дерзости охотиться в обжитых местах.

Эда, держась в тени, пустилась в долгий путь к покоям ее величества. Она миновала королевскую библиотеку, обошла одного из разгуливавших по саду белых павлинов и вступила во внутренний дворик.

Аскалонский дворец – триумфальный взлет белого известняка – был самым большим и старым домом рода Беретнет, королевской династии Иниса. Давно стерся ущерб, нанесенный годом Горя Веков, когда драконье воинство вело войну с человеческим родом. Окна были забраны цветными стеклами всех оттенков радуги. В крепости нашло себе место святилище Добродетелей, сад с тенистыми лужайками и громадная королевская библиотека с облицованной мрамором часовой башней.

Посреди двора росла яблоня. Эда с болью в груди остановилась перед ней.

Прошло пять дней, как глухой ночью пропал из дворца Лот с благородным Китстоном Лугом. Никто не знал, где они и почему самовольно оставили двор. Сабран носила тревогу как плащ, но Эда скрывала свою за молчанием.

Она припомнила запах дыма на первом своем пиру Верности, где свела знакомство с благородным Артелотом Истоком. Двор каждую осень собирался, чтобы обменяться подарками и отпраздновать единство в странах Добродетели. Они тогда впервые узнали друг друга в лицо, хотя позже Лот рассказал, что новая камеристка давно вызывала его любопытство. Он слышал шепотки о восемнадцатилетней южанке, не благородного и не крестьянского рода, недавно обратившейся к Добродетелям Рыцарства. Посланник Эрсира представил ее королеве на глазах множества придворных.

«Я не принес вам к празднеству Нового года ни золота, ни драгоценностей, ваше величество. Вместо них я привел вам даму для вашего ближнего круга, – сказал Кассар. – Верность – величайший из всех даров».

Самой королеве едва исполнилось двадцать лет. Придворная дама без благородной крови и титула выглядела странным даром, но вежливость требовала его принять.

Праздник отмечался в честь единения, но оно имело свои границы. Никто в ту ночь не пригласил Эду на танец – никто, кроме Лота. Его – широкоплечего, на голову выше ее, чернокожего и с теплым северным выговором – знал весь двор. Наследник Златбука, где родился Святой, и близкий друг королевы Сабран.

«Госпожа Дариан, – с поклоном обратился он к ней, – если ты окажешь мне честь танцевать со мной, чтобы спасти от весьма скучной беседы с советником Эксчеквера, я буду твоим должником. Взамен... при мне фляга лучшего в Аскалоне вина, и мы разделим его поровну. Что скажешь?»

Она нуждалась в друзьях и в крепкой выпивке. И потому, хотя он и звался благородный Артелот Исток и хотя Эда была для него совсем чужой, они трижды протанцевали павану и провели остаток ночи под этой яблоней – пили и разговаривали под звездами. Она и не заметила, как расцвела их дружба.

А теперь он пропал, и тому могла быть только одна причина. Лот никогда не оставил бы двор по своей воле – не предупредив сестру и не испросив дозволения Сабран. Единственное объяснение – его вынудили.

Они с Маргрет предупреждали Лота. Говорили, что дружба с Сабран – коренившаяся в детских годах – рано или поздно станет угрозой ее брачным расчетам. Что теперь, повзрослев, он должен отдалиться от нее.

Лот никогда не прислушивался к доводам разума.

Эда стряхнула с себя задумчивость. Перейдя двор, она встала в стороне рядом с приближенными дамы Игрейн Венц, герцогини Справедливости. На их накидках была вышита ее эмблема.

Сад Солнечных Часов упивался утренним светом. Солнце заливало дорожки медом; окаймлявшие их розы таили в глубине темный румянец. Сверху смотрели статуи пяти великих королей дома Беретнет, часовыми выстроившиеся над входом в Алебастровую башню. В такие дни Сабран любила погулять здесь рука об руку с кем-либо из своих дам, но сегодня дорожки были пусты. Королева была не в настроении для прогулок после того, как у самого ее ложа нашли труп.

Эда приблизилась к Королевской башне. Увившая ее лесная лоза густо покрылась пурпурными цветами. Взойдя по длинным внутренним лестницам, Эда попала в покои ее величества.

Двенадцать рыцарей-телохранителей в золоченой броне и зеленых летних плащах охраняли дверь. Их наручи украшал цветочный узор, а почетное место на кирасах занимал герб Беретнетов. Они окинули подошедшую Эду острыми взглядами.

– Доброе утро, – проговорила она.

Узнав ее, они расступились перед личной камеристкой королевы.

Эда быстро отыскала даму Катриен Вити, племянницу герцогини Верности. В свои двадцать четыре года та была младшей и самой высокой из трех дам опочивальни, отличалась гладкой темной кожей, полными губами и тугими кудрями такого густого рыжего оттенка, что они казались почти черными.

– Госпожа Дариан, – приветствовала ее Катриен. Она, как и весь двор, по летнему времени одевалась в зеленые и желтые тона. – Ее величество еще не вставала. Нашла ли ты прачку?

– Да, сударыня. – Эда присела перед ней в реверансе. – Ее, как я поняла, отвлекли... семейные дела.

– Долг службы короне выше всех дел. – Катриен оглянулась на дверь. – Было новое вторжение. На этот раз негодяй оказался много ловчее. Он не только добрался до главной опочивальни – у него был ключ от ее дверей.

– До главной опочивальни! – Эда надеялась, что сумела изобразить изумление. – Значит, кто-то из ближнего круга изменяет ее величеству.

Катриен кивнула:

– Мы решили, что он подобрался по тайной лестнице. Она привела его прямо в личные покои, минуя рыцарей-телохранителей. А если вспомнить, что тайная лестница не открывалась лет десять... – Она вздохнула. – Сержант Портер отстранен за небрежность. С этого времени охрана не спустит глаз с дверей главной опочивальни.

Эда склонила голову:

– Какие для нас поручения на сегодня?

– Для тебя у меня особое дело. Как ты знаешь, сегодня прибывает ментский посланник Оскард утт Зидюр. Его дочь в последнее время небрежна в одежде. – Катриен поджала губы. – Благородная Трюд в первые месяцы при дворе всегда была опрятна, но теперь... подумать только, вчера она явилась на моления с листком в волосах, а за день до того забыла подпоясаться. – Катриен бросила на Эду долгий взгляд. – Я вижу, ты умеешь выглядеть подобающе своему положению. Присмотри, чтобы дама Трюд была готова к приему.

– Да, моя госпожа.

– И еще, Эда, о вторжении ни слова. Ее величество не желает сеять при дворе беспокойство.

Снова проходя между стражами, Эда резанула глазами их неподвижно застывшие лица.

Она давно знала, что душегубов пускает во дворец кто-то из приближенных королевы. А теперь этот кто-то передал им ключ, позволявший подобраться к спящей королеве Иниса.

Эда должна была узнать кто.

Род Беретнет, как большинство королевских династий, не миновали безвременные смерти. Глориан Первая выпила отравленного вина. Джиллиан Третья в первый же год правления получила удар в сердце от своего слуги. Мать самой Сабран, Розариан Четвертую, погубило платье, пропитанное ядом василиска. Как оно попало в ее гардероб, никто не знал, но подозревали измену.

А теперь убийцы подбирались к последнему отпрыску рода Беретнет. Каждое покушение подводило их чуть ближе к королеве. Один выдал себя, свалив украшавший коридор бюст. Другого заметили, когда он крался по Роговой галерее, а еще один выкрикивал проклятия и ругательства у дверей Королевской башни, пока его не схватила стража. Связи между несостоявшимися убийцами не нашли, но Эда не сомневалась: у них один хозяин. Некто, хорошо знавший дворец. Имевший возможность выкрасть ключ, сделать копию и в тот же день положить его на место. Кто-то, знавший, как открыть потайную лестницу, закрытую со смерти королевы Розариан.

Защищать Сабран было бы проще, окажись Эда в должности дамы опочивальни – доверенной приближенной королевы. Со времени своего прибытия в Инис Эда ждала случая продвинуться на это место, но почти смирилась с мыслью, что не дождется. Нетитулованная новообращенная едва ли могла претендовать на такое повышение.

Трюд она нашла в палате-«сундучке», где спали благородные фрейлины. Двенадцать кроватей стояли бок о бок. Здесь было просторнее, чем в девичьих других дворцов, но все же неудобно для девиц из знатных семей.

Младшие девушки со смехом перебрасывались подушками, но сразу присмирели, едва вошла Эда. Нужная ей фрейлина была еще в постели.

Благородная Трюд, маркесса Зидюра, была серьезной девицей с молочно-белой веснушчатой кожей и черными, как сажа, глазами. Ее прислали в Инис два года назад, пятнадцатилетней, чтобы научиться придворным манерам, прежде чем она унаследует от отца княжество Зидюр. Она держалась так настороженно, что Эде не раз приходил на ум воробышек. Трюд часто можно было найти в читальне, на лесенке у полок или листающей книги с крошащимися страницами.

– Благородная Трюд!

Эда приветствовала ее реверансом.

– Что такое? – со скукой в голосе отозвалась девушка.

Она до сих пор говорила с густым, как сливки, зидюрским выговором.

– Дама Катриен просила меня помочь тебе одеться, – сказала Эда. – С твоего позволения.

– Мне семнадцать лет, госпожа Дариан, и я как-нибудь сумею одеться сама.

Ее подружки захлебнулись воздухом.

– Боюсь, что дама Катриен другого мнения, – ровным голосом возразила Эда.

– Дама Катриен ошибается.

Новые вздохи. Эда задумалась, хватит ли в комнатухе кислорода.

– Дамы, – обратилась она к девушкам, – будьте любезны, найдите слугу и попросите принести воды для умывания.

Они вышли, не удостоив ее реверанса. Эда была выше их по положению при дворе, зато они были знатнее.

Трюд полежала еще, глядя в витражное окно, и стала вставать. Она поместилась на табурет рядом с умывальником.

– Прости меня, госпожа Дариан, – заговорила она. – Я не в духе сегодня. Последнее время сон бежит от меня. – Девушка сложила руки на коленях. – Если так желает дама Катриен, помоги мне одеться.

Она действительно выглядела усталой. Эда повесила полотенца греться у огня. Когда слуга принес воды, она встала за спиной у Трюд и собрала ее пышные кудри – длиной до пояса, густого цвета марены. Такой цвет был обычен в Вольном Ментендоне за Лебединым проливом, но редок в Инисе.

Трюд умыла лицо. Эда промыла ей волосы мыльничашницей, ополоснула дочиста и расчесала каждую кудряшку. Все это время девушка молчала.

– Здорова ли ты, моя госпожа?

– Здорова. – Трюд повертела кольцо на пальце, открыв под ним зеленый след. – Просто... мне досаждают другие фрейлины с их сплетнями. Скажи, госпожа Дариан, слышала ли ты что-нибудь о мастере Триаме Сульярде, бывшем оруженосце благородного Марка Бирчена?

Эда промокнула ей волосы согретым у огня полотенцем.

– Я о нем мало знаю, – сказала она. – Только что зимой он без разрешения покинул двор и что у него остались игорные долги.

– Девушки без умолку болтают о его исчезновении, выдумывают разные глупости. Я надеялась их унять.

– Сожалею, что обманула твои надежды.

Трюд взглянула на нее из-под каштановых ресниц:

– Ты тоже была фрейлиной?

– Да. – Эда отжимала полотенце. – Четыре года, после того как посланник ак-Испад представил меня ко двору.

– А потом тебя повысили. Может быть, королева Сабран и меня когда-нибудь сделает личной камеристкой, – задумчиво протянула Трюд. – Тогда мне не придется спать в этой клетке.

– Для юной девицы все – клетка. – Эда тронула ее за плечо. – Я принесу платье.

Сев у огня, Трюд принялась пальцами перебирать волосы. Эда оставила ее сохнуть.

За дверью девичья матрона, дама Олива Марчин, трубным голосом поднимала своих подопечных. Заметив Эду, она суховато поздоровалась:

– Госпожа Дариан.

Имя в ее устах прозвучало оскорблением. Эда ожидала этого от придворных. Что ни говори, она была южанка, рожденная в стране, где не признавали Добродетелей, а инисцам это внушало подозрения.

– Дама Олива, – спокойно отозвалась она. – Дама Катриен послала меня помочь благородной Трюд одеться. Можно мне взять ее платье?

– Хм... Ступай за мной. – Олива провела ее в другой коридор. Из-под ее платка выбилось седое колечко волос. – Хотела бы я, чтобы девушка поела. Она зачахнет, как цветок зимой.

– Давно она потеряла аппетит?

– С праздника начала весны. – Олива недовольно покосилась на Эду. – Придай ей достойный вид. Отец рассердится, если решит, что мы плохо кормим его дитя.

– Она не заболела?

– Я умею распознать болезнь, госпожа.

Эда незаметно улыбнулась:

– А любовную болезнь?

Олива поджала губы:

– Она фрейлина. Я не потерплю сплетен в девичьей.

– Прости, моя госпожа. Я пошутила.

– Ты камеристка королевы Сабран, а не шут при ней!

Фыркнув носом, Олива достала отглаженное под прессом платье и отдала ей. Эда с поклоном ретировалась.

В глубине души она терпеть не могла эту женщину. Четыре года в должности фрейлины были самыми несчастными в ее жизни. Несмотря на публичное обращение в Шесть Добродетелей, ее верность роду Беретнет подвергалась сомнению.

Она вспомнила, как, лежа на жесткой кровати в девичьей, она слушала болтовню соседок, обсуждавших ее южный выговор и ересь, которую Эда, должно быть, исповедовала в Эрсире. Олива никогда ни словом не останавливала их. Эда понимала, что это пройдет, но насмешки больно ранили ее гордость. Когда освободилось место личной камеристки, матрона с радостью сбыла ее с рук. Теперь Эда, вместо того чтобы танцевать для королевы, меняла ей воду для умывания и прибирала королевские покои. У нее была собственная комнатка и жалованье выше прежнего.

Трюд в девичьей уже надела свежую сорочку. Эда помогла ей с корсетом и летним подъюбником, затем одела в черное шелковое платье с рукавами-буф и кружевными вставками. Брошь со щитом ее покровителя, рыцаря Доблести, блестела у сердца. Все дети стран Добродетели в двенадцать лет выбирали себе рыцаря-покровителя.

Эда тоже носила такую брошь. Пшеничный колос, эмблему Щедрости. Она получила ее при обращении.

– Госпожа Эда, – обратилась к ней Трюд, – другие фрейлины говорят, что ты еретичка.

– Я не пропускаю молений в святилище, – ответила Эда, – в отличие от некоторых фрейлин.

Трюд всмотрелась в ее лицо.

– А Эда Дариан – твое настоящее имя? – вдруг спросила она. – По-моему, звучит не по-эрсирски.

Эда взяла в руки золотую ленточку:

– Так ты и эрсирский знаешь, благородная госпожа?

– Нет, но я читала историю этой страны.

– Чтение, – отшутилась Эда, – опасное времяпрепровождение.

Трюд остро взглянула на нее:

– Ты надо мной смеешься.

– Ничуть. В сказках великая сила.

– В каждой сказке есть зерно истины, – сказала Трюд. – Под иносказаниями они скрывают знания.

– И я надеюсь, что ты обратишь свои познания во благо. – Эда пальцами расчесала ее рыжие кудри. – Что до твоего вопроса – нет, это не настоящее мое имя.

– Я так и думала. А какое настоящее?

Отделив два локона, Эда переплела их ленточкой.

– Здесь его никто не слышал.

– Даже ее величество? – подняла брови Трюд.

– Даже она. – Эда развернула девушку лицом к себе. – Матрона озабочена твоим здоровьем. Ты уверена, что хорошо себя чувствуешь?

Трюд колебалась. Эда погладила ее по плечу как сестру:

– Ты знаешь мою тайну. Мы связаны обетом молчания. Ты что, носишь ребенка?

Трюд выпрямилась:

– Нет!

– Тогда в чем же дело?

– Это тебя не касается. Просто у меня живот не все принимает с тех пор...

– Как уехал мастер Сульярд.

Трюд вскинулась как от удара.

– Он пропал весной, – продолжала Эда. – Дама Олива говорит, что с того времени ты лишилась аппетита.

– Ты далеко заходишь в своих догадках, госпожа Дариан. Слишком далеко! – Трюд, раздувая ноздри, отстранилась от нее. – Я – Трюд утт Зидюр, потомок Ваттена, маркесса Зидюра. Одна мысль, что я могла унизиться до шашней с низкорожденным оруженосцем... – Она повернулась спиной к Эде. – Скройся с моих глаз, или я расскажу даме Оливе, что ты разносишь клевету на фрейлин.

Эда коротко улыбнулась и удалилась. Она слишком долго прожила при дворе, чтобы препираться с ребенком.

Трюд проводила ее глазами. Шагнув из коридора на солнечный свет, Эда вдохнула запах свежескошенной травы.

Одно было ясно: Трюд утт Зидюр тайно сблизилась с Триамом Сульярдом, – а Эда взяла за правило знать все тайны двора. Если Мать позволит, узнает и эту.

3

Восток

Рассвет расколол небо Сейки, как яйцо цапли. Бледный свет пролился в комнату. Впервые за восемь дней ставни были открыты.

Тани воспаленными глазами смотрела в потолок. Она провела беспокойную ночь, озноб и жар сменяли друг друга.

Больше ей в этой комнате не просыпаться. Настал День Выбора. День, которого она ждала с детства – и которым так глупо рискнула, решившись нарушить уединение. А попросив Сузу спрятать чужестранца на Орисиме, она рискнула и жизнью – своей и подруги.

Живот крутило, как мельничное колесо. Она подхватила форменную одежду, мешочек с умывальными принадлежностями и, не потревожив спящую Ишари, вышла из комнаты.

Южный дом стоял у подножия Медвежьей Челюсти – возвышавшегося над мысом Хайсан хребта. В этом и в трех других домах учения готовили смену для стражи Бурного Моря. Тани с трех лет жила в этом месте.

Ступить за порог было как шагнуть в печь для обжига. Зной опалил кожу, волосы на голове показались ей толстой шапкой. У Сейки был свой запах. Отворенный дождем аромат древесины и зелени листьев. Обычно Тани находила его успокаивающим, но сегодня ее ничто не могло утешить.

Пар от горячих источников сливался с утренним туманом. Тани скинула ночные одежды, шагнула в ближайший прудик и отскребла кожу горстью отрубей. В тени сливового дерева она оделась в платье ученицы и зачесала волосы на одну сторону, чтобы не закрывали голубого дракона, вышитого на блузе. К тому времени, как она вернулась в дом, комнаты ожили.

Она легко позавтракала чаем и бульоном. Несколько учеников, проходя, пожелали ей удачи.

Дождавшись срока, Тани первой покинула дом.

Снаружи ждали слуги с лошадьми. Они дружно поклонились. Тани уже сидела в седле, когда из дома выскочила встрепанная Ишари и тоже забралась на коня.

При виде Ишари у Тани перехватило горло. Они шесть лет делили одну комнату. А после церемонии, быть может, никогда больше не увидятся.

Они выехали за ворота, отделявшие дома учения от остального мыса Хайсан, проехали через мост, миновали бегущий с гор ручей и присоединились к ученикам из других домов. Тани поймала презрительную усмешку Турозы, своего соперника. Она выдерживала его взгляд, пока он, тронув пятками лошадь, не ускакал галопом к городу вместе со своими друзьями.

Тани в последний раз оглянулась, вбирая в память пышную зелень холмов и силуэты лиственниц на бледной синеве неба. А потом прикипела взглядом к горизонту.

Шествие медленно продвигалось по мысу Хайсан. Многие горожане проснулись пораньше, чтобы увидеть, как ученики едут к храму. Они усыпали улицу соляными цветами и толпились в переулках, вытягивая шею, чтобы разглядеть тех, кому сегодня выпадет честь избрания богами. Тани старалась сосредоточиться на тепле лошадиных боков, на перестуке копыт – лишь бы не думать о чужестранце.

Суза согласилась отвести инисца на Орисиму. Конечно, она согласилась. Она была на все готова ради Тани, как и Тани – ради нее.

Как нарочно, Суза когда-то водила знакомство с одним из часовых торгового поста, и тот рад был вернуть ее благосклонность. Причальные ворота остались открытыми, и Суза собиралась вплавь добраться до них с чужестранцем и сдать его главному орисимскому врачу, посулив заплатить ему серебром. Тот, по слухам, наделал игорных долгов.

Если нарушитель границы принес с собой красную болезнь, она останется заперта на Орисиме. Сразу после церемонии Суза анонимно донесет на него правителю Хайсана. Врача, в доме которого найдут чужого, обдерут кнутом, но, как полагала Тани, не убьют – чтобы не подвергать опасности союз с Вольным Ментендоном. Чужестранец, если пытка развяжет ему язык, может рассказать властям о двух женщинах, повстречавшихся ему ночью, но ему не дадут долго оправдываться. Меч быстро избавит остров от угрозы красной болезни.

Подумав об этом, Тани взглянула на свои ладони, где раньше всего должна была появиться сыпь. Она не касалась его кожи, но даже приближаться было смертельно опасно. Настоящее безумие. Тани никогда не простит себе, если Суза заразится.

Суза рискнула всем, чтобы этот день прошел, как мечталось Тани. Подруга не усомнилась ни в ее честности, ни в здравомыслии. Просто согласилась помочь.

Ворота Большого храма впервые за десять лет стояли открытыми. Их охраняли две гигантские статуи драконов, разинувших пасти в вечном реве. Сорок лошадей рысью прошли между колоссами. Первый, деревянный храм сгорел дотла в Великую Скорбь, и новый выстроили из камня. Сотни фонариков голубого стекла, свисая с карнизов, изливали холодный свет. Они походили на поплавки.

Сойдя с коня, Тани впереди Ишари вошла в ворота из выброшенных морем бревен. Туроза оказался рядом с ней.

– Да улыбнется тебе сегодня великий Квирики, Тани, – заговорил он. – Какой будет позор, если ученицу твоих достоинств сплавят на Пуховый остров.

– И там можно жить достойно, – отозвалась Тани, отдавая поводья слуге.

– Не сомневаюсь, именно так ты будешь говорить себе, живя там.

– Может быть, и ты тоже, достойный Туроза.

Дернув уголок губ, он обогнал ее и присоединился к друзьям из Северного дома.

– Он бы должен держаться с тобой уважительней, – пробормотала Ишари. – Думу говорил, ты почти во всех схватках обгоняешь его в счете.

Тани промолчала. По рукам у нее бегали мурашки. Она была лучшей в своем доме, как Туроза – в своем.

Фонтан, изваянный в образе великого Квирики – первого дракона, принявшего всадника-человека, – украшал внешний двор храма. Из его пасти изливалась соленая вода. Тани умыла руки и уронила каплю себе на губы.

У воды был чистый вкус.

– Тани, – позвала ее Ишари. – Я надеюсь, все пройдет, как ты желаешь.

– И я надеюсь на то же для тебя. – Все они желали одного исхода. – Ты последняя покинула дом.

– Пропала. – Ишари тоже совершила омовение. – Ночью мне слышалось, что у нас в комнате открывались ставни. Это меня растревожило, я не сразу уснула. Ты не выходила из комнаты?

– Нет. Может, это был наш премудрый учитель.

– Да, может быть.

Они прошли в огромный внутренний двор. Солнце осветило крыши и мощеную площадку.

Длинноусый мужчина стоял на верхней ступени, держа шлем под мышкой. Лицо у него было загорелым и обветренным. В наручах и латных перчатках, в легкой кирасе поверх темной синевы кафтана и в накидке с высоким воротом из черного бархата и шитого золотом шелка, он выглядел и вельможей, и солдатом.

На миг Тани забыла свои страхи. Она снова стала девчонкой, грезящей драконами. Перед ними был достойнейший морской начальник Сейки. Глава клана Мидучи, династии драконьих всадников, объединенной не только кровью, но и целью. Тани надеялась принять это имя.

У ступеней ученики выстроились в два ряда, преклонили колени и коснулись лбом земли. Тани слышала дыхание Ишари. Никто не поднимался. Никто не шевелился.

Чешуя зашуршала по камню. В теле натянулась каждая жилка, в груди сперло дыхание. Тани подняла взгляд.

Их было восемь. Она годами молилась перед статуями драконов, изучала их, наблюдала за ними издали, но впервые увидела так близко.

Их величина потрясала. Почти все были сейкинскими, серебристыми и стройными, гибкими, как хлыст. Невероятно длинные тела поддерживали их прекрасные головы, а четыре мускулистые лапы у каждого оканчивались тремя когтями. Длинные усы кольцами свисали от пасти и тянулись за ними, как нити бумажных змеев. Большинство их были еще молоды, быть может лет четырехсот от роду, но некоторые несли на себе шрамы Великой Скорби. Каждого покрывала чешуя и следы присосок – памятки вражды с гигантскими спрутами. Двое были четырехпалыми. Драконы империи Двенадцати Озер. Один из них был крылатым. Обычно драконы бескрылы и летают посредством особого органа на голове, называемого учеными «коронай». Крылья если и вырастают у немногих, то на третьем тысячелетии жизни.

Крылатый дракон был больше всех. Тани, даже вытянувшись во весь рост, не достала бы его морды под глазами. Крылья казались хрупкими, как из паутины, но их сила способна была поднять бурю. Тани высмотрела у него под челюстью зоб. Драконы, как устрицы, способны вынашивать жемчужины, по одной за целую жизнь. Жемчужины никогда не покидают их зоба.

Рядом с лакустринцем стояла дракана, тоже лакустринская и почти не уступавшая ему в росте. В ее светлой чешуе клубилась зеленоватая дымка, как в молочном нефрите, а грива была золотистой, как речная трава.

– Добро пожаловать, – сказал воинский начальник.

Его голос звенел, как зов боевой раковины.

– Встаньте.

Они повиновались.

– Сегодня вы присягнете одной из двух жизней: жизни стражей Бурного моря, защитников Сейки от болезни и вторжения, или жизни в познании и молитвах на Пуховом острове. Двенадцать из морской стражи будут удостоены чести стать всадниками драконов.

Всего двенадцать. Обычно бывало больше.

– Вы знаете, – продолжал морской начальник, – что уже два века не проклевывалось ни одно драконье яйцо. Несколько драконов нас лишил флот Тигрового Глаза, продолжающий мерзкую торговлю драконьим мясом под тиранией самозванной Золотой императрицы.

Все склонили головы.

– Нам выпала честь усилить наши ряды двумя великими воинами из империи Двенадцати Озер. Я верю, что это возвещает более тесную дружбу с нашими северными союзниками.

Морской начальник склонил голову к двум лакустринским драконам. Они окажутся не так привычны к морю, как сейкинские драконы, ведь лакустринцы предпочитают реки и другие пресные воды, но драконы обеих стран сражались в Великой Скорби бок о бок, и предки у них общие.

Тани почувствовала на себе взгляд Турозы. Этот, если станет всадником, будет уверять, что его дракон величайший из всех.

– Сегодня вы узнаете свою судьбу. – Морской начальник, достав из-за лацкана свиток, развернул его. – Приступим.

Тани подтянулась.

Первая вызванная ученица вознеслась в благородные ряды стражи Бурного моря. Морской начальник вручил ей накидку цвета летнего неба. Когда она приняла одежду, черный дракон-сейкинец заставил ее вздрогнуть, выпустив клуб дыма. Пошутил.

Думуза из Западного дома тоже попала в морскую стражу. Внучка двух всадников, она вела род не только от сейкинцев, но и от южной пустыни. Тани не отрывала взгляд, пока та, приняв новую форму, склонялась перед морским начальником и занимала место по правую руку от него.

Следующий ученик первым пополнил ряды ученых. Полученный им шелк был густого цвета шелковицы, и, когда он кланялся, плечи у него дрогнули. Тани ощутила, как по рядам учеников прошла тревожная рябь.

Туроза, само собой, вступил в стражу Бурного Моря. Ждать, пока назовут ее имя, пришлось, казалось, целую вечность.

– Достойная Тани из Южного дома.

Она выступила вперед.

Драконы рассматривали ее. Говорили, что им открыты глубочайшие тайны души, потому что люди состоят из воды, а все воды принадлежат им.

А вдруг они увидят, что она натворила?

Тани сосредоточилась на плитах у себя под ногами. Морской начальник, когда она встала перед ним, молча смотрел на нее, казалось, не один год. Все ее силы ушли на то, чтобы удержаться на ногах.

Наконец он достал голубой плащ. Тани выдохнула, слезы облегчения защипали ей глаза.

– Благодаря способностям и наклонностям, – заговорил он, – ты заслужила место в благородных рядах стражи Бурного Моря и должна поклясться идти по пути дракона до последнего вздоха. – Морской начальник склонился к ней. – Твои учителя прекрасно о тебе отзывались. Ты будешь ценным приобретением для моей стражи.

Тани низко склонилась:

– Это честь для меня, великий.

Морской начальник склонил голову.

Тани встала в ряд с четырьмя другими учениками справа от него. Она оцепенела от счастья, кровь в ней шумела, как волна по прибрежной гальке. Когда вперед вышел следующий кандидат, Туроза шепнул ей на ухо:

– Итак, нам с тобой вместе проходить водяные испытания. – Его дыхание пахло молоком. – Это хорошо.

– Я буду рада сразиться с таким искусным воином, как ты, достойный Туроза, – хладнокровно ответила Тани.

– Я вижу тебя насквозь, деревенщина. Вижу, что у тебя на сердце. То же, что и у меня. Честолюбие. – Он помолчал, пока следующий юноша отходил на другую сторону. – Разница в том, что такое я, а что – ты.

Тани мельком взглянула на него:

– Кем бы я ни была, мы с тобой стоим наравне, достойный Туроза.

От его смешка у нее похолодел загривок.

– Достойная Ишари из Южного дома.

Ишари медленно взошла по ступеням. Когда она встала перед ним, морской начальник вручил ей сверток красного шелка.

– По своим способностям и наклонностям, – проговорил он, – ты причислена к благородным рядам ученых и должна поклясться посвятить себя поиску новых знаний до последнего вздоха.

Ишари вздрогнула при этих словах, однако приняла сверток и склонилась.

– Благодарю, великий, – пробормотала она.

Тани смотрела, как Ишари отходит налево.

Та, должно быть, в смятении. Но все же она может преуспеть на Пуховом острове, а со временем вернуться в Сейки мастером-наставником.

– Жаль, – бросил Туроза. – Она ведь была тебе подруга?

Тани прикусила язык.

Следующей в их ряд встала первая ученица Восточного дома. Онрен была невысокой и коренастой, сквозь ее темный загар проступали веснушки. Густые волосы, падавшие ей на плечи, высохли от соленой воды и секлись. Губы она темнила кровью раковин.

– Тани, – сказала она, встав рядом, – поздравляю.

– И я тебя, Онрен.

Из всех учеников только они не пропустили ни одного рассвета без купания, и от этого между ними выросло что-то вроде дружбы. Тани не сомневалась, что и Онрен знала о слухах и тоже выбиралась окунуться в море перед церемонией.

От этой мысли ей стало не по себе. Мыс Хайсан изобиловал бухточками, но судьба вывела чужестранца прямо к ней.

Онрен опустила глаза на свой сверток шелка. Она, как и Тани, была из бедной семьи.

– Они чудесные, – шепнула она, поглядывая на драконов. – Надеюсь, я попаду в число двенадцати.

– Не маловата ли ты для дракона, малютка Онрен? – протянул Туроза. – Разве что на хвосте примостишься.

Онрен оглянулась на него через плечо.

– Слышу твой голос. Мы знакомы? – Едва он открыл рот, она сказала: – Можешь не отвечать. Вижу, что ты дурак, а с дураками я знакомства не вожу.

Тани скрыла улыбку за волосами. В кои-то веки Турозе заткнули рот.

Когда последний ученик получил свой плащ, оба ряда развернулись лицом к морскому начальнику. Ишари, со следами слез на щеках, не поднимала глаз от свертка в руках.

– Вы уже не дети. Перед вами открыты все дороги. – Морской начальник обернулся направо. – Четверо из морских стражей выступили выше ожиданий: Туроза из Северного дома, Онрен из Восточного дома, Тани из Южного дома и Думуза из Западного дома. Повернитесь лицом к старейшим, чтобы они узнали ваши имена и лица.

Они повиновались. Тани, вместе с тремя другими шагнув вперед, снова коснулась лбом пола.

– Поднимитесь, – сказал один из драконов.

От его голоса содрогнулась земля. Он был таким глубоким и низким, что Тани не сразу поняла.

Четверо послушно выпрямили спины. Самый большой из сейкинцев опустил голову, чтобы глаза пришлись вровень с их лицами. Между его зубами мелькнул длинный язык.

Мощно толкнувшись лапами, он вдруг взлетел в воздух. Все ученики попадали ничком, стоять остался один морской начальник. Он раскатисто хохотал.

Млечно-зеленая лакустринская дракана показала зубы в усмешке. Тани почудилось, что она проваливается в бурные водовороты ее глаз.

Дракана вместе со всеми родичами поднялась над городскими крышами. Плоть – это вода. Когда дымка божественного дождя пролилась с их чешуй, промолив людей на земле, сейкинец вздыбился, вдохнул и выдохнул могучий порыв ветра.

Все гонги храма отозвались ему.

Никлайс проснулся с пересохшим ртом и ужасающей головной болью, как просыпался тысячу раз. Он поморгал и протер уголок глаза костяшкой пальца.

Звон колоколов.

Вот что его разбудило.

Он пробыл на этом острове шесть лет, а звон слышал впервые. Подняв трость, он встал, налегая на палку так, что задрожали руки.

Должно быть, тревога. Пришли за Сульярдом, схватят их обоих.

Никлайс в отчаянии завертелся на месте. Оставалась одна надежда – уверять, что пришелец спрятался в доме без его ведома.

Он выглянул из-за ширмы. Сульярд крепко спал лицом к стене. Этот хоть умрет спокойно.

Солнце слишком расщедрилось на свет. Рядом с домиком Никлайса сидел под сливовым деревом его помощник Муст и его сейкинская супруга Паная.

– Муст! – крикнул Никлайс. – Что за шум такой?

Тот только рукой махнул. Никлайс, выбравшись, сунул ноги в сандалии и, отгоняя чувство, что идет навстречу гибели, вышел к ним.

– Доброго тебе дня, достойная Паная, – с поклоном поздоровался он на сейкинском.

– Премудрый Никлайс... – В уголках глаз у нее пролегли морщинки. Она одевалась в светлые тона, одежда по голубому тону была расписана белыми цветами, рукава и ворот вышиты серебром. – Тебя разбудили гонги?

– Да. Смею спросить, что они означают?

– Звонят в честь Дня Выбора, – объяснила сейкинка. – Старшие ученики домов учения закончили курс и переходят в ряды ученых или стражи Бурного Моря.

Стало быть, иноземцы тут ни при чем. Никлайс все еще обливался потом. Он достал платок, утер лицо.

– Здоров ли ты, Рооз? – спросил Муст, прикрывая глаза от солнца.

– Ты же знаешь, как я ненавижу здешнее лето. – Никлайс запихнул платок в карман. – День Выбора проходит каждый год, так? – спросил он у Панаи. – Но я впервые слышу звон.

Теперь колокола сменились барабанным боем. Пьянящие звуки веселого праздника.

– А... – еще шире улыбнулась Паная. – Но сегодняшний День Выбора особенный.

– Вот как?

– Разве не знаешь, Рооз? – хихикнул Муст. – Ты ведь прожил здесь дольше меня.

– Этого Никлайсу могли не сказать, – мягко вступилась Паная. – Видишь ли, Никлайс, после Великой Скорби было решено, что раз в пятьдесят лет несколько сейкинских драконов станут принимать всадников-людей, чтобы мы всегда были готовы сражаться заодно. Тем, кто сегодня избран в стражу Бурного Моря, выпадет этот шанс, и теперь им предстоит водяные испытания, чтобы решить, кто будет всадником.

– Понятно. – Никлайс так заинтересовался, что на время забыл о страхе за Сульярда. – И они на своих конях будут, полагаю, сражаться с пиратами и контрабандистами?

– Не на «конях», Никлайс. Драконы – не лошади.

– Прости, достойная. Неудачно выбрал слово.

Паная кивнула. Ее рука поднялась к висевшей на шее фигурке дракона.

В странах Добродетели подобная вещь была бы уничтожена: там больше не видели разницы между древними драконами Востока и более молодым племенем огнедышащих змеев, ужаснувших когда-то мир. Те и другие считались злом. Дверь на Восток была закрыта так давно, что его обычаи забылись или толковались ошибочно.

Никлайс и сам так думал, пока не попал на Орисиму. В день изгнания из Ментендона он наполовину верил, что уезжает в страну, народ которой в рабстве у созданий, равных злобой Безымянному.

Как ему было страшно в тот день! В Менте каждый ребенок, едва научившийся говорить, знал историю Безымянного. И самого Никлайса милая матушка до слез пугала описаниями отца и главы всех огнедышащих – того, кто, вырвавшись из горы Ужаса, сеял хаос и опустошения, пока рыцарь Галиан Беретнет, спасая человеческий род, не нанес ему тяжелую рану. И тысячу лет спустя его образ населял кошмары.

Прогремевшие по мосту Орисимы подковы оторвали Никлайса от воспоминаний.

Солдаты.

Нутро у него обратилось в воду. Это за ним... но теперь, когда час настал, он вместо страха нашел в себе особую легкость. Если это случится сегодня – пусть так. А не то все равно смерть от рук часовых за игорные долги.

«Святой, – взмолился он, – дай мне не обмочиться перед концом».

Под доспехами солдаты носили красное. Их командир – приглядный собой и ретивый служака – не называл своего имени обитателям Орисимы. Он был на голову выше Никлайса и всегда носил полный доспех.

Спешившись, он зашагал к дому, где жил Никлайс. Начальника окружали часовые, не снимавшие рук с рукоятей мечей.

– Рооз! – Кулак в латной перчатке ударил в дверь. – Рооз, открывай, или я ее выломаю!

– Не нужно ничего ломать, достойный, – окликнул его Муст. – Ученый доктор Рооз здесь.

Тот развернулся на каблуках и, сверкнув темными глазами, направился к ним:

– Рооз.

Никлайс и хотел бы верить, что никто никогда не обращался к нему так пренебрежительно, но это была ложь.

– Можешь звать меня хотя бы и Никлайсом, достойный старший распорядитель, – заговорил он, с трудом натянув на лицо улыбку. – Мы так давно знакомы...

– Помолчи, – отрезал чиновник. Никлайс захлопнул рот. – Мои часовые нашли причальные ворота открытыми. Рядом видели пиратский корабль. Если кто-то из вас укрывает нарушителей границы или контрабандный товар, признайтесь сразу, и да смилуется над вами дракон.

Паная с Мустом молчали. В душе Никлайса вспыхнула короткая, но яростная битва. В его доме Сульярду негде было спрятаться. Не лучше ли объявить о нем самому?

Решиться он не успел, потому что распорядитель дал знак часовым:

– Обыскать дома.

Никлайс перестал дышать.

На Сейки водилась птица, кричавшая, как начинающий плакать младенец. Для Никлайса она стала мучительным символом всей его орисимской жизни. Писк, так и не переходящий в плач. Ожидание удара, который все медлит. Пока часовые обшаривали дома, эта несчастная птица раскричалась, и, кроме нее, Никлайс ничего не слышал.

Часовые вышли наружу с пустыми руками.

– Здесь никого, – крикнул один.

Все силы Никлайса ушли на то, чтобы не дать подогнуться коленям. Старший распорядитель долго смотрел на него с непроницаемым лицом, затем отошел на соседнюю улицу.

А птица все кричала: ик-ик-ик...

4

Запад

Где-то в Аскалонском дворце черные стрелки на циферблате молочного стекла подползли к полудню.

Зал собраний, где ждали ментцев, был полон: так происходило, когда в Инис являлись иноземные посланники. Распахнутые окна впускали внутрь пахнувший цветочным нектаром ветерок. Но разогнать духоту он был не в силах. Лбы блестели от пота, всюду колыхались перья вееров, и казалось, зал полон порхающих птиц. Эда стояла в толпе с другими личными камеристками, слева от Маргрет Исток. По другую сторону ковра собрались фрейлины. Трюд утт Зидюр поправляла ожерелье. Эда никак не могла понять, отчего бы жителям Запада не отказаться летом от многослойной одежды.

По гулкому залу прошел ропот. Сабран Девятая озидала подданных с высоты своего мраморного трона.

Королева Иниса была копией своей матери, и ее матери, и долгих поколений предков. Необычайное сходство. У нее, как у всех предшественниц, были черные волосы и сияющие зеленые глаза, словно расщеплявшие солнечный свет. Говорили, что, пока живет ее род, Безымянный не воспрянет ото сна.

Сабран холодно окинула подданных взглядом, ни на ком не задерживаясь. Она едва достигла двадцати восьми лет, но в глазах ее скрывалась мудрость женщины много старше.

Сегодня она воплощала собой богатство королев Иниса. Платье из черного атласа, в уважение ментской моды, до талии открывало корсаж, бледный, как ее кожа, и блиставший серебром и мелким жемчугом. Алмазный венец подтверждал ее королевское достоинство.

Трубачи возвестили появление ментцев. Сабран шепнула что-то даме Арбелле Гленн, виконтессе Сют, и та, улыбнувшись, накрыла ее ладонь своей покрытой старческими пятнами рукой.

Первыми вошли знаменосцы. Они несли серебряного лебедя Ментендона на черном поле, с Истинным Мечом между крылами.

За ними шли слуги и охрана, переводчики и чиновники. И последним в зал порывисто шагнул Оскард, герцог Зидюр, в сопровождении постоянного ментского посланника. Зидюр был тучен, борода и волосы рыжие до красноты, как и кончик его носа. В отличие от дочери, у него были серые глаза рода Ваттен.

– Королева, – торжественно поклонился он, – какая честь вновь быть принятым при вашем дворе.

– Добро пожаловать, герцог, – ответила Сабран. Голос ее звучал низко и властно. Она протянула Зидюру руку, и тот, взойдя на ступени, поцеловал коронационное кольцо. – Наше сердце воспрянуло с вашим возвращением в Инис. Легок ли был ваш путь?

Это «наше» все еще резало Эде слух. Перед людьми Сабран говорила не только от своего имени, но и за своего предка, Святого.

– Увы, королева, – мрачно отозвался Зидюр, – в Холмах нас атаковала взрослая виверна. Мои лучники ее сбили, но, если бы не их бдительность, мы умылись бы кровью.

Ропот. Эда видела, как волна тревоги прошла по залу.

– Опять, – шепнула ей Маргрет. – Две виверны за считанные дни.

– Нас весьма печалит эта весть, – обратилась к посланнику Сабран. – Отряд наших странствующих рыцарей проводит вас обратно до Гнездовья. Ваш обратный путь будет безопаснее.

– Благодарю, ваше величество.

– Теперь же ты, верно, желаешь увидеть дочь. – Сабран нашла взглядом фрейлину. – Выйди вперед, дитя.

Трюд, ступив на ковер, присела в реверансе. Когда она поднялась, отец обнял ее:

– Дочь моя. – Он взял ее за руку, улыбка едва не расколола его лицо. – Ты просто сияешь!

А как выросла! Скажи, хорошо ли обращаются с тобой в Инисе?

– Много лучше, чем я заслуживаю, отец, – ответила Трюд.

– Отчего ты так говоришь?

– Это столь великий двор... – Она обвела рукой сводчатые потолки. – Иногда я чувствую себя такой маленькой и тусклой, будто мне никогда не сравняться даже с этими великолепными потолками.

По залу пробежали смешки.

– Остроумно, – шепнула Линора Эде. – Не правда ли?

Эда закрыла глаза. Что за люди!

– Чепуха, – обратилась Сабран к Зидюру. – Твоя дочь любима при дворе. Она станет достойной супругой любому, кого изберет ее сердце.

Трюд с улыбкой потупила взгляд. Зидюр хихикнул:

– Ах, ваше величество, боюсь, Трюд слишком любит свободу, чтобы избрать себе спутника так рано, сколько бы я ни мечтал о внуках. От глубины души благодарю вас за заботу о моей дочери.

– Не благодари. – Сабран обхватила подлокотники трона. – Мы всегда рады принимать при дворе наших друзей из стран Добродетели. Однако нам любопытно, что теперь привело вас из Ментендона.

– Герцог Зидюр прибыл с предложением, королева, – подал голос постоянный ментский посланник. – И мы надеемся, что это предложение вас заинтересует.

– В самом деле, – откашлялся Зидюр, – его высочество Обрехт Второй, великий князь Вольного Ментендона, давно восхищается вашим величеством. Он наслышан о вашей отваге, красоте и непоколебимой приверженности Шести Добродетелям. Теперь, после погребения покойного двоюродного деда, он желает укрепить союз наших стран.

– Каким же образом князь намерен выковать такой союз? – осведомилась Сабран.

– Посредством брака, ваше величество.

Все глаза обратились к трону.

Время до рождения наследницы рода Беретнет всегда было ненадежным. В их роду рождались лишь дочери – одна дочь у каждой королевы. Подданные видели в том доказательство их святости.

От каждой королевы Иниса ожидали брака и рождения наследницы при первой возможности, дабы ее смерть не оставила страну без правительницы. Подобное было чревато гражданской войной в любом государстве, но, согласно верованиям инисцев, конец дома Беретнет неизбежно привел бы к пробуждению Безымянного и опустошению мира.

И все же Сабран до сих пор отвергала все предложения.

Королева откинулась на троне, вглядываясь в лицо Зидюра. Ее лицо, как обычно, ничего не выдавало.

– Мой милый Оскард, – заговорила она. – Твое предложение нам льстит, но, как нам помнится, ты женат?

Двор разразился смехом. Беспокойное ожидание Зидюра теперь разрешилось улыбкой.

– Царственная дама, – ответил он, отсмеявшись, – твоей руки ищет мой повелитель.

– Продолжай, – с тенью улыбки повелела Сабран.

Виверны были забыты. Зидюр, расхрабравшись, сделал шаг вперед.

– Сударыня, – сказал он, – как вам известно, королева Сабран Седьмая вступила в брак с моим далеким предком Хайнриком Ваттенном, наместником Ментендона, находившегося тогда под властью иноземцев. Однако, с тех пор как род Львевелин сместил Ваттенов, наши страны связывала только общая вера.

Невозмутимость, с которой слушала посланника Сабран, ни разу не перешла ни в скуку, ни в презрение.

– Князь Обрехт помнит, что предложение его покойного двоюродного деда было отвергнуто вашим величеством, как и... гм, королевой-матерью? – Зидюр откашлялся. – Но мой повелитель полагает, что может предложить вам супружество иного сорта. Также он видит множество преимуществ от обновленного союза Иниса с Ментендоном. Мы – единственная страна, поддерживающая торговлю с Востоком, а теперь, когда Искалин впал во грех, князь полагает необходимым союз, который свяжет наши веры.

Последнее заявление было принято не без ропота. Еще недавно лежавший к югу Искалин принадлежал к странам Добродетели. Пока не принял нового бога – Безымянного.

– Великий князь предлагает вам знак своей любви, если ваше величество соизволит его принять. Он знает, как вы любите перлы моря Солнечных Бликов.

Посланник щелкнул пальцами. Ментский слуга приблизился к трону с бархатной подушечкой в руках и преклонил колени. На подушечке лежала открытая раковина, в которой сияла зеленоватым отблеском большая, как вишня, черная жемчужина. Так отливает под солнцем булатная сталь.

– Это лучшая из его солнечных жемчужин, выловленных у побережья Сейки, – пояснил Зидюр. – Она стоит дороже корабля, доставившего ее через Бездну.

Сабран склонилась вперед. Слуга поднял подушечку выше.

– Верно, что нам по душе солнечный жемчуг и что мы им дорожим, – сказала королева. – И я с радостью приму этот дар. Но это не означает согласия на брак.

– Разумеется, ваше величество. Дар от друга из страны Добродетели, не более.

– Прекрасно.

Королева нашла взглядом даму Розлайн Венц, старшую из благородных камеристок, одетую в изумрудный шелк с рюшами из плетеного кружева. Воротник скрепляла брошь в виде двойного кубка – такие носили все, избравшие покровителем рыцаря Справедливости, однако позолота на ее броши говорила, что в жилах Розлайн течет кровь этого рыцаря. По незаметному знаку Розлайн одна из камеристок поспешила унести подушечку.

– Как бы ни тронул нас этот дар, твой повелитель должен знать о нашем отношении к еретическим обычаям Востока, – сказала Сабран. – Мы не желаем говорить на их языке.

– Несомненно, – согласился Зидюр. – И все же наш повелитель верит, что красота жемчужины не потускнеет от ее происхождения.

– Быть может, он прав. – Сабран снова откинулась на троне. – Мы слышали, что его высочество, пока не стал великим князем, готовился к должности священнослужителя. Расскажи нам о других его... достоинствах.

Шепотки в зале.

– Князь Обрехт, моя госпожа, умен и добр и наделен большой проницательностью в политических делах, – начал Зидюр. – Ему тридцать четыре года, рыжий цвет его волос мягче, чем у меня. Он прекрасно играет на лютне и танцует без усталости.

– С кем, хотелось бы знать?

– Чаще всего со своими благородными сестрами, ваше величество. С княжной Льети, княжной Эрмуной и княжной Бетрис. Всем им не терпится увидеть вас.

– Часто ли он молится?

– Трижды в день. Он более всего предан рыцарю Щедрости, своему покровителю.

– А есть ли у него хоть один недостаток, Оскард?

– Ах, ваше величество, у каждого из нас, смертных, есть недостатки – кроме вас, конечно. Единственный недостаток моего господина – что он изнуряет себя заботами о своем народе.

Сабран вновь стала серьезной.

– В этом, – сказала она, – он уже един с нами.

Шепотки разбежались по залу, как огонь.

– Ты тронул нашу душу. Мы обдумаем предложение вашего князя.

Раздались осторожные рукоплескания.

– Наш Совет Добродетелей займется этим делом далее. Пока же вы окажете нам честь, если со своими спутниками присоединитесь к нам на пиру.

Зидюр отвесил еще один поклон:

– Это честь для нас, ваше величество.

Двор с поклонами и реверансами стал расходиться. Сабран спустилась по ступеням в сопровождении дам опочивальни. За ними шли фрейлины.

Эда понимала, что Сабран ни за что не выйдет за Рыжего князя. Она имела обыкновение нанизывать женихов как рыбу на кулан, принимая дары и лесть, но не уступая своей руки.

Когда придворные разошлись, Эда с другими камеристками вышла через другую дверь. Светловолосая и румяная Линора Пэйлинг, одна из четырнадцати детей графа и графини Пэйлингова холма, была большой любительницей сплетен. Эда считала эту девушку невыносимой.

А вот Маргрет Исток давно уже стала ей любимой подругой. Три года назад вступив в ближний двор, она сдружилась с Эдой так же быстро, как брат Лот, который был шестью годами старше. Эда скоро обнаружила, что у них с Маргрет сходное чувство юмора, обе умеют угадывать чужие мысли по лицу и держатся одних взглядов на большинство придворных.

– Сегодня нам надо поспешить с работой, – сказала Маргрет. – Сабран ожидает, что мы покажемся на пиру.

Маргрет очень походила на своего брата: та же кожа черного дерева и сильные черты лица. Со времени исчезновения Лота прошла неделя, а веки у нее до сих пор были припухшими.

– Предложение! – заговорила Линора, едва они отошли по коридору туда, где их не могли слышать. – Да еще от князя Обрехта! Я думала, он слишком благочестив для брака.

– Никакое благочестие не мешает браку с королевой Иниса, – возразила Эда. – Это она слишком благочестива для замужества.

– Но стране нужна принцесса!

– Линора, – сдерживаясь, проговорила Маргрет, – поскромнее, прошу тебя.

– Но ведь нужна же!

– Королеве Сабран нет еще и тридцати. Времени достаточно.

Эда поняла, что о подсланных убийцах они не слышали, не то Линора выглядела бы серьезнее. Впрочем, судя по ее виду, она никогда не забивала себе голову. Для нее любая трагедия была лишь поводом для сплетен.

– Говорят, великий князь несметно богат, – вновь затрещала она. Маргрет вздохнула. – И путь к торговле с Востоком нам был бы выгоден. Только подумать: солнечный жемчуг, прекрасное серебро, пряности, самоцветы...

– Королева Сабран презирает Восток, как следовало бы и нам, – напомнила Эда. – Они змеепоклонники.

– Да ведь Инис не станет сам вести с ними торговлю, глупенькая. Мы купим все это у ментцев.

Даже такой обмен выглядел нечистым. Ментцы торговали с Востоком, а Восток обожествлял змеев.

– Меня тревожат его связи, – заметила Маргрет. – Князь в свое время был обручен с донматой Маросой. А она теперь – наследница драконьего царства.

– Ну, та помолвка давно разорвана. К тому же, – встряхнув волосами, добавила Линора, – едва ли она ему так уж нравилась. Он должен был распознать, что у нее злая душа.

У дверей личных покоев Эда обернулась к спутницам.

– Сударыни, – сказала она, – я сегодня сделаю все сама. Идите пируйте.

– Без тебя? – нахмурилась Маргрет.

– Одной камеристки никто не хватится, – улыбнулась Эда. – Ступайте обе. Угоститесь хорошенько.

– Благослови тебя рыцарь Щедрости! – Линора уже спешила по коридору. – Ты такая добрая!

Маргрет хотела пойти за ней, но Эда поймала ее за локоть.

– От Лота ничего не слышно? – тихо спросила она.

– Пока ничего. – Маргрет коснулась ее плеча. – Но что-то происходит. На этот вечер меня вызвал Ночной Ястреб.

Сейтон Комб. Глава разведки. Его все звали Ночным Ястребом, потому что когтил своих жертв под покровом тьмы. Недовольные, алчущие власти, позволявшие себе вольности с королевой – он умел устранить любые помехи.

– Думаешь, он что-то знает? – спросила Эда.

– Вечером станет ясно.

Пожав ей руку, Маргрет поспешила за Линорой.

Маргрет Исток всегда страдала в одиночестве. Ни с кем не делилась своей ношей, даже с ближайшими друзьями.

Эда и думать не думала попасть в их число. Прибыв в Инис, она твердо решила ни с кем не сближаться, чтобы не выдать ненароком своей тайны. Но ей, выросшей в дружном сообществе, очень недоставало подруг и бесед. Рядом с ней с рождения была Йонду – сестра во всем, только не по крови, и, оставшись без нее, Эда почувствовала себя сиротой. Вот почему, когда брат и сестра Исток предложили ей дружбу, она уступила и не пожалела об этом.

Эда еще увидится с Йонду, когда ее наконец отзовут домой, но тогда ей будет не хватать Маргрет и Лота. Впрочем, если обитель будет молчать, как сейчас, этот день настанет не скоро.

Большая опочивальня Аскалонского дворца была высокой, со светлыми стенами, мраморными полами и огромной кроватью под балдахином. Покрывало и валики подушек крыты желтовато-белой парчой, простыни – из тончайшего ментского полотна, занавеси двойные, легкие и тяжелые – их задерживали по желанию Сабран.

В изножье кровати ждала плетеная корзина, и ночной горшок в шкафчике отсутствовал. Как видно, королевская прачка вернулась к работе.

В спешной подготовке к визиту ментцев смену белья отложили на потом. Приоткрыв балконную дверь, чтобы выпустить застойную духоту, Эда сняла простыни и покрывала, прощупала руками пуховую перину, проверяя, не зашиты ли в нее клинки или флаконы с ядом.

Она и без помощи Маргрет с Линорой управилась быстро. Пока фрейлины веселились на пиру, девичья пустовала. Самое время разобраться в связи Трюд утт Зидюр с пропавшим оруженосцем Триамом Сульярдом. Эде надо было знать обо всем, что происходит при этом дворе, от кухни до трона. Без этого она не смогла бы защищать королеву.

Трюд знатного рода, наследница целого состояния. Интересоваться безродным оруженосцем ей никак не следовало. Однако, когда Эда намекнула на ее с ним связь, девушка всполошилась, как застигнутая над желудом дубовая мышь.

Эда знала, как пахнут секреты. От Трюд, как духами, веяло тайной.

Закончив с опочивальней, она оставила постель проветриться и отправилась к зданию, где располагалась девичья. Олива Марчин, конечно, пировала со всем двором, но оставила вместо себя соглядатая. Эда на цыпочках поднялась по лестнице и шагнула через порог.

– Эт-кто? – прокаркали сверху. – Кто идет?

Она замерла. Никто другой ее бы не услышал, но у этого сторожа был острый слух.

– Куда лезешь?! Кто тут?

– Ах ты, курица, – прошипела Эда.

По позвоночнику у нее скатилась капля пота. Подобрал юбки, она вытащила из ножен на голени кинжал.

Птица сидела на насесте над дверью. При виде Эды она склонила голову набок.

– Куда лезешь? – повторила она грозно. – Дурная девица. Пошла вон!

– Слушай хорошенько, милый. – Эда показала кинжал, заставив птицу нахохлиться. – Ты, может, воображаешь себя важной особой, но рано или поздно ее величеству захочется пирога с голубятиной. И вряд ли она заметит разницу, если вместо голубя я запеку тебя.

По правде сказать, птица была красива. Радужный пересмешник. В его оперении соседствовали голубой, зеленый и шафрановый цвета, и головка была ярко-розовой. Жаль было бы зажарить такого.

– Плати, – заявил сторож, кланув коготком.

Эта птичка, в бытность Эды фрейлиной, пособничала множеству запретных свиданий. Эда спрятала кинжал и, поджав губы, открыла шелковый мешочек на поясе:

– Вот. – Она опустила на блюдечко три цуката. – Остальное получишь, если будешь умницей.

Пересмешник не ответил – он уже долбил сласти клювом.

Дверь в комнату не запиралась. Предполагалось, что юным девицам скрывать нечего. Шторы были опущены, огонь погашен, кровати застланы.

Здесь было всего одно место, где хитрая девчонка могла спрятать свои тайные сокровища.

Эда отвернула ковер и поддела кинжалом половицу. Под ней в пыли лежала блестящая дубовая шкатулка с резной крышкой. Эда поставила ее себе на колени.

Внутри скрывались вещицы, которые Олива отобрала бы не задумываясь. Толстая книга с золотыми алхимическими знаками. Перо и чернильница. Кусочки пергамента. Деревянная подвеска. И стопка писем, перевязанных ленточкой.

Эда развернула одно. Рыхлая бумага помялась и истерлась. Судя по расплывшейся дате, письмо было написано прошлым летом.

На разгадку шифра ушла минута. Он был чуть сложнее того, что обычно применялся для любовной переписки придворных, но Эду с детства учили разгадывать такие головоломки.

«Это тебе, – неровным почерком писал отправитель письма. – Я купил в „Альбатросе“. Надевай иногда и вспоминай меня. Я скоро еще напишу».

Эда взяла другое послание, написанное на более плотной бумаге. Писано годом раньше.

«Прости мою смелость, госпожа, но я думаю только о тебе». И еще одно: «Любимая! Встретимся под часовой башней после молений».

Недолго пришлось искать, чтобы понять: Трюд с Сульярдом завели роман и удовлетворили свои желания. Обычное дело – лунный свет на воде. Но одна фраза заставила Эду задуматься.

«Наше предприятие потрясет мир. Это наш долг перед богом».

Молодые влюбленные не назовут свою страсть «предприятием» (разве что их поэтичность сильно уступает их влюбленности). «Пора обдумать план действий, любимая».

Эда листала нежные признания и загадки, пока не добралась до даты начала весны, когда пропал Сульярд. Буквы в письме расплывались.

Прости меня. Я должен уехать. Я встретил в Гнездовье моряка, и он сделал мне предложение, от которого я не мог отказаться. Я помню, что мы собирались отправиться вместе, но так будет лучше, сердце мое. Ты могла бы помочь на своем месте, при дворе. Когда я пришло весть об успехе, убеди ее в необходимости союза с Востоком. Она должна осознать опасность. Сожги

*это письмо. Пусть никто не узнает о нашем деле, пока оно не будет сделано.
Когда-нибудь о нас сложат легенды, Трюд.*

Гнездовье. Самый большой иинисский порт, главные ворота на большую землю. И так, Сульярд уплыл морем.

Под половицей скрывалось еще кое-что. Тонкая, переплетенная в кожу книжица. Эда проследила пальцем заглавие, написанное, несомненно, восточным письмом.

Этой книги Трюд не нашла бы ни в одной иинисской библиотеке. А если бы книгу обнаружили у нее, она никак не отделалась бы выговором.

– Идут! – каркнул пересмешник.

Внизу хлопнула дверь. Эда спрятала книгу и письма под плащ, а шкатулку вернула в тайник.

Шаги гулко отдавались по половицам. Она поставила на место дощечку. Проходя мимо насеста, высыпала на блюдечко остатки цукатов.

– Ни слова, – шепнула она сторожу, – не то я пушу твои разноцветные перышки на писчие перья.

Пересмешник недовольно закудаhtал вслед выпрыгнувшей в окно Эде.

Они лежали бок о бок под яблоней во дворе – как часто бывало в летний зной. Рядом стояла фляга вина с большой кухни и блюдо с острым сыром и свежим хлебом. Эда рассказывала ему, какую шутку разыграли фрейлины с почтенной Оливой Марчин, и он смеялся до колик. Она как рассказчица совмещала в себе достоинства поэта и шута.

Солнце выманило к ней на нос веснушки. Ее черные волосы рассыпались по траве. Сквозь солнечный блеск она видела над собой башню с часами, и цветные стекла окон, и яблоки на ветвях. Все было хорошо.

– Мой господин...

Воспоминание рассыпалось вдребезги. Лот поднял глаза на беззубого трактирщика.

Зал таверны был полон селян. Где-то неподалеку лютнист воспевал красоту королевы Сабран. Еще несколько дней назад он выезжал с ней на охоту. Теперь между ними пролегли длинные лиги, и певец сочинял о ней сказки. Лот знал одно: он ступил на дорогу, почти наверняка ведущую к смерти, а вытолкнула его на эту дорогу нежданная ненависть герцогов Духа.

Как неожиданно рухнула его жизнь!

Трактирщик поставил перед ним поднос с двумя мисками похлебки, грубо порезанным сыром и караваем ячменного хлеба:

– Чем еще услужить вам, мой господин?

– Ничего не нужно, – ответил Лот. – Спасибо.

Трактирщик низко поклонился. Едва ли ему каждый день приходилось принимать благородных сыновей ярлов.

Сидевший напротив добрый друг, благородный Китстон Луг, вонзил зубы в краюху.

– Ох, ради... – Он сплюнул крошки. – Сухой, как молитвенник. Осмелюсь ли я попробовать сыр?

Лот отхлебнул меда, мечтая о чем-нибудь холодном.

– Если в твоих владениях так гнусно кормят, – сказал он, – жалуйся своему благородному отцу.

Кит фыркнул:

– Да, ему как раз по вкусу безвкусная пища.

– Радуйся и такой. Едва ли на корабле будут кормить лучше.

– Знаю-знаю. Я – балованный придворный любезник, привык спать на пуховых перинах, крутить любовь со знатными девицами и питаться одними сладостями. Двор меня испортил. Так

сказал отец, когда я, знаешь ли, подался в поэты. – Кит опасливо отломил кусочек сыра. – К слову, надо бы все это описать – в пасторали, пожалуй. Разве мой народ не очарователен?

– О да, – буркнул Лот.

Сегодня ему не удавалось разыгрывать легкость духа. Кит, дотянувшись через стол, ухватил его за плечо.

– Остайся со мной, Артелот, – сказал он.

Лот хмыкнул.

– Возница не называл имени капитана?

– Харма, помнится.

– Уж не Харло ли?

Лот пожал плечами.

– Ох, Лот, как же ты не слышал о Гиане Харло. Пират! Каждый аскалонец...

– Я уж наверняка не каждый аскалонец. – Лот потер себе переносицу. – Будь добр, просвети меня: что за негодяй повезет нас в Искалин?

– Легендарный негодяй, – приглушенным тоном заговорил Кит. – Харло мальчишкой явился в Инис с далеких берегов. В девять лет поступил на флот, а к восемнадцати командовал кораблем – и немножко пиратствовал, как многие подающие надежды моряки.

Кит налил им в кружки еще меда.

– Этот человек исплавал все моря на свете, даже те, которым картографы еще не дали имен. Говорят, к тридцати он грабежами скопил богатства на зависть герцогам Духа.

Лот снова выпил. Он чувствовал, что до отплытия им понадобится новый кувшин.

– Хотел бы я знать, Кит, – спросил он. – Отчего столь прославленный нарушитель закона везет нас в Искалин?

– Может быть, он единственный из капитанов, кто на это решится. Этот человек не знает страха, – ответил Кит. – Знаешь, королева Розариан ему благоволила.

Мать Сабран. Лот, наконец заинтересовавшись, поднял голову:

– Правда?

– Правда. Говорят, он был в нее влюблен.

– Надеюсь, ты не намекаешь, что королева Розариан изменяла принцу Вилстану?

– Артелот, мой угрюмый северянин, разве я сказал, что она отвечала на его любовь? – хладнокровно возразил Кит. – Однако он был ей настолько по душе, что она вручила ему самый большой, крытый броней корабль своего флота, а он дал ему имя «Роза вечности». Себя он преспокойно именует корсаром.

– Ах корсаром... – Лот чуть слышно хмыкнул. – Многие хотели бы носить это звание.

– За последние два года его люди захватили несколько искалинских кораблей. Сомневаюсь, что нас ждет добрый прием.

– Сдается мне, искалинцы теперь мало кого встречают по-доброму.

Они помолчали. Кит ел. Лот смотрел в окно.

Все случилось глухой ночью. Люди со значками крылатой книги – знаком герцога Вежливости Сейтона Комба – вошли в его покои и приказали следовать за ними. Не успел Лот оглянуться, как оказался в карете вместе с Китом, которого тоже вывели из дома под покровом тьмы и предъявили письмо, объясняющее такое обращение:

Благородный Артелот Исток!

Ты с этого дня – постоянный посланник Иниса в драконьем царстве Искалин. Искалин извещен о твоём приезде.

Проясни судьбу прежнего посланника, герцога Умеренности. Следи за двором Веталда. Прежде всего выясни, что они готовят и не имеют ли намерений вторгнуться в Инис. За королеву и страну!

Записку тут же выдернули у него из рук и унесли – вероятно, чтобы сжечь.

Лот не мог понять одного: почему? Ради чего из всех придворных в Искалин посылают его? Да, Инису нужно было знать, что затевается в Карскарро, но из него какой соглядатай?

Пес отчаяния сидел у него на плечах, но Лот не мог себе позволить согнуться под его тяжестью. Он был не один.

– Кит... Прости меня. Тебе пришлось сопутствовать мне в изгнании, а я оказался плохим спутником.

– И не думай извиняться. Я всегда был не против приключений. – Кит двумя руками пригладил свои светлые кудри. – Но раз уж ты наконец открыл рот, надо бы обсудить наше... положение.

– Не надо. Не сейчас, Кит. Все решено.

– Не думай, что приказ о твоём изгнании отдала королева Сабран, – твердо заявил Кит. – Говорю тебе, она о нем знать не знала. Комб ее уверит, что ты покинул двор своей волей, но она не так уж доверяет своему главному шпиону. Ты должен открыть ей правду, – настаивал Кит. – Напиши ей. Открой их замыслы, и...

– Комб прочтет письмо раньше ее, – оборвал его Лот.

– А зашифровать ты не сумеешь?

– Ночной Ястреб разгадает любой шифр. Сабран потому и поставила его возглавлять разведку.

– Тогда напиши своим родным. Попроси их о помощи.

– Получить аудиенцию у Сабран они могут только через Комба. И даже если получат, – добавил Лот, – для нас уже будет поздно. Мы к тому времени окажемся в Карскарро.

– Должны же они знать, куда ты подевался. – Кит покачал головой. – Святой, я начинаю думать, что тебе хотелось уехать!

– Если герцоги Духа считают, что я лучше других сумею разузнать, что назревает в Искалине, быть может, так и есть.

– Оставь, Лот. Ты сам знаешь, из-за чего это вышло. Тебя все предупреждали.

Лот, насупившись, ждал продолжения. Кит со вздохом допил кружку и склонился поближе к нему.

– Королева Сабран еще не замужем, – забормотал он. Лот напрягся. – Если герцоги Духа подбирают ей иноземного супруга, твое присутствие рядом... ну, оно осложнило бы дело.

– Ты же знаешь, мы с Сабран никогда...

– Не важно, что знаю я, важно, что видит свет, – возразил Кит. – Позволь прибегнуть к небольшой аллегории. Искусство. Произведение искусства рождается не одним великим деянием, а из множества малых. Читая мою поэму, ты не замечаешь, сколько недель я над ней трудился: обдумывал, вычеркивал слова, с отвращением сжигал целые листы. Видишь ты то, что я хотел тебе показать. Такова и политика.

Лот наморщил лоб.

– Герцогам Духа, чтобы обеспечить наследницу, нужен определенный образ инисского двора и его законной королевы, – продолжил Кит. – Коль скоро они решили, что твоя близкая дружба с Сабран портит картину – отпугивает иноземных женихов, – понятно, почему из тебя решили сделать дипломата. Им нужно тебя убрать... замалевать на холсте.

Новое молчание. Лот переплел свои украшенные кольцами пальцы и прижался к ним лбом.

Какой он был дурак!

– Но если моя догадка верна, есть и хорошая новость: нам позволят без шума вернуться ко двору после замужества королевы Сабран. Нам бы продержаться несколько недель, найти, если сумеем, злополучного принца Вилстана и потом любыми средствами вернуться в Инис. Комб нам мешать не станет. После того, как он своего добьется.

– Ты забыл: вернувшись, мы сможем разоблачить перед Сабран его интригу. Он должен был это учесть. Нас и к дворцовым воротам не подпустят.

– А мы заранее напишем его милости. Сговоримся. Пообещаем молчать, если он оставит нас в покое.

– Я об этом молчать не стану, – отрезал Лот. – Саб должна знать о махинациях Совета Добродетелей за ее спиной. И Комб знает, что я ей расскажу. Поверь мне, Кит: он рассчитывает, что мы навсегда останемся в Карскаро. Чтобы служить ему глазами при самом опасном дворе Запада.

– Да провались он. Мы сумеем вернуться домой, – сказал Кит. – Разве Святой не обещал это каждому из нас?

Лот осушил свою кружку.

– Каким ты бываешь мудрым, друг мой. – Он добавил, вздохнув: – Могу себе представить, что сейчас на душе у Маргрет. Как бы ей не пришлось стать наследницей Златбука.

– Мег ни к чему туманить этой мыслью блеск своего ума. Златбуку не понадобится новая наследница: ты и оглянуться не успеешь, как мы снова будем в Инисе. Да, порученное нам дело не сулит долгой жизни... – Кит снова стал легкомысленным шутником, – но как знать. Мы еще можем вернуться князьями целого мира.

– Вот уж не думал, что ты когда-нибудь окажешься тверже меня духом. – Лот потянул носом. – Давай-ка будить возницу. Мы слишком долго здесь мешкали.

5

Восток

Новобранцам стражи Бурного Моря позволили провести последние часы на мысе Хайсан по своему усмотрению. Почти все собрались прощаться с друзьями. В девятом часу ночи их должны были ждать паланкины в столицу.

Ученые уже отбыли на Пуховый остров. Ишари не показалась на палубе, чтобы взглянуть, как скрываются берега Сейки.

Они дружили много лет. Тани ухаживала за Ишари, когда та чуть не умерла от горячки. Ишари заменила ей сестру: когда у Тани показалась первая кровь – научила делать затычки из бумаги. А теперь неизвестно, удастся ли им еще увидеться. Если бы Ишари усерднее училась – больше отдавалась упражнениям, – они вместе могли стать всадниками.

Но сейчас мысли Тани обратились к другой подруге. Она, пряча лицо, пробиралась сквозь бурлящий Хайсан, где танцоры и барабанщики праздновали День Выбора. Мимо промчались ребятишки, со смехом тянувшие за собой разукрашенных бумажных змеев.

Народ вывалил на улицы. Все утирали лица полотняными салфетками. Огибая торговцев разными мелочами, Тани вдыхала ароматы благовоний, запах дождя на потной коже и душок свежельвленной рыбы. Она слушала звон молоточков чеканщиков, крики торговцев и возторженные ахи собравшихся послушать крошечную желтую птичку.

Тани, быть может, последний раз видела мыс Хайсан, где располагался единственный знакомый ей город.

Ученикам было небезопасно приходить сюда. Все здесь грозило соблазнами, сбивало с пути. Бордели и таверны, азартные игры, петушиные бои и вербовщики с пиратских кораблей. Тани иногда думалось, не нарочно ли дома учения поставили так близко к этим местам, чтобы испытать крепость их воли.

Добравшись до гостиницы, она выдохнула. Часовых не было.

– Простите! – крикнула Тани сквозь решетку.

К воротам вышла крошечная девчушка. Увидев эмблему стражи Бурного Моря на новой накидке Тани, она упала на колени и коснулась руками лба.

– Я ищу достойную Сузу, – мягко сказала ей Тани. – Не позовешь ли ее?

Та умчалась в дом.

Никто еще не кланялся Тани, как она. Тани родилась в нищей деревушке Ампики на южной оконечности Сейки, в рыбацкой семье. Однажды в морозный зимний день вспыхнувший в лесу пожар поглотил едва ли не все дома их селения.

Тани не помнила своих родителей. Она уцелела только потому, что погналась за бабочкой, которая вылетела из дома и увела ее к морю. Большинство сирот и найденшей попадало в пехоту, но святая женщина увидела в бабочке посланницу богов и объявила, что Тани надо учить на всадницу.

Суза вышла к воротам, в белых, богато расшитых шелках. Волосы она свободно распустила по плечам.

– Тани! – Она отодвинула створку ворот. – Нам надо поговорить.

Девушка знала эту ее морщинку между бровями.

Они спрятались в переулке за домом, и Суза, достав свой зонтик, укрыла их обеих.

– Он пропал.

Тани облизнула губы:

– Чужестранец?

– Да. – Суза опасливо оглядывалась. Она и вправду тревожилась. – На рынке болтали: у берегов мыса Хайсан видели пиратский корабль. Часовые весь город обшарили в поисках контрабанды, но ушли ни с чем.

– И на Орисиме искали? – поняла Тани.

Суза кивнула.

– И нашли его?

– Нет. А ведь на Орисиме негде укрыться. – Суза выглянула на улицу. В ее глазах отразился свет фонариков. – Должно быть, он сбежал, пока часовые отвлеклись.

– Перейти мост незаметно для часовых невозможно. Он должен быть там.

– Тот, кто умеет так хорошо прятаться, должно быть, сродни призракам. – Суза крепче сжала ручку зонта. – Как ты думаешь, Тани, надо ли рассказать о нем достойному правителю?

Тот же вопрос задавала себе Тани со времени церемонии.

– Я сказала Роозу, что мы его заберем, но... может, если он спрячется на Орисиме, то сумеет избежать меча и скрыться на следующем ментендонском корабле, – продолжала Суза. – Выдаст себя за законного поселенца. Он не старше нас, Тани, и мог оказаться здесь не по своей воле. Не хочется мне обречь его на смерть.

– Так давай и не будем. Пусть себе выбирается сам.

– А красная болезнь?

– У него никаких признаков. И если он еще на Орисиме – а ничего другого и представить нельзя, – болезнь далеко не пойдет. – Тани тихо добавила: – Слишком опасно и дальше иметь с ним дело. Ты нашла ему безопасное место. Что с ним будет дальше – ему решать.

– А если его найдут, он о нас не расскажет? – шепнула Суза.

– Кто же ему поверит?

Суза глубоко вздохнула и опустила плечи. С головы до ног оглядела подругу:

– Вижу, мы не зря так рисковали. – В ее глазах засветилась улыбка. – День Выбора прошел, как тебе мечталось?

Рассказ давно уже рвался у Тани с языка.

– Даже лучше. Драконы такие прекрасные, – сказала она. – Ты их видела?

– Нет. Проспала, – вздохнула Суза. – Сколько в этом году будет всадников?

– Двенадцать. Достойный Вечный император прислал в помощь нашим двух могучих воинов.

– Никогда не видела лакустринских драконов. Они не похожи на наших?

– Тела у них тяжелее, и пальцев на один больше. Счастливчик тот, кто станет всадником одного из них. – Тани забилась дальше под зонт подруги. – Я должна стать всадницей, Суза. Мне стыдно, что я так этого хочу, ведь мне и так посчастливилось в жизни, но...

– Ты ведь мечтала об этом еще ребенком. Ты честолюбива, Тани. Незачем этого стыдиться. – Суза помолчала. – Тебе страшно?

– Конечно.

– Это хорошо. Страх заставит тебя драться. Туроза, кем бы ни была его мать, – мелкий паршивец. Не позволяй ему взять над тобой верх. – Тани сердито глянула на подругу, но тут же улыбнулась. – А теперь тебе надо спешить. Помни, как бы далеко от мыса Хайсан ты ни залетела, я всегда буду тебе подругой.

– И я тебе.

Обе вздрогнули, когда ворота гостиницы открылись.

– Суза, – позвала девочка. – Заходи уже.

Та бросила взгляд на дом:

– Мне надо идти. – Она снова взглянула на Тани, помедлила. – Тебе позволят мне писать?

– Должны. – Тани не слышала, чтобы кто-то из простых горожан поддерживал дружбу с морскими стражниками, но молилась, чтобы им позволили стать исключением. – Прошу тебя, Суза, будь осторожна.

– Как же иначе. – Ее улыбка дрогнула. – Ты не будешь слишком обо мне скучать. Когда взовьешься за облака, мы тут внизу все покажемся тебе очень маленькими.

– Где бы я ни была, – сказала Тани, – я с тобой.

Суза рискнула всем ради чужой мечты. Таких друзей встречаешь раз в жизни. Иным такие и вовсе не встречаются.

Между ними теснились воспоминания, и лица девушек были влажны не только от дождя. Быть может, Тани доведется вернуться на мыс Хайсан, чтобы охранять восточное побережье, или Суза сумеет ее навестить, но сейчас они ничего не знали наверняка. Их пути разошлись и, если дракон не пожелает иного, – навсегда.

– Если что случится – если кто-то назовет твое имя в связи с чужестранцем, – поспеши в Гинуру, – тихо сказала Тани. – Найди меня, Суза. Я всегда за тебя заступлюсь.

Никлайс Рооз в своей тесной орисимской мастерской поднес сосуд к мерцающей лампе. Грязный ярлычок на нем гласил: «Почковидная руда». Лучшим способом выбросить Сульярда из головы было обратиться к великому деланию.

Нельзя сказать, что он многого достиг в нем или в других делах. Ему вечно не доставало ингредиентов, и алхимическая посуда была не моложе его возрастом, но Никлайс решил сделать еще одну попытку, прежде чем выписывать новые припасы. Правитель мыса Хайсан был доброжелателен к нему, но эта щедрость сдерживалась волей государя, казалось знавшего обо всем, что творилось в Сейки.

Государь был существом почти мифическим. Его род пришел к власти после гибели императорской семьи Нойзикен во время Великой Скорби. Никлайс только и знал о нем, что этот человек живет в Гинурском замке. Орисимская наместница ежегодно отправлялась туда в закрытом паланкине, чтобы выплатить дань, принести дары от Ментендона и получить ответные подарки.

Никлайса – единственного на торговом посту – никогда не приглашали ее сопровождать. Ментские друзья держались с ним вежливо, но все же, в отличие от других, Никлайс был здесь в изгнании. А тот факт, что причины изгнания никто не знал, не добавлял любви к нему.

Бывало, ему хотелось сорвать с себя маску – просто чтобы посмотреть на их лица. Признаться, что он – алхимик, обещавший юной королеве Иниса эликсир жизни, который сделает для нее ненужными брак и рождение наследницы. Что это он промотал деньги Беретнетов за годы безнадежных опытов и разгул.

Как бы они ужаснулись! Как возмутились бы его презрением к добродетели. Разве могли они знать, что девять лет назад, в Инисе, пылая болью и гневом, он в тайнике души хранил верность алхимии. Очищение, растворение, возгонка – единственные его божества в прошлом и будущем. Никто не догадывался, что, потев над тиглем в упрямой надежде отыскать средство хранить вечную молодость тела, он пытался также расплавить клинок горя, застрявший в его боку. Тот же клинок в конце концов увел его от реторт искать забвения и утешения в вине.

Ни в том ни в другом он не достиг успеха. И Сабран Беретнет заставила его за это поплатиться.

Не жизнью. Леоварт говорил, что он должен быть благодарен за «милость» ее великозлобности. Нет, Сабран не лишила его головы – но остального лишила. И вот он заперт на краю света, среди общего презрения.

Пусть себе соседи шепчутся. Если опыт удастся, все они потянутся к его дверям за эликсиром. Прикусив зубами язык, Никлайс вылил обедненную руду в тигель.

С тем же успехом он мог сыпануть туда пушечного пороха. Жидкость мигом вскипела, выплеснулась на стол, изрыгая тучи зловонного дыма.

Обескураженный алхимик заглянул в тигель. Ничего, кроме черного как смола осадка. Он со вздохом протер очки от копоти. То, что у него получилось, больше походило не на эликсир жизни, а на содержимое ночного горшка.

Итак, почковидная руда не годится. Впрочем, этот красно-бурый порошок мог и не быть почковидной рудой. Паная закупила его для Никлайса у торговца, а торговцы не славятся честностью.

Безымянный побери все это! Он бы отступился от создания эликсира, да вот не было у него другого способа бежать с этого острова на Запад.

Конечно, он не собирался отдавать эликсир Сабран Беретнет. Чтоб ей повеситься! Но любой другой правитель, узнав, что Никлайс добился успеха, постарался бы вернуть его в Мен-тендон и на всю жизнь обеспечил бы богатством и роскошью. А уж Никлайс бы позаботился, чтобы Сабран узнала, на что он способен, а когда явилась бы к нему, умоляя о глотке вечности, не было бы для него ничего слаще, чем отказать ей.

Однако до этого счастливого дня было еще далеко. Добыть бы дорогостоящие субстанции, с помощью которых пытались продлить себе жизнь давно скончавшиеся лакустринские правители: золото, аурипигмент, редкие растения. Правда, большинство тех правителей в стремлении к вечной жизни только травили себя, но была надежда, что их рецепты эликсира для него станут искрой вдохновения.

Пора писать Леоварту и просить, чтобы снова задобрил государя лестными письмами. Только князь способен уговорить властителя отдать свое золото в переплавку.

Никлайс допил холодный чай, мечтая о чем-нибудь покрепче. Наместница Орисимы отлучила его от пивных и ограничила двумя чашами вина в неделю. У него который месяц дрожали руки.

Они тряслись и сейчас, но не от тяги к забвению. Никлайс так и не нашел ни следа Триама Сульярда.

В городе снова зазвонили. Должно быть, морская стража отбывает в столицу. Остальных учеников сплавили на Пуховый остров – гористый клочок земли в море Солнечных Бликов, где хранилась вся мудрость и знания о племени драконов. Никлайс несколько раз писал правителю Хайсана с просьбой о допуске на этот остров и все время получал отказ. Пуховый остров был не для иноземцев.

А ведь в драконах мог таиться ответ к его задаче. Они жили тысячами. Наверняка нечто в их телах дает возможность обновления. Эти существа не всегда были такими, как теперь. В легендах Востока драконы обладали мистическими способностями – могли менять облик, порождать сновидения. Этих способностей они не проявляли с окончания Великой Скорби. В ту ночь небо пересекла комета, и огнедышащие всего мира впали в непробудный сон, а восточные драконы стали сильнее, чем были в прошлые века.

Теперь их сила снова убывала. И все же они жили и жили – эликсир во плоти.

Не то чтобы эта теория много сулила Никлайсу. Скорее наоборот, заводила его в тупик. Для островитян их драконы были святы. И потому торговля любой субстанцией из их тел каралась особенно медленной и мучительной смертью. На такое решались только пираты.

Скрипя зубами от бившейся в висках боли, Никлайс захромал из мастерской. Шагнул на циновки и ахнул.

У огня сидел Триам Сульярд. Мокрый насквозь.

– Клянусь гульфиком Святого... – опешил Никлайс. – Сульярд!

Юнец с болью взглянул на него:

– Не следует всеу поминать интимные части Святого.

– Придержи язык! – рявкнул Никлайс. Сердце у него колотилось. – Скажу тебе, ты везунчик. Если нашел способ выбраться отсюда – говори сразу.

– Я пробовал выбраться, – сказал Сульярд. – Сумел обойти стражников и выскользнуть из дома, но у ворот стояли другие. Я влез в воду и прятался под мостом, пока не ушли восточные рыцари.

– Здешний начальник – не рыцарь, дурачок, – с досадой буркнул Никлайс. – Святой, зачем ты только вернулся! Чем я провинился, что ты ставишь под угрозу то, что осталось от моей жизни? – Он помолчал. – На этот вопрос, собственно, можешь не отвечать.

Сульярд молчал. Никлайс, чуть не оттолкнув его, принялся разводить огонь.

– Доктор Рооз, – помолчав, заговорил Сульярд, – почему Орисиму так строго охраняют?

– Потому что чужестранцам под страхом смерти запрещено ступать на землю Сейки. А сейкинцам, в свой черед, запрещено ее покидать. – Никлайс подвесил чайник над очагом. – Здесь нас терпят ради торговли и клочков ментской науки, и еще чтобы государь хотя бы смутно представлял себе жизнь по ту сторону Бездны, но нам нельзя ни выйти за пределы Орисимы, ни обсуждать нашу ересь с сейкинцами.

– Ересь – это Шесть Добродетелей?

– Именно так. И еще они, что вполне понятно, подозревают иноземцев в распространении драконьей чумы – здесь ее называют красной болезнью. Если бы ты потрудились что-нибудь узнать, прежде чем сюда заявиться...

– Но должны же они выслушать нашу просьбу о помощи, – убежденно ответил Сульярд. – На самом деле, пока прятался, я подумал, что мог бы позволить им меня найти и пусть доставят в столицу.

Он как будто не заметил, с каким ужасом воззрился на него Никлайс.

– Я должен переговорить с их государем, доктор Рооз. Когда ты услышишь, с чем я...

– Я уже сказал, – бросил ему Никлайс, – мне твое дело не интересно, мастер Сульярд.

– Но Добродетелям грозит опасность! Миру грозит опасность! – упорствовал Сульярд. – Королева Сабран нуждается в нашей помощи.

– Что, она в ужасной опасности? – с тайной надеждой спросил Никлайс. – Ее жизнь под угрозой?

– Да, доктор Рооз. И я знаю способ ее спасти.

Богатейшая женщина Запада, почитаемая в трех государствах, нуждается в помощи оруженосца!

– Очаровательно, – протяжно вздохнул Никлайс. – Так и быть, Сульярд, я тебя выслушаю. Посвяти меня в свой замысел спасения королевы Сабран от этой загадочной напасти.

– Надо заключить договор с Востоком, – решительно заговорил Сульярд. – Пусть государь Сейки пришлет на помощь ее величеству своих драконов. Я намерен склонить его к этому. Он должен помочь Добродетелям прикончить драконье племя, пока они еще не проснулись до конца. Пока не...

– Постой, – перебил Никлайс. – Ты хочешь сказать, что задумал... союз между Инисом и Сейки?

– Не только между Инисом и Сейки, доктор Рооз. Между странами Добродетели и Востоком.

Никлайс дал его словам время кристаллизироваться. У него дергался уголок рта. И, видя, что Сульярд остается серьезным, как священнослужитель, Никлайс, запрокинув голову, расхохотался.

– О, это чудесно. Великолепно! – объявил он. Сульярд вытаращил глаза. – Ох, Сульярд. Мне здесь так не хватает веселья. Благодарю тебя.

– Это не шутка, доктор Рооз, – вознегодовал Сульярд.

– Как же не шутка, милый мальчик? Ты решил, что для отмены Великого эдикта, действовавшего пять столетий закона, достаточно будет хорошенько попросить? Как же ты молод, в самом деле! – Никлайс снова захихикал. – И кто же способствует тебе в этом славном предприятии?

Сульярд помрачнел.

– Я понимаю, что ты смеешься надо мной, почтенный, – заявил он, – но не смей смеяться над моей дамой. За нее, которой имени я не назову, я готов умереть тысячу раз. Она – свет моей жизни, дыхание в моей груди, солнце мо...

– Да-да, вполне достаточно. Она не пожелала отправиться с тобой на Сейки?

– Мы думали отплыть вместе. Но зимой я, навещая мать в Гнездовье, познакомился с одним моряком. Он предложил мне место на судне, идущем на Сейки. – Юноша понурился. – Я послал весточку моей возлюбленной во дворце... молюсь, чтобы она поняла. Чтобы простила меня.

Давненько изгнанник не слышал придворных сплетен. О замучившей его скуке можно судить по тому, с какой готовностью он поддержал разговор. Никлайс налил две чашки чая и сел на циновку, вытянув перед собой большую ногу.

– Эта дама, как я понял, твоя нареченная.

– Супруга. – Улыбка тронула растрескавшиеся губы юноши. – Мы приняли обеты.

– Сабран, надо полагать, благословила ваш союз?

Сульярд вспыхнул:

– Мы... не просили дозволения ее величества. Об этом никто не знает.

Мальчишка оказался отважнее, чем выглядел. За тайные браки Сабран наказывала сурово. В этом она отличалась от покойной королевы-матери: та любила добрую любовную историю.

– Должно быть, твоя дама не из высокопоставленных, если тебе пришлось тайно на ней жениться? – протянул Никлайс.

– Нет! Моя дама благородного происхождения. Она слаще лучшего меда, прекрасна, как осенняя...

– О Святой, хватит! У меня голова разболелась. – (Достоин удивления, как Сабран терпела рядом этого юнца и не приказала вырвать ему язык.) – Сколько тебе, собственно говоря, лет, Сульярд?

– Восемнадцать.

– Взрослый человек, стало быть. Достаточно взрослый, чтобы понимать, что не все мечты сбываются, и особенно мечты, зачатые на пуховом ложе любви. Если здешний начальник тебя найдет – доставят тебя к правителю Хайсана. А не к государю. – Никлайс пригубил чай. – Поверю тебе на минуту, Сульярд. Если ты узнал о грозящей Сабран опасности – столь серьезной, что понадобилась помощь Сейки, в чем я сомневаюсь, – почему не сказал ей?

Сульярд смутился.

– Ее величество не доверяет Востоку – себе на беду, – наконец объяснил он, – а больше нам негде искать помощи. Даже узнав об угрозе – а она о ней скоро узнает, – она из гордости не обратится за помощью к Востоку. Если бы только мне поговорить о ней с государем, – Трюд не сомневалась, что он поймет...

Трюд.

Чашка в руке у Никлайса заходила ходуном.

– Трюд, – прошептал он. – Не... Трюд утт Зидюр? Дочь благородного Оскарда?

Сульярд окаменел.

– Доктор Рооз, – непослушным языком выговорил он наконец, – это должно остаться в тайне.

Не совладав с собой, Никлайс снова расхохотался. На этот раз в его смехе звучали нотки безумия.

– Да уж, – вскричал он, – достойный ты супруг, мастер Сульярд. Сначала вступаешь в тайный брак с Трюд утт Зидюр, не заботясь о ее добром имени. Потом ты ее бросаешь и наконец ненароком выбалтываешь ее имя человеку, отлично знающему ее семью. – Никлайс утер глаза рукавом. Сульярд, казалось, готов был лишиться чувств. – О, ты достоин ее любви! Что еще ты мне расскажешь? Что ты и ребенком ее наградил?

– Нет-нет! – Сульярд подполз к нему. – Молю тебя, доктор Рооз, сохрани в тайне нашу вину. Да, я недостойн ее любви, но... я так ее люблю! У меня болит душа.

Никлайс с отвращением пнул его ногой. Его трясло при мысли, что Трюд выбрала в супруги этого инисского молокососа.

– Ее я не выдам, можешь не сомневаться, – процедил он, заставив Сульярда расплакаться еще пуще. – Она наследница герцогства Зидюр, в ней кровь Ваттена. Будем молиться, чтобы однажды она нашла себе не такого бесхребетного супруга. – Никлайс сел прямо. – К тому же, даже если бы я написал князю, что Трюд тайно вступила в неравный брак, кораблю нужна не одна неделя, чтобы донести письмо через Бездну. К тому времени она позабудет о твоём существовании.

Сульярд сквозь слезы пробормотал:

– Князь Леоварт умер.

Великий князь Ментендона. Единственный, кто пытался помочь Никлайсу на Орисиме.

– Это, несомненно, объясняет, почему он не отвечал на мои письма. – Никлайс поднес чашку к губам. – Когда?

– Менее года назад, доктор Рооз. Виверна испепелила его охотничий домик.

Никлайс ощутил боль потери. Наместница Орисимы, конечно, знала, но предпочла не сообщать Никлайсу о смерти князя.

– Понимаю, – проговорил он. – Кто теперь правит Ментендоном?

– Князь Обрехт.

Обрехт. Никлайс помнил его замкнутым юношей, мало чем интересовавшимся, кроме молитвенника. Когда потница унесла его дядю Эдварта, он был уже совершеннолетним, однако было решено, что власть пока примет Леоварт – дядя того же Эдварта, чтобы дать пример мягкосердечному Обрехту. Разумеется, заняв трон, Леоварт нашел предлог на нем и остаться.

Теперь Обрехт занял свое законное место. Чтобы держать в руках Ментендон, ему понадобится железная воля.

Никлайс отбросил мысли о родине, пока они не затянули его с головой. Сульярд все смотрел на него. Лицо юнца покрывали красные пятна.

– Сульярд, – сказал ему Никлайс, – отправляйся домой. Дождись ментских купцов, спрячься на судне. Возвращаясь к Трюд и беги с ней в Млечную лагуну или... куда там в наше время сбегают любовники. – Сульярд открыл рот, хотел что-то сказать, но Никлайс оборвал его: – Поверь мне. Здесь ты ничего не добьешься, кроме собственной смерти.

– Но мое дело...

– Не всякому удастся свершить свое великое деяние.

Сульярд умолк. Никлайс, сняв очки, протирал их о рукав.

– Я не питаю любви к твоей королеве. Сказать по правде, я ее глубоко презираю, – сказал он, заставив Сульярда вздрогнуть, – но и Сабран едва ли захочет, чтобы за нее отдал жизнь восемнадцатилетний оруженосец. – Голос Никлайса дрогнул. – Я прошу тебя спастись, Сульярд. И сказать от меня Трюд, чтобы не вмешивалась больше в дела, которые ее погубят.

Сульярд потупил взгляд.

– Прости, доктор Рооз, но я не могу, – сказал он. – Я должен остаться.

Никлайс устало взглянул на него:

– Зачем?

– Я найду средство представить свое дело государю... но тебя я больше вмешивать не хочу.

– Одно то, что ты в моем доме, впутало меня достаточно, чтобы лишиться головы.

На это Сульярд не ответил, только крепче стиснул челюсти. Никлайс поджал губы.

– Ты, как видно, человек благочестивый, мастер Сульярд, – заметил он. – Советую тебе: молись. Молись, чтобы часовые обходили мой дом, пока не прибудут ментские суда, и чтобы к тому времени ты взялся за ум. Если мы останемся живы в ближайшие несколько дней, я, пожалуй, и сам снова стану молиться.

6 Запад

Когда королеве Иниса случалось – а случалось нередко – обойти трапезную, она ужинала в личных покоях. В тот вечер Эда и Линора были приглашены преломить с ней хлеб – честь, обычно доступная лишь трем дамам опочивальни.

Маргрет опять донимала головная боль. Она говорила в такие дни: череп раскалывается. Обычно Маргрет не позволяла недомоганию помешать ее обычным обязанностям, но сейчас, должно быть, ее замучила еще и тревога за Лота.

В личных покоях, вопреки летней жаре, трещал огонь. С Эдой пока никто не заговаривал.

Иногда ей казалось, что дамы чувят ее тайну. Как будто догадываются, что прислуживать королеве – не главное ее дело при дворе.

Как будто они знали об обители.

– Что ты скажешь о его глазах, Роз?

Сабран держала в руках портрет-миниатюру. Женщины уже рассмотрели его и обсудили со всех сторон. Теперь Розлайн Венц снова взяла и тщательно изучила изображение.

Первая дама личных покоев, признанная наследница герцогини Справедливости была всего шестью днями старше Сабран. Волосы у нее были густые и темные, как патока. Бледная, с глазами синего стекла, всегда одетая по моде, она едва ли не всю жизнь провела при королеве. Ее мать состояла в той же должности при Розариан.

– Приемлемы, ваше величество, – заключила Розлайн. – Добрые.

– Я нахожу, что они несколько близко поставлены, – задумчиво протянула Сабран. – Напоминают мне мышь-соню.

Линора деликатно захихикала.

– Лучше мышь, чем иной, более шумный зверь, – заметила королеве Розлайн. – Он должен помнить свое место, если обвенчается с вами. Ведь он не из потомков Святого.

Сабран похлопала ее по ладони:

– Как это ты всегда так рассудительна?

– Я слушаю вас, ваше величество.

– Но не свою бабуку, в данном случае. – Сабран взглянула на даму. – Госпожа Игрейн полагает, что Ментендон разорит Инис. И что Льевелину не следовало бы торговать с Сейки. Она предупредила, что выскажет эти мысли на следующем собрании Совета Добродетелей.

– Моя благородная бабушка тревожится за вас. Отсюда и ее излишняя предосторожность. – Розлайн присела рядом с королевой. – Я знаю, что она предпочла бы вождя Аскрдала. Тот богат и благочестив. Надежный кандидат. Понимаю я и ее опасения относительно Льевелина.

– Но?..

Розлайн позволила себе слабую улыбку:

– Я полагаю, что подобает дать шанс Рыжему князю.

– Согласна. – Катриен, вытянувшись на козетке, листала книгу стихов. – Долг Совета Добродетелей – предостерегать вас, а вашим дамам в таких делах подобает вас ободрять.

Сидевшая рядом с Эдой Линора жадно впитывала в себя каждое слово.

– Госпожа Дариан, – неожиданно произнесла Сабран, – а ты какого мнения о наружности князя Обрехта?

Все взгляды обратились к Эде. Та медленно отложила нож.

– Вы спрашиваете моего мнения, королева?

– Если здесь нет другой госпожи Дариан.

Никто не засмеялся. Все молчали, пока Розлайн передавала миниатюру Эде.

Та всмотрелась в портрет Рыжего князя. Высокие скулы. Блестящие рыжие волосы. Мощный лоб над темными глазами, резко выделяющимися на бледном лице. Складка рта несколько сурова, но лицо приятное.

Впрочем, портреты умеют лгать и часто это делают. Художник мог ему польстить.

– Он недурен собой, – заключила Эда.

– Невелика похвала. – Сабран отхлебнула из кубка. – Ты судишь строже других моих дам, госпожа Дариан. Что же, мужчины Эрсира привлекательнее этого князя?

– Они другие, ваше величество. – Помедлив, Эда добавила: – Меньше напоминают сонь.

Королева с неподвижным лицом взглянула на нее. На миг Эда испугалась, что зашла слишком далеко. Потрясенный взгляд Катриен только подтверждал ее опасения.

– У тебя не только легкие ноги, но и проворный язык. – Королева Иниса откинулась в кресле. – Мы редко говорили со времени, когда ты прибыла ко двору. Это было давно... прошло шесть лет, кажется?

– Восемь, ваше величество.

Розлайн послала ей предостерегающий взгляд. Потомков Святого не поправляют.

– Конечно. Восемь, – только и сказала Сабран. – Скажи, посланник ак-Испад тебе пишет?

– Нечасто, госпожа. Его превосходительство занят другими делами.

– Например, ересью.

Эда опустила взгляд:

– Посланник – верный последователь Певца Зари, королева.

– А ты, конечно, оставила эту веру, – закончила Сабран, и Эда склонила голову. – Дама Арбелла рассказывала, что ты часто молишься в святилище.

Каким образом Арбелла Гленн извещала Сабран о подобных вещах, оставалось тайной, поскольку она, казалось, никогда не открывала рта.

– Шесть Добродетелей – прекрасная вера, королева, – сказала Эда, – и невозможно не уверовать, когда среди нас ходит истинный потомок Святого.

Конечно, она лгала. Ее истинная вера – вера Матери – пылала с прежней силой.

– В Эрсире, должно быть, рассказывают о моих предках? – спросила Сабран. – Особенно о Деве.

– Да, моя госпожа. На Юге ее помнят как самую праведную и самоотверженную женщину тех времен.

Кроме того, Клеолинду Онйеню помнили на Юге как величайшую воительницу своего времени, но этому в Инисе ни за что бы не поверили. Здесь считали, что она нуждалась в спасителе.

Для Эды Клеолинда была не Девой. Она была Матерью.

– Если верить даме Оливе, госпожа Дариан – прирожденная сказительница, – вставила Розлайн, бросив на Эду холодный взгляд. – Не поведаешь ли нам историю Святого и Девы, как ее рассказывают на Юге?

Эда чуяла ловушку. Инисцы не слишком одобряли новый взгляд на старые истории, тем более на эту, самую для них священную. Розлайн ожидала, что она оступится.

– Эту историю, сударыня, – отозвалась Эда, – нельзя поведать лучше, чем излагают ее в святилище. Так или иначе, мы услышим ее завт...

– Мы выслушаем ее сейчас, – перебила Сабран. – Ныне, когда змеи зашевелились, этот рассказ успокоит моих дам.

Потрескивал огонь. Глядя на Сабран, Эда ощущала странное притяжение, словно что-то связывало ее с королевой. Наконец она поднялась, подвинула свое кресло к очагу – на место сказительницы.

– Как пожелаете. – Она разгладила юбки. – С чего же мне начать?

– С рождения Безымянного, – сказала Сабран. – Как великий враг вышел из горы Ужаса.

Дамы жались друг к другу, Катриен взяла за руку свою королеву. Эда вздохнула, смиряя внутреннее волнение. Если выложить истинную историю, ее наверняка ждет костер.

Придется пересказать то, что она каждый день слышала в святилище. Урезанную версию. Ополовиненную.

– В глубинах этого мира пылает Огненное Чрево, – начала она. – Более тысячи лет назад магма в нем слилась, породив зверя неслыханной величины – как кузнечный горн рождает меч. Молоком ему служило пламя Чрева, жажда его была неутолима. Он пил, пока сердце его не стало огненной печью.

Катриен задрожала.

– Скоро это создание, этот змей уже не уместился во Чреве. Он жаждал расправить крылья, подаренные ему пламенем. Прорвавшись наверх, он разбил вершину горы Ужаса, что стоит в Ментендоне, и с ним наружу вырвался поток жидкого огня. Алые молнии били с вершины горы. Тьма пала на город Гултага, и все его жители задохнулись в пагубном дыму.

Змей жаждал покорить себе все, что видел. Он полетел в Лазию, где правил великим царством род Онйеню, и опустился вблизи его стольного города Юкала. – Эда промочила горло глотком эля. – Это чудовище несло с собой страшную чуму, невиданную прежде людьми. Она зажигала в больных самую кровь, сводя их с ума. Чтобы умиротворить змея, народ Юкалы посылал ему баранов и быков. Но Безымянный был ненасытен. Он алкал самого сладкого мяса – человечины. И вот каждый день люди бросали жребий и выбирали одного в жертву.

В покоях стояла тишина.

– В Лазии тогда правил Селину, глава рода Онйеню. В некий день жертвой была избрана его дочь, принцесса Клеолинда. – Ее имя Эда произнесла тихо, благоговейно. – Отец ее предлагал своим подданным золото и драгоценности, умоляя выбрать другого, но они были тверды. И Клеолинда с достоинством выступила вперед, потому что видела, что это справедливо.

В то утро к Юкале подъехал рыцарь с островов Иниса. Острова в то время были истерзаны войной и суевериями, вожди соперничали между собой, а жители их дрожали под тенью ведьмы – но жили там и множество добрых людей, присягнувших Добродетелям Рыцарства. Тот рыцарь, – сказала Эда, – был Галиан Беретнет.

Обманищик.

Этим именем его теперь называли во многих краях Лазии, но Сабран об этом не подозревала.

– Галиан слышал о нависшем над Лазией ужасе и желал предложить Селину свою службу. При нем был меч небывалой красоты, звавшийся Аскалон. Приблизившись к окраинам Юкалы, он увидел в тени деревьев плачущую деву и спросил, отчего она в таком отчаянии. «Добрый рыцарь, – отвечала Клеолинда, – у тебя доброе сердце, но ради собственного спасения предоставь меня моим молитвам, ибо змей скоро явится за моей жизнью».

Эде тошно было говорить так о Матери, будто та была какой-то плаксивой девкой.

– Рыцарь, – зашепила она, – был тронут ее слезами. «Милая дама, – сказал он, – я скорее погружу меч в собственное сердце, нежели увижу, как оросит землю твоя кровь. Если твой народ отдаст души Добродетелям Рыцарства, а ты вручишь мне свою руку для брака, я изгоню смертоносное чудовище из этих земель». Так он обещал.

Эда помолчала, переводя дыхание. И тут она почувствовала во рту вкус, которого не ждала.

Вкус правды.

– Клеолинда, оскорбленная этими условиями, велела рыцарю удалиться, – услышала она свой голос, – но Галиан не пожелал отступить. Решившись завоевать себе славу, он...

– Нет, – перебила Сабран. – Клеолинда согласилась на его условия и приняла с благодарностью.

– Таким я слышала этот рассказ на Юге. – Эда подняла бровь, хотя сердце у нее запнулось. – Дама Розлайн просила меня...

– А теперь твоя королева приказывает иное. Досказывай, как рассказывают священники.

– Да, моя госпожа.

Сабран кивком позволила ей продолжать.

– Сражаясь с Безымянным, – заговорила Эда, – Галиан был тяжело ранен. Тем не менее с доблестью превыше доблести всех людей он нашел в себе силы вонзить в чудовище свой меч. Безымянный, истекая кровью и слабее, уполз в пещеры, ведущие обратно к Огненному Чреву, где и остается по сей день.

Она слишком остро ощущала на себе взгляд Сабран.

– Галиан же вернулся с принцессой на острова Иниса, собирая по пути Святой Рыцарский Союз. Он был коронован королем Иниса – новое имя для новой эпохи – и первым своим законом объявил Добродетели Рыцарства истинной и единственной религией страны. Он выстроил город Аскалон, назвав его по имени меча, ранившего Безымянного, и там отпраздновали его венчание с королевой Клеолиндой. Через год королева родила дочь. А король Галиан, Святой, поклялся народу, что, пока в Инисе правят его потомки, Безымянный не вернется.

Складная история. В Инисе ее пересказывали снова и снова. Но полной она не была.

Инисцы не знали, что не Галиан, а Клеолинда изгнала Безымянного.

И ничего не знали об апельсиновом дереве.

– Пятьсот лет спустя, – уже тише заговорила Эда, – Устье горы Ужаса вновь раскрылось, выпустив других змеев. Первыми из него вышли пять верховных драконов Запада, высшие западники – величайшие и самые жесткие из драконьего племени, под водительством Фиридела, более всех преданного Безымянному. Вышли за ними и их слуги-виверны, и каждая зажгла свое пламя от одного из высших западников. Виверны гнездились в горах и пещерах и совокуплялись с пернатыми, порождая кокатрисов, с гадами, порождая василисков и амфиптер, и с быками, рожая офитавров, и с волками, рождая жакули. Все эти мерзостные союзы породили драконье воинство.

Фиридел жаждал исполнить то, с чем не совладал Безымянный, – покорить человеческий род. Более года он обрушивал на мир мощь драконьего воинства. Многие великие государства рухнули в тот год, и он был назван Горем Веков. Однако Инис, под властью Глориан Третьей, еще держался, когда над миром прошла комета и змеи вдруг впали в вечный сон, положив конец ужасу и кровопролитию. И по сей день Безымянный остается в гробнице под миром, скованный священной кровью Беретнетов.

Тишина.

Эда, сложив руки на коленях, в упор взглянула на Сабран. Холодное лицо королевы осталось непроницаемым.

– Дама Олива права, – наконец заговорила Сабран. – У тебя язык сказительницы – но сдается мне, что ты слышала слишком много сказок и слишком мало правды. Повелеваю тебе внимательно слушать священнослужителей. – Сабран отставила кубок. – Я устала. Доброй ночи, дамы.

Эда поднялась, как и Линора. С реверансами обе удалились.

– Ее величество недовольна, – резко заметила Линора, когда королева уже не могла их слышать. – Твой рассказ поначалу был так хорош. Чего ради ты вздумала сказать, что Дева отвергла Святого? Ни один священнослужитель такого не говорил. Что за мысль!

– Если ее величество недовольна, я сожалею.

– Теперь она едва ли снова позовет нас с ней ужинать, – фыркнула Линора. – Тебе следовало хотя бы извиниться! И пожалуй, почаще молиться рыцарю Вежливости.

К счастью, Линора не пожелала затягивать разговор. Эда рассталась с ней у своих дверей. Внутри она зажгла несколько огарков. Комнатка была мала, зато принадлежала ей.

Эда расшнуровала рукава и сняла корсаж. Избавившись от него, она сбросила юбку с фижмами, а следом и нижние и наконец-то избавилась от корсета.

Ночь была еще молода. Эда под села к столику для письма. В его ящике лежала книга, которую она позаимствовала у Трюд утт Зидюр. Восточного письма Эда читать не умела, но на страницах были пометки ментского печатника. Выпустили ее, как видно, до Горя Веков, когда в стране Добродетели еще дозволялись сочинения с Востока. Трюд, замороженная землями, где змеи были кумирами людей, оказывалась истинной еретичкой.

В конце книги на вкладном листке Эда нашла имя, написанное округлым почерком и свежими чернилами.

Никлайс.

Расчесывая волосы, Эда рассуждала. Для Ментендона это имя было довольно обычным, однако, прибыв ко двору, она застала здесь некоего Никлайса Рооза. Он превзошел анатомию в Бригstadском университете и, по слухам, занимался алхимией. Ей он запомнился веселым пузанчиком, достаточно добродушным, чтобы заметить Эду, которую другие не желали замечать. Позже какие-то неурядицы заставили его покинуть Инис, но какого рода были эти неурядицы – хранилось в строгой тайне.

Эда помолчала, прислушиваясь к своему телу. В прошлый раз убийца едва не побил ее, добравшись до большой опочивальни. Дрожь сторожков она почувствовала слишком поздно.

Ее сиден ослабел. Год за годом она с его помощью устанавливала сторожки, сберегавшие Сабран, но теперь он затухал, как свеча, когда догорает фитиль. Сиден, дар апельсинового дерева, – магия огня, дерева и земли. Безмозглые инисцы называли его колдовством. Их представления о магии порождались страхом перед неведомым.

Маргрет однажды объяснила Эде, отчего инисцы так боятся магии. Согласно древней легенде, которую до сих пор рассказывали детям на севере, здесь обитала некая Лесная хозяйка. Имя ее затерялось в веках, но вот страх перед ее чарами и ее жестокостью пропитал инисцев до костей и переходил из поколения в поколение. Даже Маргрет, весьма благоразумная в большинстве случаев, о ней говорила с неохотой.

Эда подняла ладонь. Собрала силу, и золотистый свет брызнул из кончиков пальцев. В Лазии, вблизи апельсинового дерева, сиден сиял в ее жилах, как расплавленное стекло.

А потом обитель послала ее сюда, охранять Сабран. Если годы и расстояние совсем угасят ее силу, Сабран останется без защиты. Чтобы этого не случилось, пришлось бы спать с ней рядом, но на ложе королевы допускались только дамы опочивальни. Эде до звания фаворитки было далеко.

За ужином, за рассказом ее решимость дала трещину. Она годами училась этой игре, повторяла инисскую ложь и твердила их молитвы, но самой пересказывать искаленную легенду оказалось труднее. И хотя ее нечаянная дерзость повредила надеждам на продвижение при дворе, Эда не в силах была по-настоящему о ней сожалеть.

Зажав под мышкой книгу и письма, Эда взобралась на спинку кресла и нажала на потолочную дощечку, сдвинув панель в сторону. Она уложила находки в то же углубление, где прятала свой лук. В бытность фрейлиной Эда зарывала его в землю у того дворца, куда переезжал двор, но сейчас была уверена, что ее тайника не обнаружит даже Ночной Ястреб.

Приготовившись ко сну, она села к столу и написала послание Кассару. Условным шифром поведала о новом покушении на Сабран и о том, как она его предотвратила.

Кассар обещал отвечать ей на письма, но ни разу не ответил. Ни разу за все эти восемь лет.

Эда сложила письмо. Главный почтмейстер прочтет его по поручению Ночного Ястреба, но найдет лишь обычные любезности. Кассар узнает правду.

В дверь постучали.

– Госпожа Дариан?

Эда накинула на плечи халат и отодвинула засов. За дверью стояла женщина со значком крылатой книги – служительница Сейтона Комба.

– Да?

– Госпожа Дариан, добрый вечер. Меня послали известить тебя, что главный секретарь желает тебя видеть завтра в половине десятого утра. Я провожу тебя в Алебастровую башню.

– Только меня?

– Дам Катриен и Маргрет допросили сегодня.

Пальцы Эды стиснули дверную ручку.

– Так это допрос?

– Думаю, да.

Другой рукой Эда плотнее стянула халат на груди.

– Хорошо, – сказала она. – У тебя все?

– Да. Доброй ночи, госпожа.

– Доброй ночи.

Когда служительница ушла и в коридоре воцарилась темнота, Эда закрыла дверь и прижалась к ней лбом.

В эту ночь ей будет не до сна.

«Роза вечности» покачивалась на воде, взволнованной восточным ветром. Этот корабль должен был унести их за море, в Искалин.

– Хороша, – объявил Кит, подходя. – Будь я сам кораблем, я бы на ней женился.

Лот не мог с ним не согласиться. «Розу вечности» покрывали боевые шрамы, но она была красива – и огромна. Он, даже посещая с Сабран военный флот, ни разу не видывал таких громад, как этот одетый в броню корабль-воин. Сто восемь орудий, устрашающий таран, восемнадцать парусов, украшенных эмблемами Истинного Меча – гербом страны Добродетели. Герб утверждал принадлежность корабля Инису, так что любые действия его команды, какими бы сомнительными ни выглядели, считались одобренными монархией.

Любовно отполированная фигура Розариан Четвертой глядела на них с форштевня. Черные волосы, белая кожа. Глаза зеленые, как морское стекло. Тело сходило в позолоченный хвост.

Лот тепло вспоминал королеву Розариан в годы до ее смерти. Королева-мать, как ее теперь называли, часто смотрела, как они с Сабран и Розлайн играли в саду. Она была мягче Сабран, легко смеялась и позволяла себе забавы, до которых никогда не снисходила ее дочь.

– Красива, что правда, то правда, – отозвался Гедроп Плам – судовой квартирмейстер, малорослый лазиец. – Хотя и вполтину не так хороша, как дама, от которой капитан получил этот дар.

– Ах да. – Кит снял шляпу перед носовой фигурой корабля. – Да покоится она вечно на руках Святого.

Плам цокнул языком:

– Королева Розариан была морская душа. Ей бы покоиться в объятиях моря.

– Красиво сказано, клянусь Святым. А что, морской народ, к слову, и вправду существует? Видали их в плаваниях через Бездну?

– Не видал. Гринд, гигантских спрутов, китов насмотрелся, но от морской девы и колпачка не видел.

Кит увял.

В перечеркнутом полосами облаков небе кружили чайки. Порт Гнездовье, как всегда, был готов к худшему. Причалы гремели под шагами солдат с дальнобойными мушкетами. На берегу угрюмо выстроились во много рядов баллисты, пушки с цепными ядрами, рядом были сложены

камни для метания. На сторожевых вышках обосновались лучники, в готовности засветить маяки при первом хлопке крыльев или при виде вражеских кораблей.

Выше по берегу стоял оживленный городок. Гнездовье получило свое название за то, что примостилось на двух больших скальных полках, соединенных от берега до верхней точки утесов длинной и «пьяной» лестницей. Здания гнездились на них, как птицы на ветках. Кита этот причудливый вид позабавил (Святой, архитектор, должно быть, с головой нырнул в чашу с вином!), но у Лота на душе было беспокойно. Ему казалось, что один хороший шквал может сдуть городок в море.

И все же он упивался его видом, впитывая в память. Быть может, он последний раз видит Инис – единственную страну, какую знал в жизни.

Гиана Харло они нашли в каюте, погруженного в составление письма. Любимец королевы-матери оказался не совсем таков, как представлялся Лоту. Он был чисто выбрит, с накрахмаленными манжетами, но под изящной внешностью угадывалась острая сталь. И челюсти у него смыкались, как челюсти капкана.

Капитан поднял взгляд, когда они вошли. Его дочерна загорелое лицо было изрыто оспой.

– Гедрор. – Грива отливающих оловом волос блеснула на солнце. – Это, как я понимаю, наши... гости.

Выговор у него был отчетливо инисский, но Кит помнил, что Харло родом с далеких берегов. По слухам, он происходил из народа Карментума – процветавшей некогда на юге республики, павшей в Горе Веков. Выжившие рассеялись по всему свету.

– Они самые, – устало вымолвил Плам. – Благородный Артелот Исток и благородный Китстон Луг.

– Кит, – немедленно поправил последний.

Харло отложил перо.

– Добро пожаловать на борт «Розы вечности», мои господа, – с холодком произнес он.

– Спасибо, капитан Харло, что так срочно нашли нам каюты, – сказал Лот. – У нас дело чрезвычайной важности.

– И чрезвычайной секретности, как мне сообщили. Удивительно, что для него не нашлось другого исполнителя, кроме наследника Златбука. – Харло присмотрелся к Лоту. – Мы отплываем в искалинский порт Перунта в сумерках. Моя команда не привыкла, чтобы вельможи путались под ногами, так что всем нам будет удобнее, если вы, пока остаетесь с нами, посидите в своих каютах.

– Да, – протянул Кит, – хорошая мысль.

– У меня таких полно, – заверил капитан. – Кто-нибудь из вас бывал раньше в Искелине? Когда оба покачали головой, он спросил:

– Который из вас прогневал главного секретаря?

Лот скорее угадал, чем увидел, как Кит ткнул в его сторону большим пальцем.

– Благородный Артелот. – Харло хрипло рассмеялся. – А с виду такой пайныка. Видно, ты так раздосадовал его милость, что он предпочел бы не видеть тебя среди живых. – Капитан откинулся в кресле. – Вам обоим, конечно, известно, что дом Веталда открыто объявил себя вассалом драконьего племени.

Лот вздрогнул. Сознание, что всего за несколько лет целая страна могла сменить почтение Святого на поклонение его врагу, потрясло все страны Добродетели.

– И все повиновались? – спросил он.

– Люди поступают, как велит их король, но им больно. От портовых грузчиков мы слышали, что весь Искелин охватила чума. – Харло вновь взялся за перо. – Кстати, о чуме, мои люди не станут провожать вас на берег. В Перунту доберетесь шлюпкой.

Кит проглотил слюну:

– А дальше?

– Вас встретит посланец, который и доставит в Карскаро. Двор, несомненно, свободен от болезни: знатные господа, когда приходит такая беда, могут позволить себе роскошь запереться в крепости. Однако, – добавил Харло, – постарайтесь никого не касаться. Чаще всего зараза передается с кожи на кожу.

– Откуда это известно? – спросил его Лот. – Драконьей чумы не видели сотни лет.

– Я интересуюсь всем, что помогает выжить, благородный Артелот. И тебе советую обзавестись такой же любознательностью. – Капитан встал. – Мастер Плам, готовь корабль. Позаботимся доставить благородных господ в целости, даже если на берегу их ждет смерть.

7

Запад

В Аскалонском дворце мало было башен выше Алебастровой. Винтовая лестница вела наверх, в палату Совета, круглую и полную воздуха, с раздвинутыми прозрачными шторами на окнах.

Эду ввели в нее, когда часы на башне прозвонили половину десятого. С утра она надела одно из своих лучших платьев со скромным плоеным воротником и единственным своим ожерельем.

Со стены на нее смотрел портрет Святого. Рыцарь Галиан Беретнет, прямой предок Сабран. Он вздымал зажатый в руке Аскалон – Истинный Меч, тезку столицы.

На взгляд Эды, он смотрелся болван болваном.

Совет Добродетелей сочетал в себе три части. Самыми могущественными были герцоги Духа: каждый из них вел род от рыцарей Святого Союза, собранного Галианом Беретнетом, и каждый был хранителем одной из Шести Добродетелей Рыцарства. За ними шли ярлы провинций, главы благородных домов, управлявших шестью областями Иниса, и рыцари-бакалавры, происходившие из простых семей.

Сегодня за столом Совета, занимавшим большую часть камеры, собрались всего четверо. Дама Ашер ударила о пол своим жезлом.

– Госпожа Эда Дариан, – оповестила она, – из ординарной прислуги личных покоев ее величества.

Королева Иниса сидела во главе стола. Ее губы были покрашены в цвет крови.

– Госпожа Дариан, – кивнула она.

– Ваше величество. – Эда почтительно присела. – Ваши милости.

– Садитесь.

Занимая предложенное место, Эда поймала взгляд капитана рыцарей-телохранителей Тариана Куделя: он со своего поста у дверей ободрил ее улыбкой. Кудель, как почти вся королевская стража, был высок, крепок телом и при дворе не имел недостатка в воздыхательницах. С самого приезда Маргрет капитан был влюблен в нее, и Маргрет, насколько знала Эда, отвечала на его чувство, но между ними стояла разница в положении.

– Госпожа Дариан, – заговорил, подняв брови, Сейтон Комб. Герцог Вежливости сидел по левую руку от королевы. Он был не только ее главным секретарем, но и главой разведывательной службы. – Ты нездорова?

– Простите, мой господин?

– Тени под глазами.

– Я вполне здорова, ваша милость. Лишь немного утомлена волнениями от визита ментцев.

Комб мерил ее взглядом над ободком своей чаши. Главный секретарь, приближавшийся к шестому десятку, бледный как смерть, с безгубым ртом над аккуратной бородкой, являл собой грозную фигуру. Поговаривали, что, если заговор против королевы Сабран проклянется утром, к полудню он насадит его на вертел. Какая жалость, что хозяин наемных убийц до сих пор избегал его когтей.

– В самом деле. Непредвиденный визит, хотя и приятный, – слегка улыбнувшись, проговорил Комб. Он бывал сдержан в выражении любых чувств. – Мы опросили уже многих домоладцев ее величества, но приближенных дам сочли за лучшее оставить напоследок, ведь вы были так заняты ментским визитом.

Эда выдержала его взгляд. Пусть язык тайн был родным для Комба, ее тайны он не знал.

Герцогиня Справедливости, дама Игрейн Венц, сидела по другую сторону от Комба. В малолетство Сабран, после смерти королевы Розариан, она обладала наибольшим влиянием на юную королеву, и, как видно, именно ее рука выковала из Сабран образец добродетели.

– Однако, раз уж госпожа Дариан здесь, – улыбнувшись Эде, сказала она, – не начать ли нам?

Лепкой лица и лазурными глазами Венц походила на свою внучку Розлайн – только ее завитые на висках волосы давным-давно обратились в серебро. Годы прорезали тонкие складки у ее губ, почти таких же бледных, как кожа лица.

– В самом деле, – согласилась Нельда Штиль. Герцогиня Доблести была полной женщиной с темно-коричневой кожей и темными кудрями. На ее шее блестело рубиновое кольцо. – Госпожа Дариан, позавчерашней ночью на пороге большой опочивальни найден мертвый мужчина. Он держал в руках кинжал, изготовленный в Искалине.

Кинжал левой руки – могла бы добавить Эда. Такие использовали на поединках вместо щита, для обороны и перехвата ударов, но этот кинжал мог и лишать жизни. Каждый убийца имел при себе такое оружие.

– По-видимому, он намеревался убить ее величество, – продолжала Штиль, – но сам был убит.

– Ужасно, – пробормотал герцог Щедрости. Девяностолетний Ришард Эллер даже летом кутался в меха.

К тому же, сколько могла заметить Эда, он был ханжа и дурак. Она совладала со своим лицом:

– Еще один убийца?

– Да, – морща лоб, ответила ей Штиль. – Ты, конечно, уже слышала, что за последний год это не первый случай. Из девяти покушавшихся проникнуть в Аскалонский дворец убийц пятеро были убиты прежде, чем их могли задержать.

– Как ни странно, – задумчиво протянул Комб, – но самым разумным выглядит заключение, что негодяя убил кто-то из приближенных королевы.

– Благородное деяние, – отозвалась Эда.

Венц фыркнула:

– Едва ли, любезная. Этот «защитник», кто бы он ни был, сам убийца, и его следует разоблачить. – Ее голос стал визгливым от злобы. – Этот человек, как и убийца с кинжалом, невидимкой вторгся в королевские покои, каким-то образом обойдя рыцарей-телохранителей. Он совершил убийство и оставил труп там, где его могла найти ее величество. Уж не намеревался ли он насмерть перепугать нашу королеву?

– А мне представляется, ваша милость, что кто-то хотел *помешать* насмерть заколоть нашу королеву.

Сабран шевельнула бровью.

– Рыцарь Справедливости хмурится на всякое кровопролитие, госпожа Дариан, – сказала Венц. – Если бы тот, кто убивает головорезов, объявился перед нами, мы могли бы его и простить, но таинственность говорит о его зловещих намерениях. Мы узнаем, о ком идет речь.

– И мы рассчитываем на помощь свидетелей. Произошло это позавчерашней ночью около полуночи, – подхватил Комб. – Скажи, госпожа, ты не видела или не слышала чего-либо подозрительного?

– Ничего не припоминается, ваша милость.

Сабран не сводила с нее взгляда. От ее пристального внимания у Эды разгорелась кожа под плоеным воротником.

– Госпожа Дариан, – продолжал Комб, – ты показала себя преданной слугой двора. Я искренне верю, что дама, подаренная королеве посланником ак-Испадом, безупречна. Тем не менее я должен предупредить тебя, что молчание сейчас равняется измене. Известно ли тебе

что бы то ни было об этом убийце? Слышала ли ты, как кто-либо выражал неприязнь к ее величеству или симпатию к драконьему царству Искалин?

– Нет, ваша милость, – ответила Эда, – а если бы услышала хоть шепот, я принесла бы его к вашим дверям.

Комб переглянулся с Сабран.

– Хорошего дня, госпожа, – пожелала королева. – Вернись к своим обязанностям.

Эда сделала реверанс и вышла. Кудель закрыл за ней дверь.

Здесь не было стражников: они ждали у основания башни. Эда позаботилась, чтобы ее шаги к лестнице были слышны издали, но, сделав несколько шагов, остановилась.

Слух у нее был острее обычного. Следствие обитающей в ее крови магии.

– ...Выглядит правдивой, – говорила Венц, – но я слышала, что она балуется запретными искусстваами.

– Что за чушь! – отозвался Комб. – Неужто вы верите басням об алхимии и колдовстве?

– Мне, как герцогине Справедливости, подобает учитывать все вероятности, Сейтон. Все мы, конечно, понимаем, что эти убийцы – затея Искалина: им, как никому, хотелось бы видеть ее величество мертвой, – но необходимо откопать и этого «защитника», столь ловкого в искусстве убийства. Мне было бы весьма любопытно узнать, где он обучился... этому искусству.

– Госпожа Дариан всегда прилежно служила мне, Игрейн, – сказала Сабран. – Если у тебя нет доказательств ее участия, может быть, двинемся дальше?

– Как прикажете, ваше величество.

Эда наконец перевела дух.

Ее тайне ничто не грозило. Никто не видел, как она той ночью прокралась в королевские покои. Невидимость входила в число ее талантов, ведь пламя умеет рождать и тени.

Шум снизу. Железные шаги по ступеням. Это совершали обход рыцари-телохранители.

Чтобы подслушивать дальше, ей требовалось более укромное место. Эда быстро спустилась этажом ниже и проскользнула на галерею.

– ...Одного с вами возраста, по всем словам весьма приятен и умен и суверен одной из стран Добродетели. – Это говорил Комб. – Вы знаете, ваше величество, что последние пять королей Беретнет избирали консортов из Иниса. Межгосударственных браков не случилось более двух столетий.

– Вы, как видно, сожалеете об этом, ваша милость? – заметила Сабран. – Неужто в вас так мало веры в обаяние инисских мужчин, что вас удивляет выбор моих предков?

Смешки.

– Я сам инисский мужчина и потому не могу согласиться с такой оценкой, – отшутился Комб, – но времена меняются. Межгосударственные союзы необходимы. Теперь, когда Искалин предал истинную веру, мы должны показать миру, что три оставшиеся страны, присягнувшие Святому, верны союзу и ни в коем случае не поддерживают Искалин в его заблуждении, будто Безымянный возвращается.

– Их заблуждение несет опасность, – добавила Венц. – Восточники почитают змеев. Союз с драконьими землями может показаться им соблазнительным.

– Думаю, здесь ты не права, Игрейн, – сказала Штиль. – Я не слышала, чтобы восточники изжили свой страх перед драконьей чумой.

– Ее когда-то страшился и Искалин.

– Одно несомненно, – прервал их Комб. – Нам никак нельзя выказывать слабость. Ваш брак с Льевелином, королева, показал бы всем, что кольчуга Добродетели прочна, как никогда.

– Рыжий князь ведет торговлю со змеепоклонниками, – возразила Сабран. – Даже неявное поощрение такой торговли было бы неразумно. Особенно теперь. Ты не согласна, Игрейн?

Слушая ее, Эда не сдержала улыбки. Королева уже нашла довод против нового поклонника.

– Хотя долг Беретнет – обеспечить страну наследницей при первой возможности, но я соглашусь с вами, ваше величество. Мудрое замечание, – едва ли не с материнской лаской отозвалась Игрейн. – Льевелин недостоин правнучки Святого. Его торговля с Сейки позорит все страны Добродетели. Проявив терпимость к подобной ереси, мы поощрим тех, кто питает любовь к Безымянному. Не будем забывать также, что Льевелин был обручен с донматой Маросой, ныне наследницей драконьих земель. Привязанность между ними могла сохраниться.

Мимо балкона прошел рыцарь-телохранитель. Эда плашмя прижалась к стене.

– Эта помолвка была разорвана, как только Искалин изменил вере, – пренебрежительно напомнил Комб. – Что до торговли с Востоком, дом Льевелин не поддерживал бы сношений с Сейки, не будь это необходимо. Да, Ваттены привели Ментендон к вере, но они же разорили его. Если мы предложим им выгодные условия союза с Инисом, а на горизонте замаячит бракосочетание правителей, возможно, с этой торговлей будет покончено.

– Мой милый Сейтон, ментцы покоряются не нужде, но жадности. Они в восторге от монополии на торговлю с Востоком. Кроме того, мы едва ли сможем поддерживать их до бесконечности, – сказала Венц. – Нет, о Льевелине и говорить не стоит. Намного больше даст союз – к которому я давно пытаюсь склонить ваше величество – с вождем вождей Аскрдалом. Нам нельзя ослаблять связей с Хротом.

– Ему семьдесят лет, – с отчаянием в голосе напомнила Штиль.

– А разве Глориан Защитница не обвенчалась с Гумой Веталдой, когда тому было семьдесят четыре? – пискнул Эллер.

– Истинно, обвенчалась и родила здоровое дитя, – с удовольствием подтвердила Венц. – Аскрдал принесет с собой опыт и мудрость, какими не располагает Льевелин, князь молодого государства.

Помолчав, Сабран спросила:

– А других претендентов нет?

Последовало долгое молчание.

– Слухи о вашей близости с благородным Артелотом разошлись широко, – неверным голосом отозвался Эллер. – Кое-кто полагает, что вы могли тайно обвенча...

– Избавьте меня, ваша милость, от беспочвенных сплетен. И от разговоров о благородном Артелоте, – оборвала Сабран. – Он покинул двор без причин и уведомлений. Не желаю о нем слышать.

Новое натянутое молчание.

– Ваше величество, – заговорил наконец Комб, – мои осведомители сообщают, что Артелот взошел на борт направляющегося в Искалин корабля в сопровождении благородного Китстона Луга. Он, по-видимому, узнал о моем намерении послать кого-нибудь на поиски вашего благородного отца... и счел себя одним пригодным для дела, так близко касающегося вашего величества.

Искалин.

На один ужасный миг Эда лишилась возможности шевельнуться или вдохнуть.

Лот.

– Быть может, это к лучшему, – продолжал в полной тишине Комб. – Отсутствие благородного Артелота позволит улеяться слухам о связи между вами – а нам давно пора узнать, что происходит в Искалине. И жив ли ваш благородный отец принц Вилстан.

Комб лгал. Лот никак не мог ни проникнуть в его замысел послать в Искалин лазутчика, ни решиться отправиться туда самому. Сама мысль об этом нелепа. Не только потому, что Лот не был столь безрассудным, но и потому, что Ночной Ястреб никому не позволил бы узнать о своих планах.

Это его интрига.

– Что-то здесь не так, – вымолвила наконец Сабран. – Такое безрассудство не похоже на Лота. И тем более мне трудно поверить, что никто из вас не предугадал его намерений. Разве вы не мои советники? Разве у вас нет глаз во всех уголках моего двора?

Новое молчание было плотным, как марципан.

– Два года назад я просила вас, Сейтон, послать кого-нибудь за моим отцом, – уже мягче заговорила королева. – Вы ответили, что риск слишком велик.

– Боюсь, что так и было, ваше величество. Теперь же я считаю, что мы должны узнать правду любой ценой.

– Но не ценой жизни благородного Артелота. – Голос королевы звенел. – Вы пошлете за ним своих людей. Чтобы вернуть его в Инис. Остановите его, Сейтон.

– Простите, королева, но он теперь уже в драконьих землях. Невозможно послать за ним кого-либо, не выдав дому Веталда, что он прибыл без официальных полномочий, – о чем там и без того могут догадываться. Мы только увеличим опасность для него.

Эда сглотнула ком в горле. Комб не просто усмал Лота от двора, но и загнал его туда, где влияние Сабран ничтожно. Она ничего не сможет исправить. Только не теперь, когда Искалин стал непредсказуемым врагом, способным в любой миг разорвать хрупкий мир.

– Ваше величество, – вмешалась Штиль, – я понимаю, что это известие причиняет вам боль, однако мы должны принять окончательное решение относительно предложения Ментендона.

– Ее величество уже решила против Льевелина, – вставила Венц. – Аскрдал – единственный...

– Я вынуждена настоять на продолжении обсуждения, Игрейн. За Льевелином есть множество преимуществ, и я не позволю так отмахнуться от его кандидатуры, – резко возразила Штиль. – Это тонкий вопрос, королева. Простите меня, но вы должны обзавестись преемницей, и поскорее, дабы успокоить свой народ и укрепить трон для следующего поколения. Нужда в этом была бы не столь насущной, если бы не эти покушения на вашу жизнь. Если бы у вас была дочь...

– Благодарю за заботу, ваша милость, – бросила Сабран, – но я, еще не забыв зрелище трупа у моего ложа, не готова обсуждать зачатие на нем дочери. – Ножки кресла проскревели по полу, следом задвигались и четыре другие. – Даму Линору можете опросить без меня.

– Королева... – начал Комб.

– Я собираюсь к завтраку. Доброго утра.

Эда вернулась на лестницу и уже спускалась по ней к тому времени, как открылась дверь палаты Совета. На дорожку от башни она ступила с жестоко бьющимся сердцем.

Маргрет придет в отчаяние, когда узнает. Ее брат слишком простодушен и мягок, чтобы служить соглядатаем при дворе Веталда.

Он в этом мире долго не протянет.

В Королевской башне вели утренний танец домочадцы королевы. Грумы и служанки мелькали из комнаты в комнату. Из личной кухни тянуло поднимающимся хлебом. Постаравшись проглотить горечь, Эда протолкалась мимо палаты приемов, где, как всегда, теснились ожидавшие королеву просители.

Приблизившись к опочивальне, Эда ощутила свои сторожки. Они были разбросаны по всему дворцу, как капканы. В первый свой год при дворе Эда была вся одним больным нервом, не спала ночами от их звона при каждом движении, но мало-помалу научилась различать искры, которые они посылали в нее, и раскладывать их, как костяшки на счетах. Приучила себя отмечать только тех, кто оказывался не на своем месте. Или появившихся при дворе незнакомцев.

В опочивальне Маргрет снимала постель, а Розлайн Венц вытряхивала холстины. У Сабран подходило время кровотоечения – ежемесячное напоминание, что в лоне еще не растет наследница.

Эда взялась помогать Маргрет. Ей надо было рассказать той про Лота, но с этим пришлось ждать, пока они останутся наедине.

– Госпожа Дариан, – нарушила молчание Розлайн.

Эда выпрямилась:

– Сударыня?

– Дама Катриен с утра больна. – Теперь первая дама ловко нацепляла полотно на шелковый пояс. – Ты вместо нее отведаешь завтрак ее величества.

Маргрет нахмурилась.

– Конечно, – хладнокровно согласилась Эда.

Это было наказание за вчерашнее отступление в легенде. Дамы опочивальни, отвеждая пищу королевы, получали вознаграждение за риск, но камеристке доставалась лишь опасность и никакой благодарности.

Однако Эда увидела в этом свой шанс.

На пути к королевскому солярию ей представилась еще одна возможность. Трюд утт Зидюр шла следом за двумя другими фрейлинами. Обгоняя девушку, Эда поймала ее за плечо и, оттянув в сторону, выдохнула в ухо:

– Найди меня завтра после молений, не то я позабочусь, чтобы твои письма попали к ее величеству.

Другие фрейлины обернулись, и Трюд заулыбалась, словно услышала от Эды какую-то шутку. Хитрая лисичка!

– Где? – спросила она, не переставая улыбаться.

– На тайной лестнице.

Они разошлись.

Королевский солярий был тихой гаванью. Он тремя сторонами выдавался над стенами Королевской башни, открывая несравненный вид на столичный Аскалон и выходящую по городу реку. Над городскими улицами поднимались каменные колонны и столбы дыма из труб. Около двухсот тысяч душ звали столицу своим домом.

Эда редко выходила в город. Приближенным королевы не к лицу торговаться на рынках и на цыпочках перебираться через сточные канавы.

На залитом солнцем полу играли тени. Сидящая за столом королева виделась одиноким силуэтом, ее рыцари-телохранители стояли у дверей. Их протазаны скрестились перед Эдой.

– Госпожа, – обратился к ней один, – сегодня не ты прислуживаешь за трапезой ее величества.

Она не успела ничего объяснить, потому что Сабран окликнула:

– Кто там?

– Госпожа Эда Дариан, ваше величество. Ваша камеристка.

После короткого молчания проследовало:

– Впустите.

Рыцари немедленно расступились. Эда, не стуча каблучками, приблизилась к королеве, сделала реверанс:

– Доброе утро, ваше величество.

Сабран уже снова смотрела в молитвенник в финифтяном переплете.

– Я ждала Катри.

– Дама Катриен нездорова.

– Она провела ночь со мной. Я знала бы, если бы она заболела.

– Так сказала дама Розлайн, – ответила Эда. – Если позволите, сегодня я отведаю вашу трапезу.

Не дождавшись ответа, Эда села. Так близко к Сабран, что уловила запах ее саше с корнем ириса и гвоздикой. Инисцы верили, что эти ароматы предохраняют от болезни.

Некоторое время они молчали. Грудь Сабран поднималась и опускалась ровно, но складка рта выдавала гнев.

– Королева, – заговорила Эда, – я, может быть, слишком смела, но, как мне кажется, вы сегодня не в духе.

– Действительно слишком смела. Твое дело – проверять, нет ли яда в моей пище, а не обсуждать мое настроение.

– Простите меня.

– Я слишком много прощаю. – Сабран захлопнула книгу. – Ты, видно, не уделяешь внимания даме-воительнице – рыцарю Вежливости, госпожа Дариан. Может быть, твое обращение не истинно? Может быть, ты оставляешь моему предку пустые церемонии, а втайне держишься своей ложной веры?

Эда не пробыла с ней и минуты, а уже ступила на зыбкую почву.

– Ваше величество, – осторожно сказала она, – королева Клеолинда, ваша праматерь, была наследной принцессой Лазии.

– Об этом мне нет нужды напоминать. Ты считаешь меня полоумной?

– Я не думала вас оскорблять, ваше величество, – сказала Эда. Сабран отодвинула молитвенник в сторону. – Клеолинда была благородна и добра душой. Не ее вина, что она с рождения ничего не ведала о Шести Добродетелях. Быть может, я наивна, но, чем наказывать, нам следовало бы жалеть невежественных и вести их к свету.

– В самом деле, – сухо бросила Сабран. – К свету костра.

– Если вы, моя госпожа, пожелаете отправить меня на костер, я должна принести извинения, – отозвалась Эда. – Говорят, что из эрсирцев выходит плохая растопка. Мы, как наши пески, слишком прокалились на солнце, чтобы гореть.

Королева взглянула на нее. Ее взгляд нашел брошь на платье Эды.

– Ты выбрала покровителем рыцаря Щедрости.

Эда коснулась броши.

– Да, – сказала она. – Я, как одна из ваших приближенных, отдаю вам свою верность. Чтобы отдавать, нужна щедрость.

– Щедрость. Как и у Льевелина. – Сабран будто беседовала сама с собой. – Как бы не оказалось, что ты отдашь больше, чем иные. Сперва Роз вздумала завести ребенка, и вот она слишком утомлена, чтобы служить мне, затем Арбелла не может со мной погулять, а теперь Катри изображает больную. Мне каждый день напоминают, что никто из них не взывает к покровительству Щедрости.

Эда видела, что Сабран в гневе, но ей понадобилось немало самообладания, чтобы не опрокинуть чашу вина на голову королеве. Дамы опочивальни многим жертвовали, чтобы служить ей круглые сутки. Они пробовали ее пищу и примеряли ее платья, рискуя жизнью. Катриен, одна из самых желанных для кавалеров придворных дам, едва ли могла надеяться на супружество. Что до семидесятилетней Арбеллы, та служила еще матери Сабран и до сих пор не знала отдыха.

От необходимости отвечать Эду избавило появление завтрака. Среди подававших его фрейлин была и Труд утт Зидюр, но она не пожелала встретиться с Эдой взглядом.

Эду смущали многие инисские обычаи, но утренняя королевская трапеза была среди них самой нелепой. Прежде всего королеве наливали вино по ее выбору – а затем подавали не одно, не два, а восемнадцать блюд. Тончайшие ломтики темного мяса, растертую в пасту смородину.

Булочки с черным ментским медом, яблочным повидлом, маслом или перепелиными яйцами. Соленая рыба из Лимбера. Лесная земляника на сливочном снегу.

Сабран, как всегда, выбрала лишь золотистую булочку, указав на нее кивком.

Тишина. Трюд засмотрелась в окно. Одна из подруг-фрейлин, всполошившись, толкнула ее локтем в бок. Опомившись, Трюд лопаточкой подхватила хлебец и с реверансом переложила на тарелку королевы. Другая девица подала завиток сладкого масла.

Пришла очередь отведывательницы. Трюд с хитрой улыбочкой вручила Эде нож с костяной ручкой.

Первым делом Эда пригубила вина. Затем сняла пробу с масла. Ни там ни там не было посторонних привкусов. Наконец она отрезала ломтик булочки и тронула его кончиком языка. От капли «вдовицы» защипало бы нёбо, дипсас высушил бы язык, а «пыль вечности» – редчайший из ядов – придавал всякой пище липкое послевкусие.

Но в булочке не было ничего, кроме плотного хлеба. Эда поставила блюда перед королевой и отдала нож для проб Трюд, которая вытерла его и обернула салфеткой.

– Оставьте нас, – приказала Сабран.

Девушки переглянулись. Обычно королева желала, чтобы фрейлины за едой развлекали ее шутками или сплетнями. Однако они послушно откланялись. Эда поднялась последней.

– Не ты.

Она села на место.

Солнце все ярче заливало светом королевский солярий. Блики плясали на кувшине с шиповниковым вином.

– Юная Трюд в последнее время стала рассеянна, – заметила Сабран, глядя на дверь. – Быть может, нездорова, как и Катри? Подобную волну недомоганий ожидаешь при дворе, скорее, зимой.

– Это, несомненно, шиповниковый насморк, моя госпожа, не более того. Что до благородной Трюд, она, думается, тоскует по дому, – сказала Эда. – Или... молодые фрейлины часто страдают любовной болезнью.

– Ты сама не так стара, чтобы говорить такое. Сколько тебе лет?

– Двадцать шесть, королева.

– Стало быть, немногим моложе меня. А ты не страдаешь любовной болезнью, столь обычной у юных служанок?

В других устах это могло бы прозвучать насмешкой, но глаза Сабран были холодны, как камни ее ожерелья.

– Боюсь, инисцам трудно полюбить того, кто был ранее привержен иной вере, – с заминкой отозвалась Эда.

Сабран задала не пустой вопрос. Ухаживание в Инисе считалось государственным делом.

– Чепуха, – сказала королева. Солнце блестело в ее волосах. – Как я поняла, ты близка с благородным Артелотом. Он говорил мне, что на каждом пиру Верности вы с ним обменивались подарками.

– Да, моя госпожа, – признала Эда, – мы близкие друзья. Его отлучка из города меня огорчает.

– Он вернется. – Сабран бросила на нее оценивающий взгляд. – Он за тобой ухаживал?

– Нет, – не кривя душой, ответила Эда. – Я считаю благородного Артелота любимым другом и не желаю большего. А если бы и желала, особа моего положения не годится в нареченные будущему ярлу Златбука.

– В самом деле. Посланник ак-Испад говорил, что ты низкой крови. – Сабран сделала глоток вина. – Итак, ты не влюблена.

Женщина, так легко оскорбляющая нижестоящих, должна быть податлива на лесть.

– Нет, моя госпожа, – сказала Эда. – Я здесь не для того, чтобы тратить время на поиски супруга. Я здесь, чтобы служить милостивой королеве Иниса. Этого более чем достаточно.

Сабран не улыбнулась, но ее суровый взгляд смягчился.

– Не хочешь ли завтра погулять со мной в личном саду? – предложила она. – То есть если дама Арбелла не поправится.

– Если таково ваше желание, ваше величество, – ответила Эда.

В отведенной им каюте едва хватало места на две койки. Дюжий ментец подал ужин: солонину, по рыбешке размером с большой палец на каждого и немало повидавший хлеб, о который запросто можно было обломать зубы. Кит, управившись с половиной своей порции мяса, сбежал на палубу.

Лот сдался, осилив полкуска хлеба. Рядом с дворцовыми угощениями эта снедь и близко не лежала, но сейчас это тревожило его меньше всего. Комб отправил его на гибель, и за что?

В одиночестве можно было поразмыслить.

Лот и раньше знал, что у Ночного Ястреба люди, случается, пропадают. Те, в ком он видел угрозу дому Беретнет – оттого ли, что они вели себя недостойно своего положения или притязали на власть больше, чем им причиталось.

Лот и до предупреждений Маргрет и Эды знал о слухах. Придворные шептались, что он соблазнил Сабран, об их тайном венчании. Теперь, когда герцоги Духа искали ей партию за границей, такие шепотки, даже самые беспочвенные, могли стать помехой. Лот стал проблемой, и Комб ее решил.

Наверняка нашелся бы способ послать весточку Сабран. Однако сейчас следовало заняться более насущным делом. Обдумать, как шпионить в Карскарро.

Лот, потирая переносицу, вспоминал все, что знал о принце Вилстане Чекане.

Сабран ребенком не была близка с отцом. Подтянутый и бородатый, вояка по всем повадкам, Чекан, на взгляд Лота, воплощал идеал своего предка, рыцаря Умеренности. Принц-консорт никогда не выдавал своих чувств, хотя явно дорожил семьей и позволял самым близким друзьям его дочери, Лоту и Розлайн, почувствовать, что и они входят в эту семью.

После коронации Сабран их отношения переменились. Отец и дочь часто вместе читали в королевской библиотеке, и отец давал королеве советы в делах правления. Смерть королевы Розариан оставила пустоту в жизни обоих, и в этой пустоте они наконец сдружились – но Чекану этого всегда было мало. Розариан была его путеводной звездой, и без нее он чувствовал себя потерянным в пустыне инисского двора. Он попросил Сабран дать ему место постоянного посланника в Искалине и с тех пор удовлетворялся этим местом, а ей писал по письму на каждое время года. Сабран всегда ждала этих писем из Карскарро, где правил своим веселым двором Веталда. Лот догадывался, что Чекану легче было похоронить свое горе вдали от дома, который он делил когда-то с Розариан.

Последнее его письмо было не похоже на прежние. Он почти прямо извещал Сабран, что считает дом Веталда причастным к убийству Розариан. И больше никто в Инисе не получал вестей от герцога Умеренности, а потом голубь принес из Карскарро известие, что Искалин назвал Безымянного своим богом и повелителем.

Лот собирался выяснить, что происходит в городе. Что вызвало раскол со странами Добродетели и что случилось с Чеканом. Если Искалин, как опасалась Сабран, готовился объявить дому Беретнет войну, любые сведения оказались бы бесценны.

Он утер лоб. Кит на палубе, пожалуй, изжарится, как кролик. Кстати говоря, Кит ушел уже давно.

Лот со вздохом поднялся. В двери не было замка, но он решил, что пиратам ни к чему его дорожный сундук с одеждой и прочими вещами. Вещи собрали, как видно, люди Комба, пока Лот тихо ужинал в личных покоях с Сабран и Розлайн.

Наверху оказалось прохладнее. Бриз поднял легкую рябь. Моряки, сновавшие по палубе, ревели песню, но смысла ее Лот не разобрал за скороговоркой морских словечек. Что бы ни говорил Харло, поднявшегося на ют Лота никто и не заметил.

Лебединый пролив отделял королевство Инис от большого материка, где располагались страны Запада и Юга. Через Пепельное море с него даже в разгар лета приносило жестокие ветра.

Кита Лот застал перевесившимся через борт и утиравшим рвоту с подбородка.

– Добрый тебе вечер, почтенный, – хлопнул его по плечу Лот. – Никак ты попробовал пиратского винца?

Кит был бледен, как лилия.

– Артелот, – вымолвил он, – кажется мне, знаешь ли, нехорошо.

– Тебе бы воды попить.

– Не рискнул попросить. Все время, что я тут, наверху, они режут без умолку.

– Моряки всегда поют за работой, – глуховато прозвучало у них за спиной.

Лот вскинулся. Неподалеку стояла, опершись на планшир, женщина в черной широкополой шляпе.

– Рабочие песни, – она бросила Киту винный мех, – помогают швабрам скоротать время.

Кит вывернул затычку.

– Ты сказала «швабрам», госпожа?

– Тем, кто швабрит палубу.

По виду и выговору эта корсарка была родом из Искалина. Темно-оливковая кожа, веснушки сквозь загар. Волосы как ячменное пиво. Глаза прозрачного янтаря тонко обведены черной тушью, а левый еще и подчеркнут шрамом. Среди пиратов она выглядела особенно представительной, отличаясь даже блеском сапог и чистотой камзола. На боку у нее висела рапира.

– На вашем месте я бы вернулась в каюту до темноты, – посоветовала она. – Моряки в большинстве недолголюбивают господских отпрысков. Плам держит их в руках, но, когда он ложится спать, засыпают и их хорошие манеры.

– Мне кажется, мы незнакомы, госпожа, – напомнил Кит.

Ее улыбка стала заметнее.

– А что навело тебя на мысль, будто я ищу знакомства, сударь мой?

– Но ведь ты заговорила первая.

– Может быть, от скуки.

– Надеюсь, мы тебя развлечем. – Он с обычной пышностью поклонился. – Я Китстон Луг, придворный поэт. Будущий ярл Медового Ручья, к огорчению моего отца. Счастлив знакомством.

– Я Артелот Исток, – склонил голову Лот. – Наследник графской четы Златбука.

Женщина подняла бровь:

– Эстина Мелаго. Наследница собственной седой головы, боцман на «Розе вечности».

Лицо Кита ясно говорило, что имя ему знакомо. Лот предпочел не расспрашивать.

– Итак, – сказала Мелаго, – вы направляетесь в Карсаро.

– Ты оттуда родом, госпожа? – осведомился Лот.

– Нет. Из Вазувы.

Лот выждал, пока она пила из стеклянной бутылки.

– Госпожа, – сказал он, – я подумал, не скажешь ли ты нам, чего ожидать при дворе короля Сигосо. Мы почти ничего не знаем о событиях в Искалине за последние два года.

– Я знаю не больше вашего. Бежала из Искалина, и не я одна, в тот день, когда дом Веталда присягнул на верность Безымянному.

Снова подал голос Кит:

– И многие из беглецов подались в пираты?

– В корсары, с твоего позволения. – Мелаго кивнула на герб. – Нет. Большой частью изгнанники отправились в Ментендон и Эрсир, чтобы, кто как сумеет, начать жизнь сначала. Но выбраться удалось не всем.

– Значит, не весь народ Искалина склонился перед Безымянным? – спросил ее Лот. – Они просто боятся своего короля и не могут выбраться из страны?

– Очень может быть. Теперь из нее никто не выходит, да и входят очень немногие. Карскаро еще принимает иноземных послов, чему вы сами свидетельство, а вот жители страны, по всему, что я знаю, могли уже вымереть от чумы. – Ветер сдул ей на глаза завиток волос. – Если сумеете вернуться, расскажете мне, на что теперь похож Карскаро. Я слышала, до того как отправили голубей, там случился большой пожар. Когда-то столицу окружали лавандовые поля, но все они выгорели.

Лоту от этих слов стало еще больше не по себе.

– Признаться, – продолжала Мелаго, – мне любопытно, зачем ваша королева отправила вас в эту змеиную яму. Я думала, благородный Артелот ее любимец.

– Нас отправила не королева Сабран, – уточнил Кит, – а кошмарный Сейтон Комб. – Кит вздохнул. – Он, знаешь ли, никогда не любил моих стихов. Так ненавидеть поэзию может только бездушная оболочка человека.

– Ах, Ночной Ястреб, – хихикнула Мелаго. – Вашей королеве к лицу такая птица.

Лот застыл:

– Как это надо понимать?

– Святой! – Кит явно заинтересовался. – К пиратству еще и ересь! Ты намекаешь, что наша королева – ведьма?

– Корсары не пираты. И говори потише. – Мелаго оглянулась через плечо. – Поймите меня правильно, господа. Я лично ничего не имею против королевы Сабран, но родилась в суровых краях, а в Беретнетах в самом деле есть некая странность. У каждой королевы только по одному ребенку, всегда дочери, и между ними такое сходство... не знаю. Похоже на колдовство, на взгляд...

– Тень!

Мелаго развернулась. Крик донесся с «вороньего гнезда».

– Опять виверна, – выдохнула она. – Извиняюсь.

Она принялась карабкаться по вантам. Кит подбежал поближе:

– Виверна? Никогда их не видел.

– И незачем нам их видеть, – вмешался Лот. По плечам у него бегали мурашки. – Нам здесь не место, Кит. Идем вниз, пока...

– Подожди. – Кит заслонил глаза от света. Ветер трепал его кудри. – Лот, ты видишь?

Лот скосил глаза к горизонту. Низкое красное солнце почти ослепило его.

Мелаго, цепляясь за выбленки, поднесла к глазам подзорную трубу:

– Чтоб мне... – Она опустила трубу и подняла снова. – Плам, это... глазам не верю!

– Что там? – крикнул ей квартирмейстер. – Эстина!

– Это... высший западник! – хрипло отозвалась она. – Высший западник!

Ее слова упали как искра на трут. Порядок на палубе развалился. Лот почувствовал, как каменеют у него ноги.

– Готовьте гарпуны, цепные ядра, – крикнула морячка из Ментендона. – Ждите пожара. Не задевать его, если не нападет.

Лота, когда он увидел, холод пробрал до мозга костей. Он не чувствовал ни рук, ни лица. Этого быть не могло. Но это было.

Змей. Чудовищный четвероногий змей почти двухсот стоп в длину от рыла до кончика хвоста.

Это уже не мелкая виверна, грабящая стада. Этой породы не видели веками, с последних дней Горя Веков. Самые могущественные из драконьего племени. Высшие западники, самые большие и беспощадные из драконов, ужас змеиноного рода.

И один из них пробудился.

Зверь скользил над кораблем. Когда он прошел прямо над головами, Лот почувал его внутренний жар, смрад дыма и извести.

Медвежий капкан пасти. Раскаленные угли глаз. Они вписались в его память. Он еще ребенком слышал сказки о таких, находил страшные картинки в бестиариях – но даже самые мучительные кошмары не вселяли в душу подобного ужаса.

– Не трогать! – крикнула ментка. – Выждать!

Лот прижался спиной к мачте.

Невозможно было отрицать свидетельство собственных глаз. Это существо, окрасься его чешуя красным, было точным подобием Безымянного.

Команда суежилась, как мураши в залитом водой муравейнике, но змею, как видно, было не до них. Он пронесся над Лебединым проливом. Лот видел бьющийся в нем огонь, волнами проходивший от глотки до брюха. Его шипастый хвост оканчивался грозным бичом.

Чтобы не упасть, Лот ухватился за планшир. В ушах у него звенело. Рядом дрожал, стоя в золотистой луже, молоденький моряк.

Из своей каюты показался Харло. Он смотрел вслед удалявшемуся западнику.

– Впору молиться о спасении, господи мои, – тихо проговорил он. – Фиридел, правое крыло Безымянного, пробудился от спячки.

8 Восток

Сульярд храпел. Еще одно доказательство, что Трюд сглупила, связавшись с ним. Впрочем, спать Никлайсу не пришлось бы, даже если бы парень заткнулся, потому что налетел тайфун.

От грохота за стеной ржали лошади. Сульярд, которого сморила первая же чаша вина, все проспал.

Никлайс, тоже не вполне трезвый, лежал поверх покрывала. Они с Сульярдом провели вечер за игрой в карты и рассказами. Сульярд поведал мрачную сказку про Небывалую королеву, а Никлайс выбрал более духоподъемную волшебную историю про Карбункул и Скальда.

Юнец ему по-прежнему не нравился, но Никлайс счел, что его долг перед Трюд – сберечь ее тайного супруга. И долг перед Яннартом.

Ян...

Тиски печали сжали ему сердце. Он закрыл глаза и вернулся в то осеннее утро, когда они впервые повстречались в розовом саду Бригstadского дворца, при полном надежд дворе недавно коронованного Эдварта Второго.

В свои двадцать еще носивший титул маркиза Зидюра Яннарт был высок и поражал взгляд величественной рыжей гривой, падавшей ему до пояса. Никлайса в те дни отличала редкая среди ментцев шевелюра цвета светлого каштана, скорее золотистая, нежели медная.

Она в тот день и привлекла к нему Яннарта. «Розовое золото» – так назвал он этот цвет. И спросил у Никлайса позволения написать его портрет, увековечив этот оттенок для потомства, а Никлайс, как любой юный придворный любезник, был только рад ему услужить.

Рыжие волосы и розовый сад. С них все началось.

Они не расставались всю осень, провели ее за мольбертом, музыкой и смехом. И даже когда портрет был готов, они остались неразлучными, как сиамские близнецы.

Никлайс никогда прежде не любил. Яннарт первым увлекся им настолько, чтобы затеять историю с портретом, но очень скоро и Никлайс пожалел, что не умеет рисовать и не в силах запечатлеть темноты этих ресниц, и отблеска солнца в волосах, и изящества рук на клавишах клавесина. Он засматривался на его шелковые губы, на изгиб шеи, там, где она сходится с нижней челюстью; он смотрел, как в этой колыбели жизни пульсирует кровь. Он во всех восхитительных подробностях воображал, как выглядят эти глаза в утреннем свете, когда сон еще тяжелит им веки. Изысканный темный янтарь, подобный меду черных пчел.

Никлайс жил, чтобы слышать этот голос, глубокий и певучий. О, он мог бы сочинить балладу о его звучании и о том, как он поднимался к высотам страсти, когда разговор касался искусства или истории. Эти темы воспаляли Яннарта и приманивали людей к теплу его пламени. Одними словами Яннарт умел придать красоту самому скучному предмету и воскресить из праха цивилизации. Для Никлайса он был подобен солнечному лучу, освещавшему каждую грань его мира.

Никлайс знал, что надежды нет. Как-никак Яннарт был маркиз, наследник княжества, ближайший друг князя Эдварта, а Никлайс – безродным выскочкой из Розентуна.

И все же Яннарт его увидел. Увидел и не отвел глаз.

За стенами волны снова ударили в ограду. Никлайс перевернулся на бок – у него ныло все тело.

– Ян, – тихо прошептал он, – когда мы успели состариться?

Ментского корабля можно было ожидать со дня на день, а когда корабельщики повернут к дому, мальчишка будет с ними. Еще несколько дней – и Никлайс избавится от этого живого

напоминания о Трюд, Яннарте и забытом Святым инисском дворе. Он снова вернется к возне с растворами на краю мира, забытый изгнанник.

Наконец он задремал, прижав к груди подушку. А когда проснулся, было еще темно, но волосы у него на загривке тревожно дыбились.

Никлайс сел, всматриваясь в темноту.

– Сульярд!

Нет ответа. В темноте что-то двигалось.

– Сульярд, это ты?

Когда вспышка молнии придавала объем силуэту, он уставился в открывшееся ему лицо.

– Достойный господин... – прохрипел Никлайс, но его уже стащили с постели.

Двое часовых проволокли его к двери. Обезумев от ужаса, Никлайс как-то умудрился подхватить с пола свою трость и со всей силы размахнулся. Трость хлыстом ударила по чьей-то щеке. Одно мгновение успев порадоваться своей меткости и потрясению на лице врага, он получил удар железной дубинкой.

Такой боли он никогда еще не испытывал. Нижняя губа треснула, как перезрелый плод. Все зубы задрожали в своих гнездах. От меднистого привкуса во рту взбунтовался желудок.

Часовой вновь поднял дубинку и нанес ему страшный удар по колену.

С криком «Пощады!» Никлайс вскинул руки, выронил трость. Кожаный сапог переломил ее пополам. Удары посыпались со всех сторон – по спине, по лицу. Он упал на циновки, слабыми звуками выражая покорность и раскаяние. Кругом разносили вдребезги его дом.

Из мастерской слышался звон бьющегося стекла. Его приборы! Ему никогда не накопить на новые!

– Прошу вас... – Кровь стекала у него по подбородку. – Достойные часовые, прошу вас, вы не понимаете. Этот труд...

Не слушая мольбы, они вытолкнули его в бурю. На Никлайсе была только ночная рубаха. Ноги его подогнулись, и пленника потащили, как мешок с мукой. Несколько ментцев, заработавшихся до ночи, показались из своих жилищ.

– Доктор Рооз, – окликнул один из них, – что случилось?

Никлайс захлебнулся воздухом.

– Кто это? – Его голос потерялся в раскате грома. – Муст, – глухо крикнул он, – Муст, помоги мне, лисоволосый дурень.

Ладонь зажала ему окровавленный рот. Теперь он услышал Сульярда, плачущего где-то в темноте.

– Никлайс!

Он поднял глаза, ожидая увидеть Муста, но в схватку бросилась Паная. Она растолкала часовых и встала над Никлайсом, подобно рыцарю Доблести.

– Если он арестован, – заговорила она, – где приказ от достойного правителя Хайсана?

Никлайс готов был расцеловать ее. Старший распорядитель стоял поодаль, наблюдая, как его часовые разносят дом.

– Вернись к себе, – не глядя, приказал он Панае.

– Ученый доктор Рооз заслуживает почтения. Если вы причините ему вред, великий князь Ментендона об этом узнает.

– У Рыжего князя здесь нет власти.

Паная расправила плечи. Никлайсу оставалось только благоговейно наблюдать, как женщина в ночных одеждах противостоит мужчине в доспехах.

– Ментцы, пока живут здесь, находятся под защитой вседостойного государя, – говорила она. – Что скажет он, услышав, что вы пролили кровь на Орисиме?

На это начальник шагнул к ней.

– Может быть, скажет, что я слишком милостив, – проговорил он глухим от презрения голосом, – потому что этот лжец укрывал в своем доме нарушителя границы.

Паная умолкла, и легко было заметить, как она потрясена.

– Паная, – шепнул ей Никлайс, когда начальник зашагал прочь, – я могу объяснить.

– Никлайс... – выдохнула она. – О Никлайс, ты нарушил Великий эдикт.

В лодыжке у него забилась боль.

– Куда они меня уведут?

Паная бросила опасливый взгляд в сторону оравшего на своих часовых начальника.

– К достойному правителю Хайсана. Они будут проверять тебя на красную болезнь, – зашептала она на ментском. И вдруг напряглась. – Ты к нему прикасался?

Никлайс отчаянно пытался вспомнить.

– Нет, – ответил он, – к обнаженной коже – нет.

– Обязательно скажи им об этом. Поклянись своим Святым, – сказала она. – Если тебя заподозрят в обмане, то всеми средствами постараются добиться истины.

– Пыткой? – На лице у него бусинами проступил пот. – Только не пытки! Ты ведь не о пытках говоришь?

– Довольно, – гаркнул распорядитель. – Уведите предателя!

И часовые потащили его, как тушу к колоде мясника.

– Мне нужен адвокат! – прокричал Никлайс. – Проклятье, должен же на этом забытом Святым острове найтись, чтоб его, адвокат! – Не добившись ответа, он отчаянно крикнул Панае: – Скажи Мусту, пусть починит мои приборы. Продолжайте работу!

Она только беспомощно глядела на него.

– И сохраните мои книги! Ради любви Святого, сбереги мои книги, Паная!

9

Запад

– Наверное, такие прогулки в Эрсире не в обычае? Мешает нестерпимая жара?

Они прогуливались по саду королевы. Раньше Эда в нем не бывала. Этот приятный уголок предназначался для Сабран, ее самых приближенных дам и Совета Добродетелей.

Дама Арбелла Гленн так и не встала с постели. Придворные шептались без умолку. Если она умрет, понадобится новая дама опочивальни. И другие высокородные камеристки заранее старались выказать перед Сабран свой ум и таланты.

Несомненно, потому-то Линора и рассердилась так, увидев, как Эда проявила свое искусство сказительницы. Боялась, что кто-то со стороны урежет ее шансы.

– Зимой – нет. А летом мы носим просторные шелковые одежды, которые защищают от зноя, – ответила Эда. – Я, когда жила в Румелабаре у его превосходительства, часто читала, сидя у пруда в его поместье. Дорожки там затенялись деревьями сладких лимонов, а воздух охлаждали фонтаны. Мирное было время.

По правде сказать, Эда всего раз побывала там. Детство она провела в обители.

– Понимаю. – Сабран держала в руках расписной веер. – А молилась ты Певцу Зари.

– Да, моя госпожа. В Доме Молчания.

Они прошли в уголок сада, где пышно цвели сливы. Двенадцать рыцарей-телохранителей следовали за ними в отдалении.

За последние несколько часов Эда увидела, что под наружным всезнанием королева Иниса скрывала весьма ограниченные представления о мире. Запертая в стенах своих дворцов, она познавала земли вне Иниса по деревянным глобусам, письмам послов и иноземных правителей. Сабран бегло говорила на ментском и хроти, и в истории стран Добродетели наставники ее просветили, но о прочем она знала не много. Эда чувствовала, какого труда стоило королеве удержаться от расспросов о Юге.

Эрсир не исповедовал Шести Добродетелей. Как и граничащие с ним земли Лазии, хоть эта страна и занимала важное место в легенде об основании Иниса.

Явившись к инисскому двору, Эда публично обратилась к Шести Добродетелям. Однажды весенним вечером она, стоя в королевском святилище, присягнула на верность дому Беретнет и получила шпоры и перевязь, причитавшиеся последователям Галиана. За это ей было обещано место в Халгалланте – небесном чертоге Святого. Она сказала святителю, что до прибытия в Инис держалась веры в Певца Зари, у которого в Эрсире было больше всего последователей. Никто в том не усомнился.

Эда никогда не веровала в Певца Зари. Эрсирка по крови, она родилась не в Эрсире и бывала в нем нечасто. Истинная ее вера была известна только в обители.

– Его превосходительство говорил мне, что твоя мать не из Эрсира, – припомнила Сабран.

– Нет. Она родилась в Лазии.

– Как ее звали?

– Зала.

– Я сочувствую твоей потере.

– Благодарю, моя госпожа, – отозвалась Эда. – Это было давно.

При всех различиях между ними обе знали, что значит потерять мать.

Когда часы на башне пробили одиннадцать, Сабран остановилась у своего птичника. Она открыла дверцу, и на запястье ей выпрыгнула крошечная зеленая птаха.

– Это птица из Лазии, – сказала Сабран. Солнце играло в изумрудах ее ожерелья. – Там родилась святая Дева, от которой идет мой род.

– Вы бывали в Лазии, королева? – спросила Эда.

– Нет. Я никогда не ступала ногой за пределы стран Добродетели.

Эда поймала себя на знакомой вспышке досады. Чистейшее лицемерие со стороны инисцев – вести свою главную легенду из Лазии и притом обзывать ее народ еретиками.

– Конечно, – сказала она вслух.

Сабран бросила на нее взгляд. Достала из мешочка на поясе и высыпала себе на ладонь несколько зернышек.

– В Инисе эту птичку называют любовником, – сказала она. Птаха у нее на запястье весело чирикала. – Они выбирают одного спутника на всю жизнь и узнают его песню даже много лет спустя. Вот почему птички любовники святы для рыцаря Верности. Они воплощают желанное для каждой души единение в супружестве.

– Я их хорошо знаю, – сказала Эда. Птичка клевала зерна. – На юге их называют перси-колицыми пересмешниками.

– Персиколицыми?

– Персик – это сладкий оранжевый плод с косточкой внутри, моя госпожа. Он произрастает в Эрсире и кое-где на Востоке.

Сабран любовалась клюющей птичкой.

– Поговорим о Востоке, – предложила она, возвращая птицу на жердочку.

Солнце жарило, как печка, но королева как будто и не думала уйти под крышу. Они продолжали прогулку по дорожкам среди вишневых деревьев.

– Чувствуешь запах дыма, госпожа? – спросила Сабран. – В городе зажгли костры. Этим утром на площади Мариан сожгут двух певцов рока. Ты это одобряешь?

В Инисе числилось два рода еретиков. Немногие здесь и там держались древней веры Иниса, поклонялись природе, как делали их предки до основания дома Беретнет, когда рыцарство было еще юным, а страна жила под тенью Лесной хозяйки. Таких принуждали отречься или заключали в тюрьму.

Были и другие, пророчившие возвращение Безымянного. За последние два года такие певцы рока стекались в Инис из Искалина и, сколько успевали, проповедовали в городах. Таких по приказу герцогини Справедливости сжигали.

– Жестокая смерть, – сказала Эда.

– Они хотели бы видеть в огне весь Инис. Хотели бы, чтобы мы раскрыли объятия Безымянному, приняли его как бога. Дама Игрейн говорит, что мы должны поступать с нашими врагами так, как они хотели бы поступить с нами.

– И Святой тоже так говорит, королева? – сдержанно спросила Эда. – Я не так хорошо наставлена в Шести Добродетелях, как вы.

– Рыцарь Доблести велит защищать нашу веру.

– И все же вы приняли дар от Обрехта, князя Ментендонского, который торгует с Востоком. Он даже вручил вам восточные жемчужины, – заметила Эда. – Кое-кто мог бы сказать, что он поддерживает ересь своими деньгами.

Ей бы следовало прикусить язык. Сабран наградила собеседницу ледяным взглядом.

– Я не принадлежу к святителям, и не мое дело объяснять тебе тонкости Шести Добродетелей, – сказала она. – Если ты желаешь обсудить эти сложности, госпожа Дариан, советую поискать собеседников в другом месте. Например, в моей Невидимой башне, с прочими, кто сомневается в моем праве судить – исходящем, напомню, от самого Святого. – Сабран отвернулась от нее. – Доброго утра.

Она ушла в сопровождении своих рыцарей-телохранителей, оставив Эду одну под деревьями.

Когда королева скрылась из виду, Эда прошла через лужайку к фонтану и села на краю, проклиная себя. От жары она утратила рассудок.

Плеснув воды себе в лицо, Эда напилась из ладоней под взглядом статуи Карнелиан Первой, Цветка Аскалона и четвертой королевы рода Беретнет. Правящей династии Иниса скоро должно было исполниться тысяча шесть лет.

Эда закрыла глаза, позволив струйкам воды стекать по шее. Она восемь лет провела при дворе Сабран Девятой. И за все это время ни словом не позволила себе уколоть ее. А теперь стала подобна ехидне, не способной удержать язык свой за зубами. Что-то подмывало ее нарочно задевать инисскую королеву.

Это «что-то» надо было вырубить с корнем, не то при этом дворе ее проглотят и не заметят.

Все ее дела в тот день проходили как в тумане. В теплую погоду еще труднее было исполнять поручения. Даже Линора притихла, ее золотые волосы увлажнил пот, а Розлайн Венц целый день все яростнее обмахивалась веером.

После ужина Эда с другими женщинами пришла на молитву в святилище Добродетелей. Королева-мать приказала вставить в его окна синее стекло, от которого зал казался подводным храмом.

В святилище стояла одна статуя по правую сторону от алтаря. Галиан, сложивший ладони на рукояти Аскалона.

Слева осталось только подножие в память о женщине, которую в Инисе помнили как королеву Клеолинду или Деву.

Инисцы не сохранили записей о наружности Клеолинды. Все изображения, если и существовали, были уничтожены после ее смерти, и ни один инисский скульптор даже не пытался создать подобие первой королевы рода Беретнет. Многие объясняли это тем, что король Галиан не мог видеть образа женщины, ушедшей от него с ложа роженицы.

Даже в обители сохранились лишь немногие рассказы о Матери. Так многое было уничтожено или утрачено.

И пока другие молились, молилась и Эда:

«Мать, молю тебя, направь меня в этой стране Обманщика. Мать, взываю к тебе, позволь мне держаться с достоинством в присутствии этой женщины, притязающей на родство с тобой, ведь я клялась ее охранять. Мать, умоляю, дай мне отвагу, достойную моего плаща».

Сабран поднялась и коснулась рукой статуи своего предка. Когда она со своими дамами выходила из святилища, Эда заметила среди фрейлин Трюд. Та смотрела прямо перед собой, но сложенные руки были сжаты чуть сильнее, чем принято.

Когда легла ночь и все ее обязанности в Королевской башне были исполнены, Эда спустилась по тайной лестнице к причалу, на который выгружали с барж доставленные из города товары, и стала ждать в нише с колодцем.

Трюд утт Зидюр пришла в плаще с капюшоном.

– Мне запрещено после наступления темноты выходить из «сундучка» без сопровождения. – Трюд убрала под капюшон выбившийся ржий локон. – Если дама Олива заметит, что меня нет...

– Ты не раз встречалась с любовником, сударыня, и, надо думать, – добавила Эда, – без сопровождения.

Темные глаза смотрели на нее из-под головного убора.

– Чего ты хочешь?

– Хочу знать, что задумали вы с Сульярдом. В письмах упоминается какое-то «предприятие».

– Это не твоя забота.

– Так позволь мне порассуждать. Того, что я видела, довольно, чтобы понять, как ты интересовалась Востоком. Думается мне, вы с Сульярдом решили вместе пересечь Бездну с какой-то дурной целью, но он отправился без тебя. Я ошибаюсь?

– Ошибаешься. Если уж ты влезла в это дело, так знай правду, – едва ли не со скукой проговорила Трюд. – Триам отправился в Млечную лагуну. Мы решили жить как супруги там, где ни королева Сабран, ни мой отец не сумеют разрушить наш брак.

– Не лги мне, сударыня. При дворе ты показываешь лик невинности, но, я думаю, у тебя есть и другой.

Причальные ворота открылись. Девушки забились в глубину ниши, пережидая, пока пройдет насвистывающий стражник с факелом. Он ушел вверх по лестнице, не заметив женщин.

– Мне нужно вернуться в девичью, – еле слышно выдохнула Трюд. – Мне еще надо найти шестнадцать цукатов для этой мерзкой птицы. Он развоняется, если я слишком задержусь.

– Тогда говори, что вы с Сульярдом затевали?

– А если не скажу? – со смешком возразила Трюд. – Что ты тогда будешь делать, госпожа Дариан?

– Возможно, сообщу главному секретарю, что подозреваю тебя в заговоре против ее величества. Не забывай, детка, у меня твои письма. А могут, – добавила Эда, – найтись и другие средства тебя разговорить.

Трюд настороженно смотрела на нее.

– Не подобают такие речи придворной даме, – сказала она тихо. – Кто ты? Отчего так интересуешься тайнами инисского двора? – На лице девушки внезапно мелькнула подозрительность. – Или ты из осведомителей Комба? Я слышала, что он не брезгует самыми подлыми шпионами.

– С тебя довольно знать, что я считаю своим делом защиту ее величества.

– Ты камеристка, а не рыцарь-телохранитель. Тебе мало дела – менять простыни?

Эда шагнула к ней ближе. Она на полголовы возвышалась над Трюд, рука которой уже потянулась к кинжалу на поясе.

– Быть может, я и не рыцарь, – сказала Эда, – но, прибыв к этому двору, я поклялась защищать королеву Сабран от врагов.

– И я так же клялась, – горячо ответила Трюд. – Я ей не враг – как и люди Востока. Они не меньше нашего ненавидят Безымянного. Благородные создания, которым они поклоняются, ни в чем не подобны змеям. – Трюд подтянулась, став выше ростом. – Драконье племя пробуждается, Эда. Скоро они восстанут – Безымянный и его слуги, – и гнев их будет ужасен. И в сражении с ними нам нужна будет помощь. Помощь с Востока.

Эду пробрал озноб.

– Ты задумала военный союз с Востоком, – пробормотала она. – Задумала призвать их змеев как подмогу против пробуждающихся западников. – (Трюд все смотрела на нее блестящими глазами.) – Дура. Упрямая дура. Когда королева узнает, что ты связалась со змеями...

– Они – не змеи! Они драконы, а это добрейшие создания. Я видела картинки, читала о них в книгах.

– В восточных книгах!

– Да! Их драконы – от воды и воздуха, а не от огня. Мы так давно разошлись с Востоком, что забыли об этой разнице. – Заметив недоверие во взгляде Эды, Трюд попробовала зайти с другой стороны. – Ты тоже чужестранка в этой стране, так послушай меня. Что, если инисцы заблуждаются и не непрерывность рода Беретнет сдерживает мощь Безымянного?

– Дитя, что ты лепечешь?

– Ты сама знаешь: что-то меняется. Драконье племя просыпается. Искалин отпал от Добродетели – и это только начало. – Она понизила голос. – Безымянный возвращается. И я думаю, что он вернется скоро.

Эда на миг онемела.

«Что, если не непрерывность рода Беретнет сдерживает мощь Безымянного?»

Как эта девица из страны Добродетели додумалась до столь еретической мысли?

Конечно, она вполне может оказаться права. И настоятельница говорила об этом Эде, когда, отправляя в Инис, объясняла, почему считает нужным послать одну из сестер для охраны королевы Сабран.

«Возможно, дом Беретнет и его потомство защищают нас от Безымянного, а возможно, и нет. Доказательств нет в обоих случаях. Так же как нет доказательств в пользу происхождения королев Беретнет от Матери. Если это так, их кровь священна и ее должно защищать. – Эда и сейчас видела настоятельница яснее весенней воды. – В этом и беда с легендами, дитя. Невозможно взвесить, сколько в них истины».

Потому Эду и послали в Инис. Защищать Сабран на случай, если мифы не лгут и ее наследница предотвратит пробуждение врага.

– И вы решили подготовить нас к его... второму пришествию, – с деланой насмешкой проговорила Эда.

Трюд вздернула подбородок.

– Да! На Востоке рядом с людьми живет множество драконов. Они не подчиняются Безымянному, – сказала она. – Когда он вернется, нам для победы над ним понадобятся восточные драконы. Мы должны вместе предотвратить повторение Горя Веков. Мы с Триамом не допустим гибели рода человеческого. Может, мы малы и молоды, но за свою веру мы потрясем мир.

Правда она или нет, но убежденность горела в этой девушке факелом.

– Откуда такая уверенность, что Безымянный придет? – спросила Эда. – Разве дети стран Добродетели не рождаются с верой, что королева Сабран сковывает его цепями?

Трюд выпрямилась.

– Я люблю королеву Сабран, – сказала она, – но только незрелое дитя верит на слово любым сказкам. В Инисе верят слепо, а у нас, в Ментендоне, ценят доказательства.

– И у тебя есть доказательства возвращения Безымянного? Или одни догадки?

– Не догадки. Гипотезы.

– Каковы бы ни были твои гипотезы, твой замысел еретичен.

– Не тебе говорить мне о ереси, – огрызнулась Трюд. – Не ты ли поклонялась Певцу Зари?

– Мы здесь не о моей вере говорим. – Эда помолчала. – Итак, Сульярд сбежал. Бросился на Восток, лелея безумный замысел союза для спасения королевы без ее ведома. – Эда присела на кромку колодца. – Твой любовник погибнет.

– Нет. Сейкинцы выслушают...

– Он – не официальный посол Иниса. С чего бы они стали слушать?

– Триам их убедит. Он, как никто, умеет высказать душу. А убедившись в истинности угрозы, правители Востока обратятся к Сабран. И она увидит, что союз необходим.

Девочку ослепила страсть. Сульярда казнят, стоит ему ступить на землю Востока, а Сабран скорее отрежет себе нос, чем заключит союз со змеелюбами, даже если бы ее удалось убедить, что Безымянный может восстать, пока она дышит.

– Север слаб, – рубила свое Трюд, – а Юг слишком горд, чтобы иметь дело со странами Добродетели. – Щеки ее разгорелись, соперничая с пламенем волос. – Ты смеешь осуждать меня за то, что я искала помощи?

Эда заглянула ей в глаза.

– Ты, пожалуй, воображаешь, что одна стремишься спасти мир, – сказала она, – но ты и понятия не имеешь, на чем стоишь. Как и все вы. – Видя, как сошлись брови Трюд, она про-

должала: – Сульярд обратился к тебе за помощью. Чем ты помогла его побегу? Какие составила планы?

Трюд молчала.

– Если ты хоть чем-то ему помогла, это была измена.

– Ни слова больше не скажу. – Трюд отстранилась от нее. – Ступай к даме Оливе, если хочешь. Только сперва объясни ей, что ты делала в девичьей.

Она хотела уйти, но Эда поймала ее за запястье:

– В книге ты записала имя. «Никлайс». Думаю, ты имела в виду Никлайса Рооза, анатома. – Трюд замотала головой, но в ее глазах Эда увидела признание. – При чем тут Рооз?

Ответить Трюд не успела, потому что налетел ветер.

Вздрыгнула каждая ветвь на каждом дереве. Смолкли все птицы в птичнике. Все замерло. Отпустив Трюд, Эда выступила из ниши.

В городе палили пушки. Щелкали, как каштаны на огне, мушкеты. За спиной у Эды замерла у колодца Трюд.

– Что это? – спросила она.

Эда вздохнула, чувствуя, как стучит кровь. В пальцах и ладонях звенело. Давно она не ощущала этого в своем теле. Впервые за многие годы в ней воспламенился сиден.

Что-то близилось. То, что продвинулось так далеко, должно было прорвать береговую оборону. Или уничтожить ее.

Вспышка, подобная солнцу, прорвала облака, опалила жаром глаза и губы, и над внешней стеной дворца пронесся змей. Он сжег лучников и мушкетеров, в щепки разбил ряд катапульт. Трюд осела на землю.

Эда по одному только размеру узнала его. Высший западник. Чудовище от клыков до плети хвоста, ошетилившейся смертоносными шипами. Покрытое боевыми шрамами брюхо было бурым, как ржавчина, а остальная туша черна, как смола. Выпущенные со сторожевых башен стрелы скользили по его чешуе.

Стрелы были бессильны. И мушкеты. Это ведь не просто один из змеев, даже не просто высший западник. Этого создания не видел на своем веку никто из ныне живущих, но имя его Эда знала.

Фиридел.

Он, называвший себя правым крылом Безымянного. Фиридел, вскормивший и возглавивший драконье воинство, чтобы в Горе Веков поставить на колени род человеческий.

Он проснулся.

Зверь кружил над Аскалонским дворцом, его тень ложилась на сады и лужайки. Эде стало дурно, кровь у нее горела: запах чудовища воспламенил сиден в ее жилах.

Длинный лук, спрятанный в ее комнате, был недоступен. Годы без событий притупили ее бдительность.

Фиридел опустил на Невидимую башню. Его хвост обвил стены змеиными витками, а когти нашли опору на шпиле. Посыпавшаяся вниз черепица заставила разбежаться стоявших внизу.

Голову его венчали два беспощадных рога. Глаза пылали из темноты колодцами магмы.

– Королева Сабран.

Небо отозвалось на его голос. Должно быть, эти слова услышала половина Аскалона.

– Семя Защитницы. – С башни посыпались новые осколки камня. Стрелы отскакивали от его брони. – Выходи, предстань пред своим древним врагом или смотри, как будет гореть твой город.

Сабран не ответит на этот вызов. Кто-нибудь ее удержит. Совет Добродетелей вышлет представителя для переговоров.

Фиридел оскалил блестевшие металлом зубы. Эде не был виден верхний балкон высокой Алебастровой башни, но ее обострившийся слух различил второй голос.

– Я здесь, чудовище.

Эда похолодела.

Дура! Круглая дура! Показавшись, Сабран подписала себе смертный приговор.

Из всех окон звенели крики. Слуги и придворные высывались наружу, чтобы увидеть обосновавшееся среди них зло. Другие беспорядочной толпой бежали из дворцовых ворот. Эда кинулась к лестнице.

– Так ты проснулся, Фиридел, – пренебрежительно проговорила Сабран. – Чего ты хочешь от меня?

– Я явился предупредить тебя, королева Инисская. Близится время выбирать, на какой ты стороне. – Шипение змея покрыло кожу Эды мурашками. – Мое племя зашевелилось в пещерах. Мой брат Камот уже встал на крыло, и скоро за ним последует сестра Гелвеза. Еще до исхода этого года пробудятся все наши сторонники. Драконье войско возродится.

– Будь проклят с твоими предупреждениями! – ударила в ответ Сабран. – Я не боюсь тебя, ящерица. Твои угрозы невесомы, как дым.

Их слова отдавались в голове Эды грохотом грома. Исходящие от Фиридела миазмы жерновами перемалывали все ее чувства.

– Мой повелитель шевелится в Бездне, – мелькая языком, говорил змей. – Тысячелетие на исходе. Твой род был величайшим нашим врагом прежде, Сабран Беретнет, в дни, что вы зовете Горем Веков.

– Тогда моя праматерь показала вам, чего стоят инисцы, а теперь покажу я, – отрезала Сабран. – Ты говоришь о тысячелетии, змей. Что за ложь несет твой раздвоенный язык?

В ее голосе звенела обнаженная сталь.

– Это ты скоро изведешь сама. – Змей вытянул шею, приблизив голову к другой башне. – Один раз я предлагаю тебе присягнуть на верность моему повелителю и назвать себя плотской королевой Иниса. – В его глазах ревели пламя. – Иди же ныне за мной. Отдайся. Сделай верный выбор, как сделал его Искалин. Воспротивься – и ты сгоришь.

Эда взглянула на часовую башню. До лука ей не добрать, но оставалось другое.

– Твоя ложь не найдет опоры в сердцах инисцев. Я – не Сигосо. Мой народ знает, что твоему повелителю не проснуться, пока жива кровь Святого. И если ты ждешь, что я когда-нибудь назову эту страну драконьим королевством, тебя ждет горькое разочарование, червь.

– Ты уверяешь, что страну защищает твоя кровь, – произнес Фиридел, – и, однако, ты решилась выйти ко мне. – В темноте его пасти краснели раскаленные зубы. – Или ты не страшишься моего пламени?

– Святой защитит меня.

Даже самый опьяненный верой дурень не поверил бы, что рыцарь Галиан Беретнет протянет руку из своего небесного чертога, чтобы защитить от этого пламенеющего брюха.

– Ты говоришь с тем, кому известно, как слаба плоть. В первый день Горя я сразил Сабран Честолюбивую. Твой Святой, – Фиридел выпустил клуб дыма, – ее не спас. Склонись передо мной – и я избавлю тебя от такого конца. Откажись – и ты теперь же разделишь ее судьбу.

Если Сабран и ответила, Эда не слышала. Ветер свистел в ее ушах, когда она ворвалась в сад Солнечных Часов. Лучники пускали в змея стрелу за стрелой, но ни одна не пробила его чешуи.

Сабран станет дразнить Фиридела, пока он ее не спалит. Тупица, как видно, взаправду верит в защиту своего жалкого Святого.

Эда промчалась мимо Алебастровой башни. Сверху дождем сыпались обломки, перед ней упал мертвым один из стражей. Проклиная тяжесть своих юбок, она добежала до королевской библиотеки, распахнула дверь и, вилля между полками, отыскивала вход в часовую башню.

Она сбросила плащ, расстегнула пояс. Вверх по винтовой лестнице, все выше и выше.

За стеной Фиридел все насмехался над Сабран. Эда остановилась на колокольне, где в арки окон с воем врывался ветер, и окинула взглядом небывалое зрелище.

Королева Иниса стояла на верхнем балконе Алебастровой башни. Та возвышалась недалеко к северо-востоку от Невидимой башни, на которой готовился убивать Фиридел. Змей против королевы. В ее руке был церемониальный меч, представлявший Истинный Меч Аскалон.

Бессильное оружие.

– Покинь этот город, никому не причиняя вреда, – выкрикнула Сабран, – или, клянусь кровью Святого, которая во мне, ты познаешь поражение страшнее всех, какие наносил род Беретнет твоему племени. – Фиридел снова оскалился, но Сабран отважилась и на следующий шаг. – Прежде чем покинуть этот мир, я увижу твой род поверженным, навеки замурованным в горных пропастях.

Фиридел вздыбился и расправил крылья. Против этого левиафана королева Инисская казалась меньше куклы.

И все же она не отступила.

В глазах змея горела жажда крови. Они разгорелись так же жарко, как огонь в его брюхе. Эда поняла, что на решение у нее остался один миг.

Ветряной щит. Другого выбора не было. Такие защиты расходовали много сидена, а у нее так мало осталось, но, может быть, если она отдаст все до последнего, это спасет Сабран.

Эда протянула руки к Алебастровой башне, выбросила свой сиден наружу и обвила им инисскую королеву.

Едва Фиридел дал волю своему пламени, Эда сорвала цепи с дремавшей в ней силы. Пламя столкнулось с древним камнем. Сабран скрылась в дыму и вспышке. Эда смутно отметила появление ворвавшейся на колокольню Трюд, но скрываться было поздно.

Все ее чувства сомкнулись на Сабран. Она ощущала, как натягиваются защитные пряди, окружившие королеву, как огонь борется с ними за власть, и боль пронизывала ее тело, из которого созданная защита вытягивала остатки сидена. Пот насквозь промочил корсет. Выброшенные вперед руки тряслись от усилия.

Когда Фиридел сомкнул челюсти, упала тишина. Черные клубы, медленно расходясь, вились вокруг башни. Эда ждала с готовым лопнуть, как барабан, сердцем, пока не увидела в дыму маленькую фигурку.

Сабран Беретнет осталась невредима.

– Теперь моя очередь предупреждать. Предупреждаю именем моего предка, – задышавшись, проговорила она, – что, если ты пойдешь войной на страны Добродетели, его священная кровь потушит твой огонь. И навсегда.

Фиридел не замечал ее. Сейчас его занимало иное. Он смотрел на почерневший камень и чистый круг, в котором стояла Сабран.

Безупречный круг.

Ноздри его полыхнули. Зрачки сошлись в узкие щели. Он не в первый раз видел щит. Эда застыла статуей, пока его жестокий взгляд искал ее, и Сабран тоже стояла неподвижно. Когда взгляд змея упал на колокольню, он раздул ноздри, и Эда поняла, что враг уловил ее запах. Она выступила из тени и встала под часовым циферблатом.

Фиридел показал зубы. Все шипы на его спине вздыбились, протяжное шипение сорвалось с языка. Эда, выдержав его взгляд, потянула из ножен кинжал и через разделявшую их пустоту нацелила на него острие.

– Я здесь, – тихо сказала она. – Я здесь.

Высший западник ответил ей гневным ревом. Толкнувшись задними лапами, он сорвался с Невидимой башни, сбив этим движением кусок шпиля и большую часть восточной стены. Эда отскочила за колонну, когда огненный шар разбился о часовую башню.

Барабанные удары крыльев затихли вдали. Эда снова вышла к балюстраде. Сабран все стояла на балконе в светлом кругу камня. Меч выпал из ее руки. Она не глядела на часовую башню и не замечала взгляда Эды. Когда к ней выбежал Комб, королева упала ему на руки, и он унес ее в глубину Алебастровой башни.

– Что ты сделала? – прозвучал за спиной у Эды дрожащий голос. – Я видела. Что это ты сделала?

Эда опустилась на пол колокольни. Голова моталась, ее била крупная дрожь.

Сила крови иссякла. Кости казались пустыми, с тела будто содрали кожу. Ей нужно было дерево, хотя бы вкус его плода на языке. Апельсиновое дерево спасло бы ее.

– Ты ведьма! – Трюд, бледная как пепел, пятилась от нее. – Ведьма! Ты колдовала. Я видела...

– Ты ничего не видела.

– Это была аэромантия, – шептала Трюд. – Теперь я знаю твою тайну, и воняет она похуже моей. Посмотрим, достанешь ли ты Триама с костра.

Трюд кинулась к лестнице. Эда метнула свой нож.

Даже в таком состоянии она не промахнулась. Трюд, придушенно ахнув, замерла, приколотая к дверному косяку за край плаща. Освободиться не успела, потому что Эда уже стояла перед ней.

– Мой долг – разить слуг Безымянного. Убиваю я также и тех, кто угрожает дому Беретнет, – проговорила она. – Если ты задумала обвинить меня в колдовстве перед Советом Добродетелей, советую поискать доказательств – и поспеши, пока я не сделала куколок, твою и твоего любовника, и не пронзила им сердца. Ты думаешь, если Триам Сульярд на Востоке, я до него не дотянусь?

Трюд с трудом втягивала воздух сквозь зубы.

– Тронь его хоть пальцем, – прошептала она, – и я увижу, как ты горишь на площади Мариан.

– Огонь не имеет надо мной власти.

Эда выдернула нож. Трюд сползла по стене, едва дыша и зажимая рукой горло.

Эда отвернулась к двери. Она часто и тяжело дышала, в ушах у нее стоял звон.

Она сумела сделать еще шаг и упала.

10

Восток

Гинура оказалась не совсем такой, как представлялось Тани. Четырнадцать лет она на все лады рисовала себе столицу. Вдохновенное рассказами ученых наставников воображение вплетало в грезы замки, чайные домики, прогулочные лодки.

Воображение ее не обмануло. Храмы были больше всех, виденных на мысе Хайсан, улицы блестели, как песок на солнце, по каналам плыли цветочные лепестки. И все же где больше народу – там больше шума и толкотни. Воздух был густым от дыма жаровен. Волы тянули телеги с товаром, между зданиями пробегали или скакали верхом гонцы, бродячие собаки подбирали объедки, а здесь и там орали в толпе пьяные.

И в какой толпе! Тани считала мыс Хайсан многолюдным, но в Гинуре теснились сотни тысяч народу, и она впервые в жизни осознала, как мало знает мир.

Паланкины уносили учеников в глубину города. Листопадные деревья оказались яркими, как в слышанных Тани рассказах, и маслянисто желтели летней листвой, а уличные музыканты восхитили бы Сузу. Тани высмотрела на крышах двух снежных обезьян. Торговцы воспевали шелка, жесть и морской виноград с северного побережья.

Люди отворачивали лица от проплывающих вдоль каналов и по мостам паланкинов, словно недостойны были взглянуть на морскую стражу. Были среди них рыболоды: этим презрительным прозвищем простолюдины мыса Хайсан наградили придворных шеголей, одевавшихся так, словно они только что вышли из моря. По слухам, кое-кто даже соскребал чешую с радужных рыб, чтобы зачесать ее себе в волосы.

При виде Гинурского замка у Тани захватило дух. Крыши цвета выбеленного солнцем коралла, стены – как раковина каракатицы. Он строился по подобию дворца Множества Жемчужин, куда каждый год удалялись для спячки сейкинские драконы: говорили, что он стоит мостом между морем и небесами.

Когда-то драконы были в полной силе и не нуждались в сезоне покоя.

Процессия остановилась перед гинурской военной школой, где предстоял последний отбор морских стражей. Это было старейшее и самое уважаемое учебное заведение своего рода: в нем жили и продолжали совершенствоваться в военном искусстве новобранцы. Здесь Тани предстояло показать себя достойной клана Мидучи. Здесь ей придется проявить искусство, которое она оттачивала с детских лет.

Над головами раскатился гром. Когда Тани выходила из паланкина, занемевшие от долгого сидения ноги подогнулись. Туроза засмеялся, но слуга подхватил девушку:

– Я вас держу, достойная госпожа.

– Спасибо, – сказала Тани.

Видя, что она удержится сама, слуга развернул над ней зонтик.

Первые капли дождя промочили ей сапоги по пути к воротам; Тани вместе с другими упибалась величием их серебряной отделки и выбеленного морем дерева. Под карнизом, словно укрывшись от бури, теснились резные изваяния великих воинов сейкинской истории. Тани высмотрела среди них вечнодостойную государыню Думаи и первого государя. Героев своего детства.

В зале, где они сняли сапоги, новичков ждала женщина. Ее волосы были уложены в гладкую прическу.

– Добро пожаловать в Гинуру, – ровно проговорила она. – Утро отводится вам, чтобы умыться и отдохнуть в своих комнатах. В полдень начнутся водяные испытания. В этот раз на вас будет смотреть достойный морской начальник и те, кто может стать вашими родичами.

Клан Мидучи! Тани внутренне затрепетала.

Женщина провела их в глубину школы, через двор, по крытым галереям. Каждому из морских стражей отвели маленькую комнату. Тани попала наверх вместе с тремя другими первыми учениками. Окно выходило во двор, где бурлил под ливнем бассейн с рыбками.

Ее дорожная одежда воняла. Последний раз в придорожной гостинице останавливались три дня назад.

За загородкой обнаружилась кипарисовая ванна. Воду покрывала пленка благовоний и лепестки. Укрывшись распущенными волосами, Тани погрузилась в воду и вернулась мыслями на мыс Хайсан. К Сузе.

С ней все будет хорошо. Суза, как кошка, всегда приземлялась на лапы. Когда они были помладше и Тани чаще выбиралась в город, подружка воровала для нее поджаренные корневища лотоса и соленые сливы, а если ее замечали, лисичкой юркала прочь. Укрывшись в каком-нибудь уголке и до отвала набив животы, девочки смеялись до упаду. Тани всего раз видела Сузу испуганной – при первой их встрече.

Зима тогда выдалась долгая и суровая. Однажды морозным вечером Тани упростила собравшегося за дровами наставника взять ее на хайсанский рынок. Пока наставник торговался, Тани отошла, чтобы погреть руки над миской горячих углей.

Тогда она и услышала хохот и зовущий на помощь срывающийся голос. В соседнем переулке уличные мальчишки валяли по снегу девочку. Тани с криком обнажила свой деревянный меч. Она и в одиннадцать лет умела с ним обращаться.

Мальчишки мыса Хайсан были закаленными бойцами. Один, целя в глаз, ткнул своим клинком ей в скулу, оставив на ней шрам в форме рыболовного крючка.

Они колотили Сузу – изголодавшуюся сироту – за то, что она съела кусок мяса с алтаря. Распугав мальчишек, Тани обратилась за помощью к своему наставнику. Десятилетней Сузе поздно было начинать обучение на стража, но ее скоро удочерил мягкосердечный хозяин гостиницы. С тех пор они с Тани дружили. В шутку говорили, что они могли бы быть сестрами, ведь Суза тоже не знала своих родителей.

«Морские сестрички, – сказала как-то Суза. – Две жемчужинки из одной раковины».

Тани вылезла из ванны.

Как она изменилась с того снежного дня! Случись это сегодня, она могла бы решить, что ученице морской стражи не пристало связываться с уличными сорванцами. И возможно, сочла бы, что девочка заслужила побои за кражу приношения у божества. С некоторого времени она начала понимать, какой счастливый случай подарил ей надежду попасть в драконы всадники. Тогда-то ее сердце и стало покрываться жесткой коркой, как днище корабля – ракушками.

И все же в ней оставалось кое-что от маленькой Тани. Та часть ее и спрятала вышедшего из моря человека.

Если она оплошает в первый день, второй попытки не будет. Тани вытерлась полотенцем, вдела руки в лежавшую на кровати простую рубаху и уснула.

Когда проснулась, за окном еще висел дождевой туман, но сквозь тучи пробивались лучи бледного света. Кожа у нее высохла, спокойствие и ясность вернулись в мысли.

Вскоре появились слуги. Тани с детства одевалась сама, но у нее хватило благоразумия не противиться их помощи.

Первое испытание проходило в павильоне посреди двора. Там ждал их морской начальник. Морские стражники расселись на расставленных ярусах деревянных скамьях. Драконы были уже здесь, следили за собравшимися с крыш. Тани постаралась не глядеть на них.

– Приветствую вас на первом из водяных испытаний. Вы много дней провели в дороге, но у стражи Бурного Моря мало бывает времени на отдых, – крикнул им морской начальник. – Сегодня вы покажете свое обращение с алебардами. Пусть начнут два ученика, о которых ученые наставники отзывались с наибольшей похвалой. Достоянная Онрен из Восточного дома и достойная Тани из Южного дома – посмотрим, кто из вас возьмет верх.

Тани поднялась. Когда она ступила с нижнего ряда на плиты пола, ей подали алебарду – легкое древковое оружие с рукоятью из белого дуба и изогнутым стальным клинком на конце. Сняв лакированный чехол ножен, она погладила клинок пальцем.

В Южном доме и клинки были деревянными. Теперь ей наконец дали в руки сталь. Когда и Онрен получила оружие, девушки шагнули друг к другу.

Онрен широко улыбалась. Тани стерла с лица всякое выражение, хотя ладони у нее стали влажными. Сердце билось пойманной бабочкой.

«Вода в тебе холодна, – сказал ей однажды наставник. – Взяв в руки оружие, ты становишься безликим призраком. Ты ничего не выдаешь».

Они поклонились. Спокойствие разлилось в ее душе, как ложится тишина в сумерках.

– Начинайте, – сказал морской начальник.

Онрен одним прыжком сократила разделявшее их расстояние. Тани двумя руками крутнула алебарду, и клинки столкнулись. Онрен испустила крик – громкий крик.

Тани не издала ни звука.

Онрен разомкнула клинки и шагнула назад, нацелив алебарду в грудь Тани. Та выжидала следующего ее движения. Онрен наверняка не зря назвали первой ученицей Восточного дома.

Словно подслушав ее мысли, противница принялась вращать алебарду, прокручивая ее за спиной, через плечо и из руки в руку. Она двигалась как горная кошка, гибкая и смертоносная. Тани, следя за ней, крепче сжала древко.

Онрен предпочитала одну сторону. Она избегала опираться всем весом на левое колено. Тани вспомнила, что в детстве ее лягнула в ногу лошадь.

Тани шагнула вперед, высоко занося алебарду. Онрен двинулась ей навстречу. Обе ускорили движение. Один, два, три раза ударились клинки. Онрен при каждом ударе невнятно, но угрожающе вскрикивала. Тани отвечала молчанием.

Четыре, пять, шесть. Тани била сверху и снизу, не только клинком, но и древком.

Семь, восемь, девять.

Встречая падавший сверху вниз удар, она провернула алебарду, отбив оружие противницы и оставив ее без защиты. Онрен едва успела встретить ее следующий удар, зато, когда снова замахнулась, над ухом Тани просвистел ветер. Вскинув руку к голове, она ожидала увидеть на пальцах кровь, но они остались чистыми.

Заминка обошлась ей дорого. Онрен обрушила на Тани вихрь размашистых ударов, дав волю своей немалой силе. Они сражались за честь, за славу, за мечты, которые питали с малолетства. Тани стиснула зубы, вращая алебардой, пот промочил ей рубаху, волосы липли к шее. Кто-то из драконов фыркнул.

От этого напоминания об их присутствии Тани преисполнилась решимости. Для победы в этой схватке ей придется принять удар.

Она позволила Онрен отбить в сторону свою державшую древко руку, оставив синяк на плече. Боль проникла глубоко. Онрен нацелила свое оружие как острогу. Тани отскочила, далеко уклонившись в сторону, и, когда Онрен занесла руку для решающего удара, перекатилась и со всей силы ударила по ее слабому колену. Древко щелкнуло по кости.

Онрен, задохнувшись, повалилась на мокрые плиты. У нее подломилось колено. Не дав противнице подняться, Тани чиркнула лезвием ей по плечу.

– Вставай! – воскликнул морской начальник. – Хорошая схватка. Тани из Южного дома, победа за тобой.

Зрители забили в ладоши. Тани отдала слуге оружие и протянула руку Онрен:

– Я сделала тебе больно?

Онрен не отказалась от ее помощи.

– Ну, – отдуваясь, ответила она, – по-моему, ты мне сломала коленную чашечку.

Сзади на них налетело облачко соленого ветра. Зеленая лакустринка улыбалась Тани с крыши, обнажив в усмешке все зубы. И Тани впервые улыбнулась в ответ.

Она, как издалека, услышала, что Онрен говорит что-то еще.

– Прости. – Голова у нее кружилась от радости. – Что ты сказала?

– Просто заметила, что и за таким нежным личиком может скрываться яростный воин. – Они поклонились друг другу, а потом Онрен кивнула на ряды, где еще рукоплескали ученики. – Присмотрись к Турозе. Он знает, что его ждет бой.

Тани проследила за ее взглядом. Туроза никогда еще не выглядел таким злым – и таким решительным.

11

Запад

– Вот. – Эстина Мелаго обвела рукой земли перед ними. – Наслаждайтесь видом искалинского драконьего нужника.

– Нет уж, спасибо. – Кит приложился к переходившей из рук в руки бутылке. – По мне, пусть лучше смерть станет для меня сюрпризом.

Лот смотрел в подзорную трубу. Даже сегодня, через день после встречи с высшим западником, руки его подрагивали.

Фиридел. Правое крыло Безымянного. Верховный вождь драконьего воинства. Если пробудился он, – конечно, и других западников недолго ждать. А в них черпали силу другие змеи. Если погибал высший западник, выгорал и огонь в происходивших от него вивернах.

Сам Безымянный вернуться не мог – не мог, пока стоит дом Беретнет, – но и без него его слуги способны опустошить землю. Тому свидетельство – Горе Веков.

Для их пробуждения должна быть причина. Они впали в спячку в конце Гора Веков, в ту ночь, когда небо пересекла комета. Ученые веками гадали, когда и по какой причине они могут пробудиться, но ответа никто не нашел. Мало-помалу все поверили, что этого не случится никогда. Что змеи обратились в живые окаменелости.

Лот обратил внимание на зрелище, которое открывала ему подзорная труба. Луна наполовину прикрыла свой глаз, и они плыли по водам, темным, как его мысли. Виднелось только гнездо огоньков на месте Перунты. Города, полного драконьей чумы.

Эта болезнь впервые пришла от Безымянного, чье дыхание, как говорили, несло в себе медленный яд. Высшие западники принесли с собой новую, более страшную ее вспышку. Они и виверны распространяли чуму, как крысы разносят мор. После окончания Гора Веков болезнь оставалась лишь в отдельных очагах, но ее признаки Лот изучил по книгам.

Начиналось с покраснения ладоней. Потом выступала чешуйчатая сыпь. Она расплзалась по телу, и пораженный болезнью начинал испытывать боль в суставах; его мучили лихорадка и видения. Несчастных, которым доводилось пережить эту стадию, охватывал пожар в крови. Тогда они делались опаснее всего: если их не удерживать, носились с воплями, словно охваченные огнем, и каждый, чьей кожи они касались, тоже заболел. Обычно такие умирали в считанные дни, хотя известны были и прожившие дольше.

От этой чумы не было лекарства. И никакой защиты.

Лот резко сложил трубу и отдал ее Мелаго.

– Ну вот, как видно, и все, – сказал он.

– Не теряй надежды, благородный Артелот. – Взгляд ее был устремлен вдаль. – Не думаю, что вы найдете драконью чуму при дворе. В тяжелые времена больше всего страдают те, кого вы зовете простолюдинами.

Плам и Харло вышли на нос – в руке капитан держал глиняную трубку.

– Да-да, господа мои, – заговорил он. – Мы были счастливы вашим обществом, но ничто не длится вечно.

Кит наконец осознал, что им грозило. То ли опьянев от вина, то ли обезумев, он умоляюще сложил руки:

– Капитан Харло, возьми нас в свою команду! – Его глаза лихорадочно блестели. – Сейтону не обязательно об этом знать. Наши семьи богаты.

– Что? – зашипел Лот. – Кит...

– Пусть говорит. – Капитан Харло взмахнул своей трубкой. – Продолжай, благородный Китстон.

– У меня есть земли в Холмах, хорошие земли. Спаси нас, и они будут твоими, – продолжал Кит.

– У моих ног лежат все моря. Земли мне ни к чему, – возразил Харло. – А нужны мне моряки.

– Под твоим руководством мы наверняка станем выдающимися моряками. В моем роду, знаешь ли, было немало картографов. – Он беззастенчиво лгал. – А Артелоту случалось плавать по озеру Баярд.

Харло рассматривал их своими темными глазами.

– Нет, – твердо вмешался Лот. – Капитан, благородный Китстон встревожен предстоящим делом, но долг призывает нас в Искалин. Чтобы добиться справедливости.

Сморщившись, как засохшее яблоко, Кит дернул его за полу камзола, отвел в сторону.

– Артелот, – зашептал он, – я же хочу нас вытащить. Потому что там... – он развернул Лота к огонькам вдалеке, – нет никакой справедливости. Ночной Ястреб отправил нас обоих на смерть из-за грошовой сплетни.

– Даже если Комб изгнал меня ради своих тайных целей, я, раз уж стою на границе Искалина, хочу узнать, что случилось с принцем Вилстаном. – Лот положил руку на плечо другу. – Если хочешь вернуться, Кит, я не стану думать о тебе хуже. Не тебя наказывали.

Кит с досадой поглядел на него.

– Ох, Лот... – уже мягче сказал он. – Ты ведь не Святой.

– Зато с яйцами, – вставила Мелаго.

– На благочестивые разговоры нет времени, – отрезал Харло, – а вот по части яиц я соглашусь с Эстиной, благородный Артелот. Если ты считаешь, что годен для морской жизни, только скажи, и я впишу тебя в команду.

– Правда? – моргнул Кит.

Харло остался невозмутим. Видя, что Лот молчит, поэт вздохнул.

– Так я и думал. – Харло взмахнул своей трубкой. – Ну и проваливайте с моего корабля.

Пираты заржали. Мелаго, поджав губы, поманила за собой Лота и Кита. Когда Кит вернулся к ней, Лот поймал его за руку.

– Кит, – пробормотал он, – не упускай случая, оставайся. Ты для Комба не угроза, не то что я. Тебе можно будет вернуться в Инис.

Кит с улыбкой покачал головой:

– Оставь, Артелот. Той малостью благочестия, что во мне есть, я обязан тебе. И хотя у меня другой покровитель, я знаю, что рыцарь Верности не велит бросать друзей.

Лот хотел возразить, но обнаружил, что улыбается в ответ. И они рука об руку последовали за Мелаго.

С «Розы вечности» они спустились по веревочному трапу. Их начищенные сапоги скользили на выбленках. Когда оба устроились в гребной шлюпке, где уже ждали их сундуки, к ним присоединилась Мелаго.

– Передай весла, благородный Артелот. – Когда Лот исполнил приказ, она свистнула. – До скорого, капитан. Не уходи без меня.

– Ни за что, Эстина. – Харло свесился через борт. – Прощайте, мои господа.

– Ароматные шарики держите при себе, благородные, – добавил Плам. – Чтобы вам ничего такого не словить.

Моряки взревели от хохота, а Мелаго оттолкнулась от борта «Розы».

– Вы их не слушайте. Они все намочат штаны, предложи им сделать то, на что вы решились. – Мелаго оглянулась через плечо. – Как ты додумался предложить свою службу пиратам, сударь Китстон? Мы, знаешь ли, живем не так, как в песнях поется. В них не говорится про дерьмо и цингу.

– По вдохновению, полагаю, – с наигранной обидой ответил ей Кит. – Я выбрал покровителем рыцаря Вежливости, госпожа. Вежливость велит поэтам делать мир прекраснее, а как я могу, не повидав его?

– На этот вопрос без хорошей выпивки не ответишь.

Когда они приблизились к берегу, Лот, достав платок, зажал себе нос. Гнилостный аромат Перунты складывался из уксуса, рыбы и едкого дыма. Кит не переставал улыбаться, но глаза у него слезились.

– Бодрит, – выдавил он.

Мелаго не улыбалась.

– Ароматные шарики не потеряйте, – посоветовала она. – Хоть какое-то утешение.

– А нет ли средств защитить себя? – спросил Лот.

– Разве что попробуйте не дышать. Говорят, чума носится повсюду, а как она передается – никто точно не знает. Кое-кто пытается защититься вуалями или масками.

– А больше нечем?

– О, торговцы вам чего только не предложат. Зеркала, чтобы отражать болезнетворные испарения. Несчетно настоев и микстур – но с тем же успехом можете глотать свое золото. Лучший способ – избавлять заразившихся от мучений. – Она отвела лодку от подводного камня. – Думаю, вы оба не много видели смертей.

– Это предположение меня оскорбляет, – с обиженным видом ответил Кит. – Я видел любимую старушку-тетушку на смертном ложе.

– Да, и полагаю, ее обрядили в красное платье для встречи со Святым. И обмыли дочиста, как вылизанного котенка, и надушили розмарином. – Видя, как беспомощно скривился Кит, она добавила: – Не видал ты смерти, мой господин. Видел только маску, которой ее прикрывают.

Дальше они плыли в молчании. Когда отмель позволила идти вброд, Мелаго положила весла:

– Ближе не подойду. – Она кивнула на город. – А вы отправляйтесь в таверну «Виноградная лоза». Кто-нибудь вас оттуда заберет. – Эстина носком сапога подтолкнула Кита. – Ну, валяйте. Я корсар, а не нянька при младенцах.

Лот поднялся:

– Прими наши благодарности, госпожа Мелаго. Мы не забудем твоей доброты.

– Забудьте уж, пожалуйста. Мне такая репутация ни к чему.

Они вылезли из лодки, вытащили сундуки. Когда оба, промокнув насквозь, оказались на песке, Мелаго уже гребла обратно к «Розе вечности», залиvisto распевая искалинскую песенку.

Харло взял бы их обоих. Они могли бы повидать места, которым еще не дали имен, океаны, по которым еще не проложил пути ни один купец. Лот мог бы со временем встать на мостике собственного корабля – только он был не из таких и таким никогда не станет.

– Не самое величественное прибытие. – Кит, пыхтя, свалил с плеч сундук. – Как нам искать эту таверну?

– Ну... доверимся чутью, – неуверенно предложил Лот. – Простолюдинам оно помогает.

– Артелот, нам с тобой придворная жизнь отбила всякое чутье.

Лот не нашел что возразить.

Они медленно продвигались по городу. Сундуки были тяжелы, а ни карты, ни компаса у них не было.

Перунту когда-то называли прекраснейшим портом Запада. Забитые грязью, золой и помоями, усеянные рыбьими костями, улицы смотрелись не так, как представлялось Лоту. На мертвых птицах кишели черви. Выгребные ямы были переполнены. На одной неосвещенной

площади им попались руины святилища. До Сабран доходили слухи, что король Сигосо казнил не отрехшихся от Святого священнослужителей, но она не хотела им верить.

Лот, стараясь не дышать, перешагивал ручьи помоев. Он старался не отбиваться далеко от Кита. Вокруг теснился народ, прикрывавший лица вуалями или обрывками тряпья.

Первый чумной дом они увидели на следующей улице. Окна забиты досками, на дубовой двери нарисованы красные крылья. Над ними мелом выведена надпись на искалинском.

– «Пожалейте сей дом, ибо мы прокляты», – прочел Кит.

Лот покосился на него:

– Ты читаешь на искалинском?

– Понимаю, ты поражен, – серьезно ответил Кит. – Что ни говори, мои познания в инисском и дар стихосложения, казалось бы, не оставляют в моем черепе места иным языкам, однако...

– Кит!

– Мне Мелаго сказала, как переводится.

Темнота сбивала их с толку. В Перунте мало кто зажигал свечи, хотя на самых широких улицах дымились жаровни. Самоуверенно расхаживая по городу, Лот с Китом натолкнулись в конце концов на таверну, где их должен был ждать эскорт из Карскаро. Вывеска изображала спелую гроздь черного винограда, совсем неуместного в этой выгребной яме.

Снаружи ждала карета. При виде ее железных бортов Лот ужаснулся и тут же задумался, какая лошадь сумеет стронуть ее с места. А потом увидел какая.

К нему обернулась огромная волчья голова; с тяжелой зубастой челюсти свисала нитка слюны.

Зверь был больше медведя ростом. Его толстая шея переходила в змеиное туловище, опиравшееся на мощные лапы или поддерживаемое парой кожистых крыльев. Второе чудище рядом с ним было покрыто серой шерстью. Глаза у них были одинаковые. Угли из Огненного Чрева.

Жакули.

Потомство виверны и волка.

– Стой смирно, – прошептал Кит. – В бестиариях говорится, что они атакуют при внезапном движении.

Один из жакули зарычал. Лоту хотелось осенить себя знаком меча, но он не смел шевельнуться.

Сколько же драконьего племени пробудилось в Искалине?

Погонщиком был искалинец с сальными волосами.

– Полагаю, благородные Артелот и Китстон? – обратился он к инисцам.

Кит ответил невнятным мычанием. Погонщик сдвинул рычаг, развернув лесенку в несколько ступеней.

– Сундуки оставьте, – буркнул он. – Залезайте.

Они послушались.

В карете их ждала женщина в тяжелом багровом платье и вуали из плотного черного кружева. Она носила длинные бархатные перчатки с оборками у локтя. На поясе висел филигранный ароматический шар.

– Благородный Артелот, благородный Китстон, – тихо приветствовала она их. Сквозь вуаль Лот различал только ее темные глаза. – Добро пожаловать в Перунту. Я Приесса Йеларигас, первая дама опочивальни ее сиятельства донматы Маросы в драконьем царстве Искалин.

Она была здорова. У пораженного чумой не могло быть столь нежного голоса.

– Благодарю, что встретила нас, моя госпожа. – Лот сумел овладеть своим голосом. Кит вслед за ним втиснулся в карету. – Для нас честь быть принятыми ко двору короля Сигосо.

– Принять вас – честь для его величества.

Снаружи шелкнул кнут, карета рывком сдвинулась с места.

– Признаться, я удивлен, что ее сиятельство послала навстречу нам столь высокопоставленную даму, – заметил Лот. – Ведь этот город полон больных.

– Если Безымянный желает отдать мою жизнь чуме, да будет так, – невозмутимо ответила она.

Лот стиснул зубы. Подумать только: еще недавно эти люди клялись в верности Сабран и Добродетелям.

– Вам привычнее, чтобы карету тянули лошади, мои господа, – продолжала дама Приесса. – Но с ними мы ехали бы через Искалин много дней. Жакули легконоги и не знают усталости.

Она сложила руки на коленях. Ее пальцы поверх перчаток украшали несколько золотых колец.

– Вам надо отдохнуть, – сказала она. – Как бы быстро мы ни ехали – путь неблизкий, мои господа.

Лот попытался улыбнуться:

– Я предпочел бы любоваться видами.

– Как пожелаете.

На самом деле в темноте за окном ничего не было видно, но он не смог бы уснуть в такой близости от змеелюбки.

Здесь драконы земли. Надо подняться с шелковой подушки благородства и открыть в себе шпиона. Надо закалиться для встречи с опасностями. И Лот, сидя рядом с задремавшим Китом, старался прямо держать голову, одной силой воли удерживал открытыми веки и приносил обеты Святому.

Он примет тот путь, на который его толкнули. Он станет искать принца Вилстана. Он постарается вернуть своей королеве отца. И найти дорогу домой.

Он не знал, спала ли Приесса Йеларигас или всю ночь следила за ним.

В волосах у нее был дым. Она чужая запах.

– О Добродетели! Где вы ее нашли?

– Представь себе, на колокольне.

Шаги.

– Святой, это же госпожа Дариан! Немедля сообщите ее величеству. И врача сюда.

Язык углем жег рот. Как только незнакомцы ее выпустили, она окунулась в лихорадочный сон.

Она снова была ребенком, пряталась от солнца в тени дерева. Плоды висели над головой – высоко, не дотянуться, а Йонду звала ее: «Иди сюда, Эда, иди посмотри!»

Потом настоятельница поднесла чашу к ее губам, сказав, что в ней кровь Матери. У питья был вкус солнца, и смеха, и молитвы. Потом она вот так горела несколько дней, горела, пока огонь не выплавил из нее неведение. В тот день Эда родилась заново.

Когда она очнулась, знакомая женщина, стоя у постели, наливала воды из кувшина в миску.

– Мег!

Маргрет обернулась так поспешно, что едва не сшибла кувшин:

– Эда! – Рассмеявшись от облегчения, она наклонилась, поцеловала ее в лоб. – Ох, слава Святому. Ты не первый день без чувств. Врачи говорили о малярии, потом о потнице, потом о чуме...

– Сабран... – прохрипела Эда. – Мег, она цела?

– Прежде надо разобраться, цела ли ты. – Мег пощупала ей щеки, шею. – Что-нибудь болит? Врача привести?

– Не надо врача. Со мной все прекрасно. – Эда облизнула губы. – У тебя есть попить?

– Конечно.

Мег наполнила чашку и поднесла ей к губам. Эда проглотила немного эля.

– Тебя нашли на колокольне, – сказала Маргрет. – Что ты там делала?

Эда мысленно соединила обрывки лжи.

– В библиотеке свернула не туда. Дверь в часовую башню была открыта, и я решила посмотреть. Вот и оказалась там, когда прилетел зверь. Должно быть... это от его ужасного дыма у меня приключилась горячка. – Не дав Маргрет ничего больше спросить, она сказала: – А теперь скажи мне, как Сабран.

– Сабран я никогда еще не видела такой бодрой, и весь Инис знает, что Фиридел не сумел коснуться ее своим пламенем.

– Где теперь змей?

Маргрет вернула чашку на столик у кровати и смочила в миске с водой кусок материи.

– Скрылся. – Она наморщила лоб. – Никто не погиб, но несколько складов он поджег. По словам капитана Куделя, город на грани. Сабран выслала глашатаев уверить жителей, что они под ее защитой, но никто не может поверить в пробуждение высшего западника.

– Этого следовало ожидать, – сказала Эда. – Создания поменьше зашевелились не вчера.

– Да, но не высшие. К счастью, в городе почти никто не догадывается, что они видели правое крыло Безымянного. Все гобелены с его изображениями спрятаны тут, у нас. – Маргрет отжала тряпку. – И его, и его адских родичей.

– Он сказал, что Камот уже проснулся. – Эда сделала еще глоток эля. – И Гелвезу недолго ждать.

– Хорошо хоть остальные давно мертвы. И конечно, сам Безымянный не вернется. Не вернется, пока жива кровь Беретнета.

Эда хотела приподняться, но руки у нее задрожали, и она снова упала на подушки. Маргрет, отойдя к дверям, сказала что-то слуге и вернулась.

– Мег, – обратилась к ней Эда, пока подруга утирала ей лоб. – Я знаю, что с Лотом.

Маргрет замерла:

– Он тебе писал?

– Нет. – Эда бросила взгляд на дверь. – Я подслушала разговор герцогов Духа с Сабран. Комб уверяет, будто Лот отправился на разведку в Карскаро – разузнать, что там творится и поискать Вилстана Чекана. Сказал, будто Лот отбыл без разрешения... но мы обе, я думаю, понимаем, как было дело.

Маргрет медленно села. Рука ее потянулась к животу.

– Спаси, Святой, моего брата, – пробормотала она. – Какой из него шпион. Комб приговорил его к смерти.

Спустилось молчание, только птицы звенели за окном.

– Я ему говорила, Эда, – сказала наконец Маргрет. – Говорила, что дружба с королевой не то что с кем другим и чтобы он остерегся. Но разве Лот послушает. – Она грустно, сухо улыбнулась. – Брат всех людей считает такими же хорошими, как он сам.

Эда хотела бы найти слова утешения, но они замирали на языке. Слишком велика была грозившая Лоту опасность.

– Знаю. Я тоже его предупреждала. – Она взяла подругу за руку. – Может, он еще сумеет найти путь домой.

– Я знаю, в Карскаро он долго не протянет.

– Ты можешь подать Комбу прошение, чтобы вернул его. Ты ведь не кто-нибудь, а Маргрет Исток.

– А Комб – герцог Вежливости. Мне никогда не сравняться с ним ни в богатстве, ни во влиянии.

– А рассказать Сабран нельзя? – спросила Эда. – Она и сама с подозрением отнеслась к этой истории.

– Я не могу обвинить ни Комба, ни других без доказательств заговора. Если он сказал Саб, что Лот сам решил уехать, а я не смогу представить доказательств обратного, она тоже ничего не сможет исправить.

Эда понимала, что Маргрет права. Она сильнее сжала ее руку, и Маргрет с трудом выдохнула.

В дверь постучали. Маргрет, отворив, тихо переговорила с кем-то за дверью. Эда теперь, когда ее сиден замер, не различала слов.

Подруга вернулась с чашкой.

– Гоголь-моголь, – сказала она. – Таллис для тебя приготовила. Такая добрая девочка.

Горячий гоголь-моголь, такой приторный, что лип к нёбу, считался в Инисе средством от всех недугов. У Эды не хватало сил удержать чашку за ручки, и она позволила Маргрет с ложечки кормить ее кошмарным варевом.

Опять постучали. На этот раз Маргрет, открыв дверь, присела в реверансе.

– Оставь нас ненадолго, Мег.

Эда узнала голос. Мег, бросив на нее короткий взгляд, вышла.

На каменный пол ступила королева Иниса. На ней было платье для верховой езды, темно-зеленое, как остролист.

– Кликните, если в нас будет нужда, ваше величество, – проговорил грубый голос снаружи.

– Не думаю, что прикованная к постели женщина так уж угрожает моей особе, рыцарь Гюлс, но благодарю тебя.

Дверь закрылась. Эда кое-как села, остро чувствуя пропитанную потом сорочку и кислый вкус во рту.

– Эда... – начала королева, оглядывая ее с головы до ног. Щеки у нее разгорелись после охоты. – Вижу, ты наконец пришла в себя. Тебя слишком долго не видели в моих покоях.

– Простите меня, ваше величество.

– Нам не хватало твоей щедрости. Я бы заглянула к тебе раньше, но лекари опасались, что у тебя потная лихорадка. – В глазах у королевы вспыхнуло солнце. – Тебя нашли на колокольне в день пришествия змея. Я хотела бы знать, как это случилось.

– Королева?

– Тебя обнаружил королевский библиотекарь. Дама Олива Марчин говорит, что придворные и слуги иногда используют эту башню для... свиданий.

– У меня нет любовника, королева.

– Я не потерплю разврата при дворе. Признайся, и да будет милостив к тебе рыцарь Вежливости.

Эда чувствовала, что скормить королеве историю о случайной ошибке не сумеет.

– Я вышла на колокольню... чтобы попробовать отвлечь зверя от вашего величества. – Хотела бы она произнести эти слова более убедительно. – Но я напрасно боялась за вас.

Вот что осталось от истины, когда от нее отсекли главное.

– Верю, что посланник ак-Испад не просил бы меня принять ко двору особу вольных нравов, – заключила Сабран, – но чтобы я больше не слышала, что ты бываешь на колокольне.

– Конечно, моя госпожа.

Королева подошла к открытому окну, оперлась ладонью на подоконник и выглянула во двор.

– Королева, – заговорила Эда, – смею ли я спросить, зачем вы вышли к змею. – Из окна плыл ласковый ветерок. – Если бы Фиридел вас сразил, пропало бы все.

Сабран ответила не сразу.

– Он угрожал моему народу, – пробормотала она наконец. – Я вышла, не успев обдумать, как можно поступить иначе. – Она оглянулась на Эду. – Мне докладывали о тебе и другое. Дама Трюд утт Зидюр рассказывает моим приближенным, что ты колдунья.

Будь проклята эта рыжая задира! Эда готова была восхититься ее упрямством: девчонка даже проклятия не побоялась.

– Моя госпожа, я ничего не знаю о колдовстве, – сказала она, влив в свой голос толику презрения.

Настоятельница не слишком одобряла слово «колдовство».

– Охотно верю, – отозвалась Сабран, – однако юная Трюд вбила себе в голову, что это ты защитила меня от Фиридела. Она уверяет, будто видела, как ты, стоя на колокольне, наводила на меня чары.

На сей раз Эда промолчала. На это обвинение отвечать было нечего.

– Конечно, – продолжала королева, – она лгунья.

Эда не смела открыть рот.

– Змея отвратил Святой. Он выставил свой небесный щит, защитив меня от огня. Объяснять это колдовством – почти измена, – холодно заключила Сабран. – Я даже подумывала отправить ее в Невидимую башню.

Напряжение, отхлынув, уступило место облегченному смеху, бурлившему в Эде и угрожавшему хлынуть через край.

– Она так молода, ваше величество, – сказала Эда, загнав смех внутрь. – Молодость неразлучна с глупостью.

– Достаточно взрослая для клеветы, – напомнила Сабран. – Ты не жаждешь мести?

– Мне больше по вкусу милосердие. Оно не мешает спать по ночам.

Эти холодные, как камень, глаза пронзили ее насквозь.

– Ты, пожалуй, хочешь сказать, что и мне следует чаще обращаться к милосердию?

Эда была слишком слаба, чтобы пугаться взглядов.

– Нет. Я просто сомневаюсь, что дама Трюд намеревалась оскорбить ваше величество. Скорее, она затаила обиду на меня за то, что я получила желанное ей место.

Сабран вздернула подбородок.

– Через три дня приступишь к своим обязанностям. До тех пор я распоряжусь, чтобы тобой занимался королевский лекарь, – объявила она. Эда подняла брови. – Ты нужна мне здоровой, – объяснила Сабран, уже собираясь уходить. – Когда объявят известие, мне нужны будут рядом все мои дамы.

– Известие, моя госпожа?

Сабран снова повернулась к ней, и Эда заметила, как напряглись ее плечи.

– Известие, – сказала она, – о моей помолвке с Обрехтом Льевелином, великим князем Вольного Ментендона.

12

Восток

Водяные испытания тянулись как долгий сон. Горожане почти все укрылись по домам от избивавшей западное побережье Сейки бури, но морским стражам полагалось выдерживать и не такое ненастье.

– Дождь – вода, и мы тоже. – Морской начальник, расхаживая вдоль рядов, перекрикивал гром. Волосы облепили его голову, дождевые капли стекали с кончика носа. – Тому, кто отступит перед пустяковой непогодой, не ездить на драконах, не охранять моря, и таким здесь не место. – Он повысил голос. – Вы отступите перед водой?

– Нет, достойный морской начальник! – заорали ученики.

С Тани уже текло ручьем. Хорошо хоть дождь был теплым.

Луки и огнестрельное оружие дались ей легко, даже в такой ливень Тани сохранила острый глаз и твердую руку. Думуза показала себя лучшей с луком – она могла стрелять и вслепую, – но Тани стала второй. И никто, даже Думуза, не превзошел ее с пистолетом, хотя морской стражник из Западного дома не так уж отстал. Его звали Канперу, он был старше всех и выше ростом; о его подбородок можно было точить меч, а ладони легко обхватили бы древесный ствол.

Дальше состязались в стрельбе с седла. Каждому надо было поразить шесть подвешенных к стропилам вееров. Думуза с коня стреляла не так ловко, как пешей, и сбила только пять. Онрен лошадей не любила: она все испытание скрипела зубами и, в конце концов не справившись с конем, дала три промаха. А вот Тани раз за разом была в цель – пока ее лошадь не споткнулась перед последним выстрелом, заставив промахнуться и уступить первое место Турозе.

Они верхами возвращались к конюшням.

– Не повезло тебе, худородная, – бросил ей Туроза, соскальзывая с седла. – Полагаю, это в крови. Может быть, и достойный морской начальник однажды поймет, что драконьими всадниками рождаются, а не становятся.

Тани, отдавая свою лошадь конюху, стиснула зубы. Шкура лошади потемнела от дождя и пота.

– Не слушай его, Тани, – сказала, спешиваясь, Думуза. Ее мокрые кудряшки обвисли по плечам. – Во всех нас одна и та же вода.

Туроза скривил губы, однако отошел. Тани поклонилась Думузе.

– У тебя большой талант, достойная, – сказала она. – Хотела бы и я стать когда-нибудь такой искусной лучницей.

Думуза поклонилась в ответ:

– Я надеюсь когда-нибудь сравняться с тобой в мастерстве с пистолетами, достойная Тани.

Они вместе ушли из конюшен. Тани и раньше случалось разговаривать с Думузой, но теперь, оставшись с ней наедине, она с трудом подбирала слова. Ей не раз приходилось гадать, как это – расти в Гинуре, в клане Мидучи, которому принадлежат три поколения твоей семьи.

Добравшись до зала упражнений, они сели рядом, и Тани принялась протирать стрелы от грязи. Молчаливый Канперу вернулся раньше их и налаживал пружинный затвор с серебряной накладкой.

Все погрузились в работу, когда в зал вошла Онрен.

– Так плохо я еще не стреляла, – объявила она.

Девушка откинула волосы, чтобы текло на спину, а не в лицо.

– Пойду в храм, помолюсь великому Квирики, чтобы вода смыла всех лошадей. Они сроду меня не терпят.

– Спокойнее. – Думуза не поднимала глаз от своего лука. – У тебя еще будет время показать Мидучи свое искусство.

– Тебе легко говорить. Ты по крови Мидучи. Вы все рано или поздно попадаете во всадники.

– Я вполне могу оказаться первой, кто не попадет.

– Можешь, – согласилась Онрен, – но очень вряд ли.

У нее на колене еще держалась опухоль после поединка. Ей звание всадницы давалось нелегко.

Канперу повесил свой лук на стену. Выходя, он бросил на Онрен загадочный взгляд через плечо.

– Я слышала, достойный Канперу частенько бывает в таверне у овощного рынка, – шепнула Думуза Онрен, когда молодой человек уже не мог их слышать. – Проводит там каждый вечер.

– Что с того?

– Подумала, не сходить ли и нам? Когда станем всадниками, нам всем подолгу жить вместе. Надо бы сойтись поближе. Ты не согласна?

Онрен улыбнулась:

– Думу, ты хочешь отвлечь меня от занятий, чтобы я тебя не обошла?

– Ты прекрасно знаешь, что обгонишь меня во всем, кроме стрельбы. – Думуза еще раз осмотрела лук. – Пойдем! Мне нужно на час-другой отсюда выбраться.

– Вот скажу достойному морскому начальнику, что ты на меня плохо влияешь. – Онрен встала и потянулась. – Пойдешь, Тани?

Тани не сразу поняла, что обе смотрят на нее и ждут ответа.

Они не шутили. Посреди водяных испытаний собрались в таверну.

– Спасибо, – медленно проговорила она. – Но я должна остаться, позаниматься перед следующим испытанием. – Тани помолчала. – Разве тебе не надо тоже готовиться перед завтрашним, Онрен?

Та фыркнула:

– Я двенадцать лет готовилась. Прошлая ночь за подготовкой мне сегодня не очень-то помогла. Нет, сегодня мне нужнее крепкая выпивка. И может быть, крепкий... – Она покосилась на Думузу, и, хотя у обеих губы дрожали от усилия сдержать смех, девушки прыснули.

Они лишились рассудка! Разве можно в такое время отвлекаться?

– Надеюсь, вы хорошо проведете время, – сказала им, вставая, Тани. – Доброй ночи.

– Доброй ночи, Тани, – пожелала Онрен. Ее улыбка погасла, на лбу пролегла морщинка. – Постарайся выспаться, хорошо?

– Конечно.

Тани прошла через зал, повесила на стену свой лук. Туроза, который пришел с друзьями отрабатывать бой без оружия, поймав ее взгляд, ударил кулаком по ладони.

Сырой ветер продувал коридоры – он веял теплом, как от горячей похлебки. Стуча сапогами по гладкому полу, Тани шагала через школу.

Она смыла с себя пот и в одиночестве поработала с мечом в своей комнате. Когда рука наконец устала, ее начал глотать червячок дурных мыслей. С чего бы это ее лошадь споткнулась на испытании? А что, если Туроза ей назло что-то подстроил?

Кончилось тем, что Тани отправилась в конюшни. Занимавшийся подковами кузнец уверил, что с лошадью все в порядке. Земля была мокрая, животное вполне могло поскользнуться.

«Не дай этому маленькому паршивцу Турозе тебя обогнать», – сказала Суза, но ее голос донесся очень издалека.

Остаток вечера Тани провела в тренировочном зале, истыкав чучело метательными ножами. Только убедившись, что бьет в глаз без промаха, она вернулась к себе, зажгла масляный светильник и принялась за первое письмо Сузе.

Пока испытания оправдывают мои страхи. Сегодня у меня поскользнулась лошадь, и мне это дорого обошлось.

Я выжимаю себя упражнениями досуха, и все равно кто-нибудь выступает не хуже меня, не доводя себя до бессонницы. Они пьют, курят, смеются вместе, а я только и могу, что оттачивать свое мастерство. За четырнадцать лет вода во мне не стала такой, как надо, и мне страшно, Суза.

Здесь эти четырнадцать лет ничего не значат. Нас судят сегодняшним днем, а не вчерашним.

Она отдала письмо слуге для отсылки на мыс Хайсан и, улегшись на постель, стала вслушиваться в звуки своего дыхания. За окном ухала сова. Очень скоро Тани молча встала и сунула ноги в сапоги.

У нее еще были силы поработать немного.

Правитель мыса Хайсан был строен и ладно подбит, как карточная колода, а жил он в ярком особнячке посреди города. Он, в отличие от орисимского распорядителя, умел улыбаться. У него были седые волосы, добродушное лицо, и, по слухам, он был мягок к мелким преступникам.

Какая жалость, что Никлайса, нарушившего главный закон Сейки, при всем желании к таковым не причислишь.

– Итак, – говорил правитель, – чужестранца привела к твоим дверям женщина.

– Да, – подтвердил Никлайс. Слова с трудом проталкивались сквозь сухое горло. – Да, именно так, достойный правитель. Я как раз наслаждался чашей вашего замечательного сейкинского вина, когда они пришли.

Его несколько дней продержали взаперти. Он потерял счет времени. Когда солдаты наконец вывели его из камеры, Никлайс чуть не лишился чувств, решив, что его ведут напрямик к плахе. Вместо этого заключенного предъявили врачу, который осмотрел его ладони и глаза. Потом солдаты дали ему чистую одежду и препроводили к самому могущественному чиновнику этой области Сейки.

– И ты приютил его в своем доме, – продолжал правитель. – Ты принял его за законного поселенца?

Никлайс прокашлялся:

– Я... э-э, нет. Я на Орисиме всех знаю. Но та женщина мне угрожала. – Он постарался показать, как пугает его это воспоминание. – Она... приставила кинжал мне к горлу, и она сказала, что, если я не впущу чужестранца, она меня убьет.

Паная советовала ему отвечать правдиво, но всякая хорошая история нуждается в щепотке приправ.

Двое пехотинцев пристально следили за ним. Железные шлемы прикрывали им головы и шеи, красные шнуры креплений проходили под подбородком. Они дружно раздвинули штору, впуслав еще двоих солдат, которые вели третьего человека.

– Эта женщина? – спросил правитель.

Волосы у нее рассыпались по плечам. Один глаз заплыл. Судя по разбитой губе левого солдата, она яростно отбивалась. Великодушные требовало уверять, что он ее впервые видит.

– Да, – признал Никлайс.

Она взглянула на него с ненавистью.

– Да, – эхом повторил правитель. – Она – музыкантка из хайсанского театра. Вседостойный государь допустил, чтобы некоторые сейкинские артисты в иные дни развлекали орисимцев приятными беседами. – Он поднял бровь. – Ты принимал таких гостей?

Никлайс с трудом улыбнулся в ответ:

– Мне, в целом, хватает собственного общества.

– Вот и хорошо, – выплюнула в его сторону женщина. – Сам себя и приласкай, серебролюбивый лгун.

Стражница, хлестнув ее тыльной стороной ладони, прикрикнула:

– Молчать!

Никлайс поежился. Женщина осела на пол, вобрала голову в плечи и прикрыла щеку ладонью.

– Благодарю за подтверждение, что это та самая женщина. – Правитель притянул к себе лакированную шкатулку с письменным прибором. – Она не сказала, как попала с чужестранцем на остров? Тебе это известно?

Никлайс сглотнул. Слюна была густой, как каша.

Провались эта честность. Нельзя было выдать Трюд, как бы далека она ни была.

– Нет, – солгал он. – Она не рассказывала.

Правитель взглянул на него поверх очков. У него были мешки под маленькими темными глазами.

– Ученый доктор Рооз, – заговорил он, разводя в воде палочку туши, – из уважения к твоим познаниям буду откровенен. Если ты ничего больше не сможешь мне сказать, эту женщину будут пытаться.

Женщина задрожала.

– Не в нашем обычае применять такие средства, кроме как в очень серьезных обстоятельствах. По нашим сведениям, она состоит в заговоре, угрожающем всему Сейки. Если она провела на Орисиму чужестранца, то наверняка знает, откуда тот прибыл. Следовательно, она либо в союзе с контрабандистами, что карается смертью... либо выгораживает кого-то, кто пока остался неизвестным. – Правитель выбрал в шкатулке кисть. – Если ее использовали, вседостойный государь, возможно, будет милостив. Ты уверен, что ничего более не знаешь о цели прибытия этого Сульярда и о том, кто помогал ему пробраться сюда?

Никлайс опустил взгляд на женщину. Один темный глаз таращился на него сквозь спутанные волосы.

– Уверен.

Выговорив это, он задохнулся, словно от нового удара дубинкой.

– Отведите ее в тюрьму, – приказал правитель.

Когда солдаты потащили женщину прочь, та ахнула от ужаса. Никлайс только теперь рассмотрел, как она молода. Не старше Трюд.

Яннарту было бы стыдно за него. Никлайс понурил голову, проникшись отвращением к собственной шкуре.

– Благодарю, ученый доктор Рооз, – сказал правитель. – Я подозревал, как обстоит дело, но нуждался в твоём подтверждении.

Когда шаги в коридоре затихли, правитель еще несколько минут просидел, склонившись над письмом. Никлайс не смел нарушить молчания.

– Ты прекрасно говоришь по-сейкински. Как я понимаю, ты на Орисиме преподаешь анатомию, – наконец заговорил правитель, заставив Никлайса вздрогнуть от неожиданности. – Как ты находишь наших учеников?

Женщина, как видно, была забыта.

– Я столько же учу их, сколько учусь у них, – не покривив душой, сказал Никлайс, и правитель улыбнулся. Никлайс, воспользовавшись случаем, добавил: – Однако мне не хва-

тает ингредиентов, которыми обещал обеспечить меня вечнодостойный великий князь Мен-тендона. И боюсь также, что достойный распорядитель Орисимы уничтожил мои приборы.

– Достойный распорядитель, возможно... переусердствовал. – Правитель отложил кисть. – Пока не закрыто это дело, тебе нельзя будет вернуться на Орисиму. Нельзя допустить разговоров, что чужестранец может пробраться за ее стены, и еще мы должны проверить торговый пост на следы красной болезни. Боюсь, мне придется на время расследования поместить тебя под домашний арест в Гинуре.

Никлайс выпучил глаза. Он не мог поверить своему счастью. Вместо пытки ему дарят свободу.

– В Гинуре... – повторил он.

– На несколько недель. Лучше устранить тебя из этого дела.

Никлайс чувал, что вопрос здесь дипломатический. Он укрывал нарушителя. Сейкинца его положения за такое преступление предали бы смерти, но казнь ментского поселенца подкосила бы хрупкий союз с домом Льевелин.

– Да. – Он, как умел, изобразил недовольство. – Да, достойный правитель, конечно. Я понимаю.

– К твоему возвращению, да исполнятся мои молитвы, все будет решено. В благодарность за содействие я позабочусь, чтобы ты получил нужные ингредиенты, – продолжал правитель, – но о случившемся ты должен молчать. – Он послал Никлайсу пронзительный взгляд. – Если тебя это устраивает, ученый доктор Рооз.

– В полной мере. Я благодарен за вашу доброту. – Никлайс помялся. – А этот мальчик, Сульярд?

– Нарушитель границы в тюрьме. Мы ждали, не проявятся ли у него признаки красной болезни, – сказал правитель. – Если он не откроет, кто помог ему добраться до Сейки, его тоже будут пытаться.

Никлайс облизал губы:

– Возможно, я сумею вам помочь. – Он сам не понимал, с какой стати добровольно впутывается еще глубже. – Я ведь тоже из страны Добродетелей и, вероятно, сумею убедить Сульярда, что благоразумнее признаться, – если мне позволят до отъезда повидать его.

Правитель задумался.

– Я не одобряю пролития крови там, где этого можно избежать, – согласился он. – Тем временем я должен уведомить об этом злосчастном происшествии государя. – Правитель снова взялся за письмо. – Доброго отдыха тебе этой ночью, ученый доктор Рооз.

13

Восток

Следующее испытание было с ножами. И за ним, как обычно, наблюдал морской начальник и несколько незнакомцев в голубых одеждах. Тоже из клана Мидучи – те, кто прошел свои испытания лет пятьдесят назад. Те, в чьем наследии получит долю и Тани, если тело ее не подведет.

Глаза колело, как будто в глазницах были рыбы-ежи. Рука, поднимающая очередной нож, казалась скользкой и неуклюжей. Она выступила лучше всех учеников, кроме Турозы, который прославился в Северном доме искусством метателя ножей.

Онрен торопливо вошла в зал, когда закончил броски не давший ни единого промаха Туроза. Волосы она не причесала и не убрала. Морской начальник поднял брови, но она только поклонилась ему и подошла к ножам. Следом появился Канперу. Брови морского начальника поднялись еще выше. Онрен взяла нож, встала в позицию и через весь зал бросила его в первое чучело.

Она ни разу не промахнулась.

– Превосходно, – заметил морской начальник. – Но в другой раз не опаздывай, достойная Онрен.

– Да, достойный начальник.

В ту же ночь слуги разбудили молодых морских стражников и прямо в ночных одеждах препроводили их к паланкинам. Погрузившись в свой, Тани до мяса обгрызла ногти.

Вышли они из паланкинов у большого родникового озера в лесу. По его поверхности звенели дождевые капли.

– Страже Бурного Моря нередко приходится просыпаться среди ночи, чтобы отвести угрозу от Сейки. И плавать мы должны лучше рыб, на случай если на время лишимся своего корабля или дракона, – сказал морской начальник. – В этом озере разбросаны восемь солнечных жемчужин. Тот, кто вернет одну из них, даст мне повод продвинуть его выше рангом.

Туроза уже раздевался. Тани медленно стянула ночные одежды и до пояса зашла в воду.

Двадцать шесть морских стражников и всего восемь жемчужин. Нелегко будет отыскать их в темноте.

Она закрыла глаза и отпустила на свободу мысли. Услышав приказ морского начальника, скользнула в озеро.

Вода облекла ее. Чистая, сладкая вода холодила кожу. Волосы колыхались вокруг морской травой – Тани разворачивалась, высматривая блеск зеленоватого серебра.

Онрен почти без плеска погрузилась в воду. Она нырнула, подхватила свое сокровище и по той же изящной дуге скользнула вверх.

Онрен плавала как дракон. В решимости оказаться следующей, Тани ушла на глубину. Она рассудила, что течение от родника должно отнести жемчужины к западу. Повернув, она тихо поплыла вдоль дна, работая только ногами, а руками просеивая ил.

К тому времени, как пальцы подцепили крошечную бусинку, у нее давило грудь. Тани всплыла почти одновременно с Турозой, который, движением головы отбросив со лба волосы, напоказ поднял свою жемчужину.

– Солнечный жемчуг. Его носили избранные богами, – сказал он. – Когда-то в нем видели символ прошлого, символ истории. – Он, как ножом, блеснул улыбкой. – А теперь им так часто украшают себя простолюдинки, что цена его сравнялась с грязью.

Тани взглянула ему в глаза:

– Ты хорошо плаваешь, достойный Туроза.

Она его насмешила.

– О селяночка... Я выставлю тебя такой дурой, что клан Мидучи никогда больше не допустит худородных замарашек в свою среду.

Он поплыл к берегу. Тани пропустила его вперед. Ходили слухи, что на последнем испытании первым ученикам предстоит сойтись между собой. С Онрен Тани уже сражалась. Ее противником будет либо Туроза, либо Думуза.

Если первый – он все сделает, чтобы ее сломить.

Никлайс провел тревожную ночь в доме правителя на мысе Хайсан. Постель здесь была куда роскошнее, чем привычная ему на Орисиме, зато не давал покоя колотивший по черепице дождь. К тому же было невыносимо влажно – обычное дело для сейкинского лета.

Где-то перед рассветом он встал с отсыревших простыней и отодвинул ширму от окна. Дул теплый и густой, как гоголь-моголь, ветерок, зато можно было увидеть звезды. И поразмыслить.

Образованные люди не верят в призраков. Бредни, будто бы души мертвых живут в элементе под названием «эфир», – чистый вздор. Но в его ушах стоял шепот, в котором он, без сомнений, узнавал голос Яннарта, и этот голос говорил: то, что ты сделал с музыканткой, – преступление.

Призраки – это голоса, которые оставляют после себя умершие. Эхо слишком рано ушедших душ.

Яннарт солгал бы ради спасения девушки. С другой стороны, Яннарт умел лгать. Он чуть не всю жизнь играл роль. Тридцать лет лгал Трюд. И Оскарду.

И Алейдин, конечно.

Никлайс задрожал. Холодок разошелся у него из-под ложечки при воспоминании о ее взгляде над могилой. Она знала давно. Знала и молчала.

«Не ее вина, что мое сердце принадлежит тебе», – сказал ему однажды Яннарт, и сказал правду. Их, как многих отпрысков благородных семей, связали, не спросив. Помолвку скрепили в день, когда Яннарту исполнилось девятнадцать, – за год до встречи с Никлайсом.

У него не хватило духу присутствовать на венчании. Узел, стянувший их судьбы, терзал его. Появись он при дворе немного раньше, они могли бы стать супругами.

Никлайс фыркнул. Кто бы позволил маркизу Зидюру связать судьбу с нищим ничтожеством из Розентуна! Алейдин тоже была простого рода, зато в ее отданной супругу руке было полно драгоценностей. Никлайс же после окончания университета мог принести в семью одни долги.

Алейдин теперь уже почти шестьдесят. В ее каштановые волосы, должно быть, вплелось серебро, губы обрамлены морщинами. Оскарду не меньше сорока. Святой, как летят годы!

Ветер ничуть не остудил его. Сдавшись, Никлайс задвинул ширму и вернулся в постель.

Тепло липкой жижей обливало кожу. Он приказывал себе уснуть, но мысли не желали утихомириться.

К утру буя и не подумала улечься. Никлайс смотрел, как дождь заливает дворы. Слуги принесли ему бобовый творог, жареного гольца и ячменный чай.

К полудню слуга сообщил, что правитель удовлетворит его просьбу. Никлайс может посетить Сульярда в тюрьме и вытянуть из мальчишки все, что сумеет. Слуги нашли ему и новую трость из крепкого и легкого дерева. Никлайс выпросил у них немного воды: ее принесли в тыкве-горлянке.

В сумерках закрытый паланкин доставил его к тюрьме. Надежно скрытый внутри, Никлайс подглядывал сквозь шторы.

Он за семь лет и шагу не сделал по мысу Хайсан. До него доносились музыка и голоса, виднелись огоньки – как упавшие на землю звезды, – а ему так хотелось пройти по этим таинственным для него улицам. Его мир сжимали в кулаке высокие стены.

Свет фонарей открывал ему шумный город. На Орисиме кругом все напоминало о Мен-тендоне. Здесь же все говорило, как далеко он от дома. Ни одно западное поселение не пахло кедром и пропитавшими все благовониями. Ни в одном западном поселении не торговали чернилами каракатицы и светящимися поплавками для рыбалки.

И конечно, ни один западный город не платил дани драконам. Здесь повсюду были знаки их присутствия. На каждом углу торговали амулетами, суля удачу и благоволение владык моря и дождей. Чуть не на каждой улице красовалось святилище из принесенных морем бревен и бассейн с соленой водой.

Паланкин остановился перед зданием тюрьмы. Едва отперли дверцы, Никлайс вылез наружу и прихлопнул комара на щеке. Двое часовых поторопили его войти в ворота.

Первое, что его поразило, – запах мочи и дерьма, от которого заслезились глаза. Никлайс рукавом прикрыл рот и нос. Когда проходили площадку для казней, у него ослабели ноги. На кольях были выставлены полусгнившие головы с распухшими, как жирные личинки, языками.

Сульярда прятали под землей. Он лежал пластом в своей камере, прикрытый только тряпичей на бедрах. Часовые, раздобывшись, оставили Никлайсу светильник и вышли.

Их шаги заглохли в непроглядной темноте. Никлайс встал на колени и ухватился за прут деревянной решетки.

– Сульярд! – Он постучал тростью по полу. – Оживи.

Никакого ответа. Никлайс просунул трость сквозь решетку и основательно ткнул пленника. Тот шевельнулся.

– Труд, – пробормотал он.

– Жаль тебя разочаровывать, но это Рооз.

Молчание.

– Доктор Рооз... – Сульярд развернулся. – Я думал – снится.

– Хорошо бы так.

Мальчишка был совсем плох. Лицо распухло, как хлеб в печи, на лбу чернели знаки: «Нарушитель границы». На спине и бедрах засохла кровь.

Сульярда не защищало покровительство заморского князя. В былые времена Никлайс был бы потрясен такой жестокостью, но страны Добродетели, выжимая из пленников правду, применяли и более изощренные средства.

– Сульярд, – попросил Никлайс, – скажи, что ты рассказал допросчикам.

– Одну правду. – Сульярд закашлялся. – Что я приплыл молить их государя о помощи.

– Не о том. О том, как добрался до Орисимы. – Никлайс прижался к решетке. – О второй женщине – первой, которую ты увидел, еще на берегу. Ты о ней говорил?

– Нет.

Никлайсу ужасно хотелось ухватить этого тупицу за плотку. Вместо этого он открыл тыкву-горлянку:

– Попей. – Он просунул сосуд между прутьями. – Та, первая, вместо того чтобы выдать, отвела тебя в квартал театров. Ее преступление привело тебя на Орисиму. Ты наверняка мог бы ее описать: лицо, одежду, что-нибудь. Помогите себе, Сульярд.

Выпачканная кровью рука протянулась к тыкве.

– У нее были длинные темные волосы и шрам на левой скуле. Как рыболовный крючок. – Сульярд стал пить. – По-моему... моего возраста или моложе. В блузе из черного шелка с вышитым голубым драконом.

– Скажи об этом на допросе, – настойчиво посоветовал Никлайс. – Спасай свою жизнь. Помогите им ее разыскать, и над тобой, может быть, смилуются.

– Я умолял их меня выслушать, – как в горячке, забормотал Сульярд. – Говорил, что я от ее величества, что я ее посланник, что мой корабль потерпел крушение. Никто не стал слушать.

– Даже будь ты настоящим посланником – а всякому видно, что это не так, – тебе бы не были здесь рады. – Никлайс оглянулся через плечо. Скоро за ним должны были вернуться часовые. – Теперь слушай внимательно, Сульярд. Правитель мыса Хайсан отсылает меня на время расследования этого дела в столицу. Давай я доставлю твоё послание.

На глазах у юнца выступили слезы.

– Ты сделаешь это для меня, доктор Рооз?

– Если ты побольше расскажешь о том, что задумал. Объясни, с чего ты взял, что Сабран нужен союз с Сейки?

Он понятия не имел, сумеет ли сдержать слово, но ему нужно было уяснить, как оказался здесь мальчик. Что они с Трюд затевали.

– Спасибо тебе. – Сульярд дотянулся через решетку, пожал Никлайсу руку. – Спасибо тебе, доктор Рооз. Это рыцарь Верности благословляет меня твоей дружбой.

– Я думаю, – сухо бросил Никлайс.

Он ждал. Сульярд, сжимая ему руку, понизил голос до чуть слышного шепота.

– Мы с Трюд... – начал он. – Мы полагаем, что Безымянный очень скоро проснется. Что не непрерывность рода Беретнет держит его в заключении. Что он в любом случае вернется, потому и зашевелились его слуги. Они отвечают на его зов.

У юнца дрожали губы. Догадку, что Безымянного сдерживает не дом Беретнет, в странах Добродетели называли бы государственной изменой.

– Что навело вас на эту мысль? – спросил Никлайс. – Какой певец рока вас напугал, мальчик?

– Не певец рока. Книги. Твои книги, доктор Рооз.

– Мои?

– Да. После тебя остались книги по алхимии, – шептал Сульярд. – Мы с Трюд и думали разыскать тебя на Орисиме. Меня привел к тебе рыцарь Верности. Разве ты не видишь в этом руку небес?

– Нет, не вижу, кочан ты безмозглый.

– Но...

– Ты и вправду вообразил, что правители Востока примут ваше безумное предложение лучше, чем Сабран? – презрительно усмехнулся Никлайс. – Ты вздумал пересечь Бездну и рискнуть своей головой... полистав несколько книг по алхимии? Алхимики десятилетиями, если не целую жизнь, разгадывают смысл этих книг. И не всем удастся разгадать.

Он почти жалел этого дурачка. Молодой, опьянен любовью. Мальчишка, верно, вообразил себя Вулфом Гленном или Антором Долем – романтическими героями инисских легенд – и ради своей возлюбленной ринулся навстречу опасности.

– Прошу тебя, доктор Рооз, умоляю, послушай меня! Трюд поняла эти книги. Она, как древние алхимики, уверена, что в мире поддерживается природное равновесие. – Сульярда было уже не унять. – Она верит в твои труды и уверена, что нашла способ применить их к нашему миру. К нашей истории.

«Природное равновесие». Сульярд ссылаясь на слова с Румелабарской скрижали скрижалей – слова, на столетия околдовавшие алхимиков.

То, что внизу, должно уравновесить тем, что наверху,
и в этом точность вселенной.
Огонь восходит из земли, свет нисходит с неба.
Избыток одного воспламеняет другое,
и в этом угасание вселенной.

– Мальчик, – сквозь зубы процедил Никлайс, – никто в мире не понимает этой злосчастной надписи. Одни догадки да глупые домыслы.

– Я тоже не сразу поверил. Я спорил. Но когда увидел страсть Трюд... – Сульярд крепче сжал пальцы. – Она мне все объяснила. Когда огнедышащие змеи лишились пламени и впали в долгий сон, усилились драконы Востока. Они снова теряют силу – и пробуждается драконье племя. Как ты не понимаешь? Это замкнутый круг.

Никлайс снова взглянул на дрожащего мальчика. Не Сульярд задумал это посольство.

Трюд. Это Трюд. Ее душа, ее разум – вот на какой почве это выросло. Как она стала похожа на своего деда. Убившая его мания живет в крови внуки.

– Оба вы дураки, – хрипло сказал Никлайс.

– Нет.

– Да. – Голос у него треснул. – Зная, что драконы теряют силу, с чего вы вздумали искать у них помощи?

– Потому что они все равно сильнее нас, доктор Рооз. И с ними у нас больше надежды, чем в одиночку. Если есть надежда на победу...

– Сульярд, – совсем тихо проговорил Никлайс, – остановись. Государь не станет этого слушать. Так же как и Сабран.

– Я хотел попытаться. Рыцарь Доблести учит нас возвышать свой голос, когда другие в страхе молчат. – Сульярд помотал головой, стряхивая слезы. – Надежда обманула нас, доктор Рооз?

Никлайс вдруг обессилел. Этого мальчика ждет напрасная смерть вдали от дома. Оставалось одно. Лгать.

– Они в самом деле торгуют с Ментендоном. Может быть, и выслушают. – Никлайс потрепал юношу по впевившейся в его ладонь грязной руке. – Прости старику его цинизм, Сульярд. Я вижу твою страсть. Я убежден в твоей искренности. Я попрошу аудиенции у государя и представлю ему твое дело.

Сульярд приподнялся на локтях:

– Доктор Рооз... – Голос у него перехватило. – А они тебя не убьют?

– Рискну. Сейкинцы уважают мои познания в анатомии, и живу я здесь на законных основаниях, – сказал Никлайс. – Позволь мне попытаться. Полагаю, в худшем случае меня высмеют.

Слезы наполнили покрасневшие глаза Сульярда.

– Не знаю, как благодарить тебя.

– Я скажу как. – Никлайс сжал ему плечо. – Хотя бы попробуй спасти себя. Когда за тобой придут, расскажи им о женщине на берегу. Поклянись мне, что расскажешь.

Сульярд сглотнул:

– Клянусь. – Он поцеловал Никлайсу руку. – Благослови тебя Святой, доктор Рооз. Тебе уготовано место за его большим столом рядом с рыцарем Доблести.

– Пусть оставит его себе, – буркнул себе под нос Никлайс. Он не мог вообразить худшей пытки, чем веки вечные пировать в кругу бородатых вояк.

Что до Святого, для спасения этого мальчика тому пришлось бы уничтожить плоды своих трудов.

Никлайс услышал шаги часового и отстранился. Сульярд опустил щекой на пол.

– Спасибо тебе, доктор Рооз. Ты дал мне надежду.

– Счастья тебе, Триам Дурак, – тихо проговорил Никлайс и дал вывести себя обратно под дождь.

У ворот ждал другой паланкин. Этот был куда скромнее того, в котором его доставили правителю, и держали его новые носильщики. Одна из их четверки поклонилась.

– Ученый доктор Рооз, – сказала она, – нам приказано вернуть тебя к достойному правителю Хайсана, чтобы ты доложил ему, что сумел узнать. После этого мы доставим тебя в Гинуру.

Никлайс кивнул. Он пропитался усталостью до костей. Правителю он скажет только, что мальчик готов опознать вторую помогавшую ему женщину. И больше вмешиваться не станет.

Залезая в паланкин, Никлайс гадал, увидит ли еще Триама Сульярда. Ради Трюд он надеялся, что да.

Ради себя – предпочел бы больше его не видеть.

14

Запад

Герольды разнесли весть о королевской помолвке по Инису, а вскоре после того Обрехт Льевелин сообщил, что готовится к отплытию вместе со свитой, доходившей до восьми сотен человек. Начались приготовления – вихрь дел, какого Эда еще не видела.

Из Лугового края и Холмов баржами доставляли съестные припасы. Семейство Луг прислало бочки вина со своих виноградников. Во дворец переселились «сверхурочные камеристки» – их приглашали по особым случаям, таким как важные юбилеи и святые праздники. Для королевы и ее дам шили новые платья. Каждый уголок Аскалонского дворца начистили до блеска – вплоть до последнего подсвечника. Впервые казалось, что королева Сабран всерьез относится к помолвке. Волнение во дворце разгоралось лесным пожаром.

Эда всеми силами старалась сохранять спокойствие. Она была еще измучена лихорадкой, однако королевский лекарь лично одобрил ее возвращение к своим обязанностям. Еще одно доказательство, что инисские врачи мало смыслят в своем деле.

Хорошо хоть, что Трюд утт Зидюр присмирела. Разговоров о колдовстве Эда больше не слышала.

Пока ей ничто не угрожало.

При дворе в любое время года жило около тысячи человек, а теперь, проходя по комнатам с охапкой цветов и серебряного шитья, Эда встречала все больше и больше народу. День ото дня она высматривала золотые знамена Эрсира и человека, который должен был явиться под ними в обличье посланника от короля Джантара и королевы Саимы. Она ждала Кассара ак-Испада, того, кто привез ее в Инис.

Первыми прибыли гости со всех концов Инисского королевства. Среди них выделялись ярлы с семьями. Однажды, выйдя на галерею, Эда заметила за поворотом благородного Ранульфа Хита Младшего, кузена покойной королевы Розариан. Он углубился в беседу с дамой Игрейн Венц. Эда, как не раз поступала при дворе, остановилась послушать.

– А как твой супруг, сударь? – спрашивала Венц.

– Горько жалеет, что его нет здесь, ваша милость, но он скоро присоединится к нам, – отвечал Хит. Его смуглую кожу усеивали веснушки, в бороде блестели седые нити. – Как я счастлив, что и ее величество скоро познает радость, которую я обрел в супружестве.

– Будем надеяться. Герцог Вежливости полагает, что этот союз укрепит звенья Кольчуги Добродетелей, – отозвалась Венц, – но прав ли он, будет видно со временем.

– Надеюсь, несравненное чутье его не обманывает, – хихикнул Хит, – учитывая его... особую роль.

– О, кое-что упускает из виду даже Сейтон, – заметила Венц, и на лице ее мелькнула улыбка – редкое зрелище. – Например, как поредели его волосы. Даже ястребу не увидеть собственного затылка. – (Хит проглотил смешок.) – Конечно, все мы молимся, чтобы ее величество вскоре подарила нам дочь.

– А, но она еще молода, ваша милость, как и Льевелин. Дайте им время прежде узнать друг друга.

Эда не могла с ним не согласиться. Казалось, никому в Инисе нет дела, отличат ли Сабран с Льевелином друг друга от фаршированного каплуна, лишь бы они повенчались.

– Скорое рождение наследницы – вопрос жизни и смерти, – словно подслушав ее мысли, сказала Венц. – Ее величество сознает свой долг в этом отношении.

– Что ж, никто лучше вас не наставит королеву в осознании долга.

– Ты слишком добр. Она всегда была моей гордостью и радостью. Увы, – продолжала Венц, – теперь она слушает не только моих советов. Наша юная королева решилась идти собственным путем.

– Это наша общая судьба, ваша милость.

Они разошлись. Эда едва успела посторониться, чтобы герцогиня Справедливости не налетела на нее, выступив из-за угла.

– Госпожа Дариан! – Венц опомнилась. – Доброе утро, милочка.

Эда ответила реверансом:

– Ваша милость.

Венц, кивнув ей, покинула галерею. Эда ушла в противоположную сторону.

Вольно было Венц подшучивать над Комбом, но в действительности Ночной Ястреб ничего не упускал. Эде не верилось, что он до сих пор не нашел хозяина наемных убийц.

Она замедлила шаг, наткнувшись на новую мысль. Ей впервые пришло в голову, что за покушениями мог стоять сам Комб. У него для этого были все возможности. Он мог незаметно провести людей во дворец, так же как выметал из него других. Он же занимался и допросом выживших убийц. И избавлялся от них.

У Комба не было причин желать смерти Сабран. Он был из потомков Святого Союза, его власть зависела от дома Беретнет... но что, если он надеялся приобрести еще больше власти после падения королевы? Если Сабран умрет бездетной, народ одолеют страхи перед пришествием Безмянного. Волна смятения могла бы вознести Ночного Ястреба.

Однако до сих пор ни один убийца не справился со своей работой. Здесь Эда не видела его руки. Да и не верилось ей, что он осмелится обезглавить Инис, лишив его дома Беретнет. Повелитель шпионов действовал иначе – он ничего не оставлял на волю случая.

И тут, на полпути к саду Солнечных Часов, ее осенило.

Что, если покушения и не задумывались удачными?

Она мысленно перебирала обстоятельства каждого. Все головорезы так или иначе выдавали себя. Даже последний не спешил убивать. Тянул время.

В этом, пожалуй, угадывался Комб. Если он имел в виду не убить Сабран, а подчинить ее. Напомнить, что она смертна и необходим наследник. Напугать так, чтобы она приняла Льевелина. Это укладывалось в его обычай устраивать придворную жизнь по своему усмотрению.

А вот Эда оказалась для него неожиданностью. Она останавливала головорезов, не позволяла им подобраться настолько близко, чтобы напугать Сабран. Должно быть, потому он и дал последнему ключ от потайной лестницы. С ним убийца сумел пробраться до самого порога главной опочивальни.

Эда позволила себе улыбнуться. Неудивительно, что Комбу так хотелось отыскать безмянного защитника. Если ее догадка верна, она убивала его наемников.

Конечно, все это домыслы. Доказательств не было, как не было и доказательств, что Лота удалил Комб. Но нутром Эда чуяла, что стоит на верном пути.

Брак с Льевелином казался делом решенным. Комб мог быть доволен. Если новых убийц не появится, значит чутье ее не обмануло, и Сабран в безопасности, пока не станет снова противоречить Комбу. А уж тогда Ночной Ястреб опять расправит над троном свои темные крылья.

Эда намеревалась их подрезать. Ей бы только найти доказательства – и удобный случай.

Стекались все новые гости. Семьи герцогов Духа. Странствующие рыцари, которые боролись с мелкими преступлениями по всему Инису и иной раз добывали себе славу. Священнослужители в ризах с подобранными рукавами. Бароны и баронеты. Мэры и члены магистратов.

Скоро начали прибывать долгожданные посланцы Хрота. Король Раунус из дома Храустр прислал на помолвку высокородных свидетелей. Сабран приняла их с неподдельной теплотой. Скоро по всему дворцу зазвенели песни и смех северян.

В недавние времена среди гостей оказались бы и искалинцы. Эда хорошо помнила последний визит представителей дома Веталда, когда донмата Мароса прибыла на празднование тысячелетия правления Беретнетов. Их отсутствие напоминало о том, как ненадежно будущее.

В день прибытия в Аскалонский дворец Обрехта Льевелина в палате приемов толпились важнейшие из придворных и гостей двора. Совет Добродетелей собрался почти в полном составе. Арбелла Гленн оправилась от болезни – к немалому сожалению честолюбивых дам – и стояла сейчас справа от трона.

Арбелла и в лучшие времена выглядела хрупкой. Глаза у нее слезились, пальцы были искалечены вышивальной иглой. А сегодня Эда не сомневалась, что ей рано было вставать. Правда, старая дама улыбалась королеве с материнской гордостью, но крылась в ней какая-то тихая грусть.

Вообще же зал гудел как улей. Сабран ожидала нареченного, стоя перед тронном в окружении шести герцогов Духа, блиставших отделкой плащей и ливрейных воротников. Сама она оделась в простое платье из багряного бархата с атласом, достойно оттенявшее водопад ее черных как ночь волос. Ни оборок, ни драгоценностей. Эда разглядывала ее со своего места среди других камеристок.

В таком наряде Сабран была прекрасна, как никогда. Инисцы, как видно, верили, что ее красота – в богатых одеждах, но богатство лишь скрывало красоту королевы.

Сабран перехватила ее взгляд. Эда отвела глаза.

– Где же твои родители? – обратилась она к стоявшей справа Маргрет.

– Сослались на папино нездоровье, но я думаю, мама просто не желает видеть Комба, – прикрываясь павлиньим веером, ответила Маргрет. – Он в письме уверял маму, что Лот своей волей отправился в Карскаро. Она наверняка заподозрила иное.

Дама Аннес Исток состояла когда-то при опочивальне королевы Розариан.

– Ей ли не знать дворцовых интриг?

– Она знает лучше многих. Я вижу, хозяйки Медового Ручья тоже нет. – Маргрет покачала головой. – Бедный Кит.

Ярл Медового Ручья стоял вместе с другими членами Совета Добродетелей. Его как будто не тревожило отсутствие сына, на которого он походил во всем, за исключением не знавшего улыбки рта.

Фанфары возвестили прибытие князя. Казалось, даже драпировки зала приемов задрожали от нетерпеливого ожидания. Эда бросила взгляд на Комба: тот улыбался, как кот, прижавший лапой мышь.

От этого омерзительного зрелища у нее ребра свело. Даже если за убийцами стоял не он. Комб отправил Лота навстречу смертельной опасности, лишь бы расчистить путь этому браку, – а ведь в тех слухах не было ни грана истины. Чтоб ему сгнить заживо!

Знаменосцы и трубачи торжественно вступили в зал. Все вытянули шею, спеша разглядеть будущего принца-консорта. Линора Пэйлинг привстала на цыпочки и обмахивалась веером с таким усердием, словно ей грозил обморок. Даже Эда позволила себе уступить любопытству.

Сабран расправила плечи. Под гром фанфар вошел князь Вольного княжества Ментендон.

Такие сильные руки и широкие плечи Эда ожидала бы увидеть у закаленного подвигами рыцаря. Чисто выбритый, ростом превосходивший даже Сабран, Льевелин ничуть не походил

на мыш-соню. Его волнистые волосы в луче света заблестели медью. Плащ он перебросил через плечо, а поверх светлого дублета с длинными рукавами надел черный колет.

– Ох, какой красавец! – выдохнула Линора.

Достигнув ступеней трона, Льевелин преклонил колени перед своей нареченной:

– Ваше величество.

Ее лицо застыло маской.

– Ваше королевское высочество. – Сабран протянула ему руку. – Добро пожаловать в королевство Инис.

Он поцеловал коронационное кольцо.

– Королева, – сказал он, – я уже очарован вашим городом и безмерно восхищен оказанным мне приемом. Предстать перед вами – величайшая честь.

Князь говорил негромко. Эду удивила его сдержанность. Обычно женихи, стоило им открыть рот, заваливали Сабран грудями неумеренных восхвалений, а Льевелин только устремил взгляд темных глаз на королеву Иниса – опору их общей веры.

Сабран, слушавшая его подняв брови, отняла руку.

– Герцогиня Духа, потомки Святого Союза, – представила она.

Герцогиня поклонилась Льевелину, и тот еще ниже склонился в ответ.

– Мы ждали вас с нетерпением, ваше королевское высочество, – доброжелательно проговорил Комб. – И давно предвкушали эту встречу.

– Подымитесь, – проговорила Сабран. – Прошу.

Льевелин повиновался. Последовало короткое молчание: будущие супруги мерили друг друга взглядами.

– Как мы понимаем, ваше высочество и прежде бывали в Аскалоне, – заговорила Сабран.

– Да, ваше величество, при бракосочетании ваших родителей. Мне тогда было всего два года, но моя мать, которая тоже была там, часто рассказывала, как прекрасна была в тот день королева Розариан и как все молились о скором рождении дочери, столь же нежной и стойкой, как она. Такой вы и стали. Известие о том, как вы усмирили правое крыло Безымянного, лишь подтверждает все, что я знал о вашей силе.

Сабран не улыбнулась, но глаза у нее сияли.

– Мы ожидали встречи с вашими благородными сестрами.

– Они скоро будут здесь, ваше величество. Княжна Эрмуна нездорова, и сестры не хотели ее оставлять.

– Об этом мы сожалеем. – Сабран вновь протянула руку, на сей раз посланнику. – Добро пожаловать, Оскард.

– Королева. – Посланник склонился, чтобы поцеловать ее кольцо. – Осмелюсь представить мою мать, даму Алейдин утт Зидюр, вдовствующую герцогиню Зидюра.

Вдовствующая герцогиня присела в реверансе:

– Ваше величество. – Она производила впечатление, эта женщина с роскошными медными волосами и прикрытыми тяжелыми веками глазами. Оливковую кожу ее лица прорезали «вороньи лапки» морщин. – Какая честь!

– Добро пожаловать в Аскалон, ваша милость. И вам, – обратилась Сабран к кому-то, стоявшему за спиной герцогини, – ваше превосходительство.

Когда Льевелин отступил в сторону, Эда едва не задохнулась. Посланник, стоявший за спинами Зидюров, блистал золотым головным убором и расшитым атласным плащом, крашенным сочной синевой живокости. За ним выстроились делегации Эрсира и Лазии.

– Королева! – склонился перед ней Кассар ак-Испад. Многие обернулись взглянуть на этого огромного, как гора, человека с чалмой на голове и пышной черной бородой. – Как давно я здесь не был.

Он здесь!

Вернулся, спустя столько лет.

– Давно, – согласилась Сабран. – Мы уже думали, что его высочайшее величество не пришлет своих представителей.

– Мой повелитель не мог так оскорбить ваше величество. Король Джантар посылает свои поздравления с помолвкой, как и верховная правительница Кагудо, чьи посланцы повстречались с нами в Гнездовье.

Кагудо, правительница Лазии, принадлежала к старейшему в изведенном мире королевскому роду. Она по прямой линии происходила от Селину Верного Слову, то есть была в кровном родстве с Матерью. Эда никогда с ней не встречалась, но правительница часто писала настоятельница.

– Нам посчастливилось, – продолжал Кассар. – Князь Обрехт причалил, когда мы сходили на берег, и оставшуюся часть пути я мог наслаждаться его обществом.

– Мы надеемся наслаждаться обществом князя Обрехта в обозримом будущем, – сказала Сабран.

Кое-кто из фрейлин захихикал, прикрываясь веерами. Льевелин снова улыбнулся.

Слушая дальнейшие любезности, Сабран не сводила глаз со своего нареченного, а тот – с нее. Кассар нашел глазами Эду и незаметно кивнул ей, прежде чем отвести взгляд.

В заключение приема Сабран пригласила гостей на поле полюбоваться турниром на копьях. Соперники должны были состязаться на глазах тысячи горожан. Те, вне себя от восторга при виде королевы, провозглашали хвалу победительнице высшего западника. В их глазах она была новым воплощением Глориан Защитницы.

– Привет Сабран Горделивой! – восклицали они. – Да здравствует дом Беретнет!

Восторженный шум усилился, когда Льевелин занял место рядом с ней в королевской ложе.

– Защити нас, королева!

– Королева, твоя отвага вдохновляет нас!

Эда нашла себе место на скамьях под навесом, рядом с другими придворными дамами, и не спускала глаз с толпы, высматривая, не мелькнут ли в рядах арбалет или пистолет. Сиден почти угас, однако при ней оставались ножи, готовые сразить убийц.

Кассар сидел с краю королевской ложи. Ждал, когда Сабран найдет время переговорить с ним.

– Святой, я думала, этим церемониям не будет конца!

Маргрет приняла у пажа бокал клубничного вина. Между тем начались поединки. Двое странствующих рыцарей опустили забрала.

– Кажется мне, Сабран пришелся по душе Рыжий князь. Она постаралась скрыть, но, по моему, была сражена.

– А уж Льевелин – без сомнения, – рассеянно добавила Эда.

Комб присутствовал в королевской ложе. Эда сверлила его взглядом, силясь понять, смотрит он на Сабран как на свою королеву или как на пешку в игре.

Маргрет проследила за ее взглядом.

– Знаю, – тихо сказала она. – Убийство сошло ему с рук. – Она пригубила вино. – И его прихвостней я не выношу. Подстрекатели!

– Сабран не может не знать, – пробормотала Эда. – Что же она не придумает способа от него отделаться?

– Хотя мне и больно это признать, его соглядатаи нужны Инису. А если Саб отставит его без очень веских причин, прочие вельможи засомневаются и в надежности своего положения. Сейчас, когда над нами висит угроза от Искалина, Сабран не может допустить недовольства среди приближенных. – Маргрет поморщилась, переживая рев зрителей, когда рыцари преломили копья. – Что ни говори, знати и прежде случалось бунтовать.

Эда кивнула:

– Мятаж Тернового Холма.

– Ну да. Теперь хоть есть законы, уменьшающие опасность повторения. Прежде люди Комба щеголяли бы в его цветах, словно их верность принадлежит в первую очередь ему, а не королеве. Теперь они могут себе позволить только его значки. – Маргрет поджала губы. – Не нравится мне, знаешь ли, что символ его добродетели – книга. Книги слишком хороши для такого, как он.

Соперники снова развернулись навстречу друг другу. Игрейн Венц, беседовавшая с одним из баронов, теперь перешла в ложу и села позади Сабран с Льевелином. Склонившись вперед, она что-то сказала королеве, которая ответила ей улыбкой.

– Я слышала, Игрейн против этого брака, – заметила Маргрет. – Хоть и рада надеждам на наследницу. – Она подняла бровь. – Игрейн, пока Саб была ребенком, всю власть держала в руках, хоть и негласно. Вторая мать королеве. И притом, если верить слухам, предпочла бы обвенчать ее со стариком, стоящим одной ногой в могиле.

– Она еще может добиться своего, – сказала Эда.

Маргрет повернулась к ней:

– Думаешь, Саб переменит мнение о Рыжем князе?

– Пока у нее на пальце нет кольца, я скажу, что все возможно.

– Двор научил тебя цинизму, Эда Дариан. А вдруг нам предстоит увидеть любовь, соперничающую с романом Розариан Первой и рыцаря Антора Дола? – Маргрет взяла подругу под руку. – Ты, верно, рада спустя столько лет увидеть посланника ак-Испада?

– Ты не представляешь как, – улыбнулась ей Эда.

Турнир продолжался несколько часов. Эда все это время провела с Маргрет под навесом и не спускала взгляда с рядов зрителей. Наконец объявили победителя – нынешнего герцога Умеренности Леманда Чекана. Вручив своему кузену кольцо в награду, Сабран поспешила укрыться от зноя.

В пять часов Эда в личных покоях слушала, как Сабран играет на вёрджинеле. Розлайн перешептывалась с Катриен, бедняжка Арбелла мучилась с вышивкой, а Эда делала вид, что углубилась в молитвенник.

Королева со времени ее болезни оказывала Эде внимание больше обычного. Несколько раз ее приглашали играть в карты и слушать, как приближенные дамы вводят Сабран в курс придворных дел. Эда отметила, что им случается расхваливать тех или иных людей и советовать Сабран проявить к ним большую благосклонность. Будь Эда королевой Эрсирской, если за такими советами не скрывался подкуп.

– Эда.

Она подняла голову:

– Королева?

– Подойди ко мне.

Сабран похлопала по табуретке. Когда Эда села, Сабран доверительно склонилась к ней:

– Видно, Рыжий князь не так схож с мышью, как мы думали. Что ты о нем скажешь?

Эда чувствовала на себе внимательный взгляд Розлайн.

– Он кажется любезным и благородным, моя госпожа. Если он и мышь, – шутливо добавила она, – можно не сомневаться, что он князь среди мышей.

Сабран засмеялась. Эде редко доводилось слышать ее смех. Он, как золотая жила в породе, нечасто прорывался наружу.

– В самом деле. Хотя будет ли он хорошим консортом, еще не известно. – Ее пальцы порхали над клавишами вёрджинела. – Конечно, я еще не обвенчана. Помолвку всегда можно разорвать.

– Вы поступите, как сочтете нужным. Кругом всегда хватает голосов, подсказывающих вам, как быть и что делать, но корону носите вы, – сказала Эда. – Пусть его высочество покажет, что достоин места рядом с вами. Он должен заслужить эту честь – высшую честь.

Сабран изучала ее лицо.

– Говоришь ты красиво, – произнесла она. – Хотела бы я знать, что ты думаешь.

– Я говорю откровенно, моя госпожа. Всякий правитель страдает от пристрастности и обмана, скрытых зачастую под маской любезности, – сказала Эда. – Но мне хотелось бы верить, что мои слова идут от души.

– Мы все говорим с ее величеством от души, – огрызнулась Розлайн. Глаза ее блестели от злости. – Ты намекаешь, госпожа Дариан, что любезность – это лицемерие? А ведь рыцарь Вежливости...

– Роз, – оборвала Сабран, – я обращалась не к тебе.

Розлайн ошеломленно умолкла.

В повисшей натянутой паузе в покои вошел один из рыцарей-телохранителей.

– Королева, – поклонился он, – его превосходительство посланник ак-Испад спрашивает, не могли бы вы на небольшое время отпустить госпожу Дариан. Если вы не против, он будет ждать ее на террасе Ткачей Мира.

Сабран перекинула волну волос на одно плечо.

– Думаю, я сумею без нее обойтись. Ты свободна, Эда, только вернись ко времени молений.

– Да, моя госпожа. – Эда поспешно поднялась. – Благодарю.

Покидая личные покои, она постаралась не встречаться взглядом с другими дамами. Не хотелось бы наживать в лице Розлайн Венц врага, если без этого можно обойтись.

Выйдя из Королевской башни, Эда поднялась на южный бастион дворца, на террасу Ткачей Мира, выходящую к реке Лимбер.

Сердце у нее звенело, как пчелка. Впервые за восемь лет поговорить с человеком из обители! И не с кем-нибудь – с Кассаром, который ее вырастил!

Вечернее солнце обратило реку в расплавленное золото. Эда перешла мост и шагнула на плиточный пол террасы. Кассар ждал ее у балюстрады. Он обернулся на звук ее шагов и улыбнулся, а Эда пошла к нему, как дитя к отцу.

– Кассар.

Она спрятала лицо у него на груди. Его руки обняли ее плечи.

– Эдаз. – Кассар поцеловал ее в макушку. – Ну вот, свет моих очей, я здесь.

– Как давно я не слышала этого имени, – глухо сказала она на селини. – Ради любви Матери, Кассар, я думала, ты меня совсем забросил.

– Ни за что! Ты же знаешь, мне оставлять тебя здесь – как вырвать ребро из своего бока. – Они отошли к листовенному балдахину под кустами шиповника и жимолости. – Посиди со мной.

Должно быть, Кассар нарочно освободил террасу для разговора наедине. Эда присела к столу, где на блюдах горками лежали высушенные на солнце эрсирские плоды, и Кассар налил ей бокал светлого румелабарского вина.

– Я для тебя вез его через моря, – сказал он. – Подумалось, что тебя порадует маленькое напоминание о доме.

– За восемь лет легко можно забыть, что Юг существует на свете. – Она пристально смотрела на посланника. – У меня нет слов. Ты ни на одно письмо не ответил!

Его улыбка растаяла.

– Прости мне долгое молчание, Эдаз. – Кассар вздохнул. – Я бы написал, но настоящаяница сочла, что тебя лучше оставить в покое, дать время погрузиться в обычаи инисцев.

Эде и хотелось бы рассердиться, но этот человек держал ее, маленькую, на коленях и учил читать, так что радость встречи перевесила обиду.

– Тебе было поручено охранять Сабран, – продолжал Кассар, – и за то, что она жива-здорова, Мать может гордиться тобой. Наверняка это было непросто. – Он помолчал. – Те убийцы, что за ней охотятся... Ты писала, что при них были искалинские клинки.

– Да. Дуэльные кинжалы, изготовленные, уточню, в Карскаро.

– Дуэльные кинжалы, – повторил Кассар. – Не слишком подходящее оружие для убийцы.

– И я так подумала. Это оружие для обороны.

– Хм... – Кассар погладил бороду, как обычно в задумчивости. – Может быть, все так просто и есть: король Сигосо нанимает инисских подданных, чтобы убить ненавистную ему королеву... или эти клинки, как тухлая рыба, забивают след истинных заговорщиков.

– Думаю, скорее второе. Замешан кто-то из придворных, – сказала Эда. – Такие клинки можно найти на черном рынке. И кто-то впустил убийцу в Королевскую башню.

– А ты не догадываешься, кто из приближенных мог бы желать Сабран смерти?

– Никто. Все они верят, что она – оковы для Безымянного. – Эда отпила вина. – Ты всегда советовал мне полагаться на чутье.

– Всегда.

– Тогда скажу, что с этими покушениями на Сабран что-то у меня не складывается. Дело не только в оружии. Серьезной выглядела только последняя попытка. Остальные ломились очертя голову. Словно напрашивались, чтобы их поймали.

– Возможно, просто неумехи? Отчаянные глупцы, каких можно купить за гроши?

– Возможно. А возможно, так и было задумано, – сказала она. – Кассар, помнишь благородного Артелота?

– Конечно, – кивнул он. – Я удивился, не увидев его рядом с Сабран.

– Его здесь нет. Комб сослал его в Искалин – за то, что слишком сблизился с королевой, и чтобы расчистить путь ее браку с Льевелином.

Кассар поднял бровь.

– Слухи, – пробормотал он, – дошли даже ко мне в Румелабар.

Эда кивнула:

– Комб сознательно послал Лота на смерть. И теперь, боюсь, Ночной Ястреб снова двигает фигуры на доске. Вынудив Сабран испугаться за свою жизнь, он подтолкнул ее к Льевелину.

– Чтобы она как можно скорее зачала наследницу, – задумчиво подхватил Кассар. – Это, если правда, пожалуй, хорошая новость. Сабран ничего не грозит. Она поступит так, как ему хочется.

– А если однажды не поступит?

– Не думаю, чтобы он зашел дальше этого. Без нее его власть растает.

– Не уверена, что он так думает. И полагаю, Сабран должна узнать о его интригах.

Кассар встревожился.

– Ты не должна высказывать ей свои подозрения, Эдаз. Пока нет доказательств, – сказал он. – Комб – человек могущественный и найдет способ с тобой расправиться.

– Я промолчу. Пока мне остается только наблюдать. – Она поймала его взгляд. – Кассар, мои сторожки слабеют.

– Знаю. – Он понизил голос. – Услышав, что Сабран изгнала из города пробудившегося Фиридела, мы сразу поняли, как было дело. И поняли, что ты выжгла свой сиден без остатка. Ты слишком долго живешь вдали от дерева. Ты как корень, любовь моя. Если не пьешь, то увядаешь.

– Это ничего. Может, я сумею получить место дамы опочивальни, – сказала Эда. – Тогда смогу защитить ее своим клинком.

– Нет, Эдаз.

Кассар накрыл ее ладонь своей. На серебряном перстне, украшавшем его указательный палец, сиял вырезанный из лунного камня цветок апельсина. Символ того, чему оба они были верны.

– Дитя, – тихо сказал он, – настоятельница умерла. Она, ты ведь знаешь, была стара и отошла в мире.

Это известие причинило боль, но не удивило. В самом деле, настоятельница казалась дряхлой, кожа ее была морщинистой и узловатой, как ствол оливы.

– Когда?

– Три месяца назад.

– Да вольется ее огонь в свет дерева, – сказала Эда. – Кто принял ее мантию?

– Красные девы выбрали Миту Йеданью, мунгуну, – ответил Кассар. – Помнишь ее?

– Да, конечно. – Эда помнила немного – только то, что Мита была молчаливой и серьезной. Мунгуну называли признанную наследницу настоятельница, хотя случалось, что красные девы, сочтя мунгуну недостойной этого места, выбирали другую. – Желаю ей успеха. Она уже выбрала мунгуну для себя?

– Почти все сестры уверены, что ею будет Найруй, но Мита пока не решила.

Эда кивнула. Кассар склонился к ней. В меркнувшем свете заката Эда заметила морщины у его губ и глаз. Как он постарел за время, что они не виделись!

– В мире что-то меняется, Эдаз, – сказал он. – Ты наверняка чувствуешь. Зашевелились спящие змеи, а теперь и высшие западники. Настоятельница боится, что это первые шаги к пробуждению Безымянного.

Эда дала этим словам время улечься в своей душе.

– Не вы одни этого боитесь, – сказала она. – Одна фрейлина, Трюд утт Зидюр, послала гонца в Сейки.

– Юная наследница Зидюра? – нахмурился Кассар. – Отчего ей вздумалось затевать переговоры с Востоком?

– Девчонка вбила себе в голову, что их змеи защитят нас от Безымянного. Она верит в его возвращение – все равно, устоит ли дом Беретнет или падет.

Кассар с присвистом выдохнул сквозь зубы:

– Что навело ее на такую мысль?

– То, что драконы зашевелились. И собственные фантазии, полагаю. – Эда налила им обоим еще вина. – Фиридел что-то такое сказал Сабран. «Тысячелетие на исходе». И еще сказал, что его повелитель зашевелился в Бездне.

Океан, зияющий от края до края света. Черные воды, куда не в силах проникнуть солнечный свет. Бескрайняя тьма, вечно страшная мореплавателей.

– Воистину зловещие слова. – Кассар принял у нее чашу. – Фиридел, значит, как и дама Трюд, и настоятельница, верит, что Безымянному предстоит вернуться.

– Мать победила его больше тысячи лет назад, – напомнила Эда. – Разве не так? Если бы змей говорил об этом сроке, Безымянный бы уже восстал.

Кассар задумчиво смаковал вино.

– Хотел бы я знать, – проговорил он, – не связана ли эта угроза с неизвестными годами Матери.

О «неизвестных годах» знали все сестры. Вскоре после победы над Безымянным и основания обители Мать ушла, не сказав, по какому делу, и погибла в пути. В обитель вернули ее тело. Кто его прислал, осталось неизвестным.

Немногие среди сестер верили, что мать уходила к своему рыцарю, Галиану Беретнету, и родила от него дитя, положив начало дому Беретнет. На этой легенде, не слишком популярной в обители, стояли страны Добродетели – она и привела Эду в Инис.

– Каким образом? – спросила Эда.

– Ну, – сказал Кассар, – сестры в большинстве верят, что Мать пыталась защитить обитель от некой угрозы. – Он плотно сжал губы. – Я напишу настоятельнице, передам ей слова Фиридела. Быть может, она сумеет разгадать загадку.

Оба помолчали. Спустились сумерки, и в окнах дворца замерцали свечи.

– Мне скоро идти, – пробормотала Эда. – Молиться Обманщику.

– Прежде поешь немного. – Кассар подвинул к ней блюдо с фруктами. – У тебя усталый вид.

– Да, – усмехнулась Эда, – в одиночку отгонять западника оказалось довольно утомительно.

Она выбирала с блюда сладкие, как сахар, финики и вишни. Вкус жизни, не забытый за столько лет.

– Любовь моя, – заговорил Кассар, – прости, но, пока ты не ушла, я должен сказать кое-что еще. Про Йонду.

Эда подняла взгляд.

Йонду. Наставница и любимая подруга. Внутри у нее что-то перевернулось.

– Кассар, что?..

– В прошлом году настоятельница решила возобновить поиски Аскалона. Зашевелилось драконье племя, и она сочла, что следует все силы направить на возвращение меча, поразившего Безымянного. Йонду начала поиски в Инисе.

– В Инисе... – У Эды сжалось в груди. – Она бы, конечно, навестила меня.

– Ей приказано было не приближаться ко двору. Не отвлекать тебя от твоего дела.

Эда закрыла глаза. Йонду была упряма, но никогда не нарушила бы прямого приказа настоятельницы.

– Последние вести о ней дошли из Перунты, – продолжал Кассар. – Видимо, она возвращалась домой.

– Когда?

– В конце зимы. Аскалон она не нашла, но писала нам, что вынесла из Иниса предмет чрезвычайной важности и срочно нуждается в охране. Мы послали сестер на поиски, но те не нашли ни следа. Я опасаюсь худшего.

Эда резко встала и подошла к балюстраде. Сладость фруктов вдруг склеила ей рот.

Вспомнилось, как Йонду учила ее подчинять полыхавший в крови дикий огонь. Учила держать меч и натягивать лук. Учила, как вскрыть змея от зоба до хвоста. Йонду, любимая подруга, вместе с Кассаром сделала из Эды ту, кем она стала.

– Может, она еще жива. – Голос у нее стал хриплым.

– Сестры продолжают поиски. Мы не отступимся, – сказал Кассар, – но кто-то должен занять ее место среди красных дев. Вот что велела передать тебе Мита Йеданья, наша новая настоятельница. Она приказывает тебе вернуться, Эдаз. Надеть плащ цвета крови. Ты будешь нам нужна.

Дрожь пронизала Эду от кожи под волосами до основания позвоночника – холод и ожог сразу.

Сбываются все мечты! Стать красной девой, будущей победительницей дракона, мечтала каждая рожденная в обители девочка.

И все же...

– Значит, – сказала Эда, – новой настоятельнице нет дела, что станет с Сабран.

Кассар встал рядом с ней у балюстрады.

– Новая настоятельница больше прежней сомневается в претензиях Беретнетов, – признал он, – но без защиты она Сабран не оставит. Я привез с собой в Инис одну из младших сестер и собираюсь представить ее королеве Сабран вместо тебя. Скажу, что один из твоих родственников при смерти и ты должна вернуться в Эрсир.

– Покажется подозрительным.

– Выбора нет. – Он взглянул на нее. – Ты – Эдаз ак-Нара из дев Клеолинды. Тебе не следует более оставаться при этом кошунственном дворе.

Ее имя. Как давно оно не звучало. Пока Эда осмысливала сказанное, лицо Кассара стянуло тревогой.

– Эдаз, – вздохнул он, – не говори мне, что хочешь остаться. Или ты привязалась к Сабран?

– Нет, конечно, – возразила Эда. – Она надменна и избалованна – но, какая ни есть, остается, хотя бы и самая малая, вероятность, что она – прямой потомок Матери. И что важнее, если она погибнет, рухнет страна, обладающая самым могучим флотом Запада, – а от этого никому не будет добра. Ее нужно сбересть.

– Мы и сбережем. Прибывшая со мной сестра весьма искусна – а перед тобой теперь лежит иная дорога. – Он опустил руку ей на плечо. – Пора тебе вернуться домой.

Ей предлагали вернуться к апельсиновому дереву. Говорить на родном языке, молиться перед истинным образом Матери, не опасаясь костра на площади Мариан.

Но Эда годы потратила на изучение Иниса: его обычаев, веры, хитросплетений придворных интриг. Эти знания не должны пропасть даром.

– Кассар, – заговорила Эда, – я хотела бы уехать с тобой, но меня отзывают как раз тогда, когда Сабран начала мне доверять. Все эти годы пропадут зря. Как ты думаешь, можно ли убедить новую настоятельницу дать мне еще немного времени?

– Сколько?

– Пока королевский дом не обзаведется преемницей. – Эда повернулась к нему лицом. – Позволь мне охранять ее, пока она выносит дочь. Потом я вернусь домой.

Кассар раздумывал, стянув губы в тонкую линию, затерявшуюся в гуще бороды.

– Попробую, – согласился он. – Я постараюсь, любовь моя. Но если настоятельница откажет, придется тебе подчиниться.

Эда поцеловала его в щеку:

– Ты слишком добр ко мне.

– Слишком добрым к тебе быть невозможно. – Он сжал ее плечо. – Но следи за собой, Эда. Не отвлекайся. Ты служишь Матери, а не этой инисской королеве.

Эда обвела взглядом городские башни:

– Да подскажет нам Мать, что теперь делать.

15

Запад

Карскаро.

Столица драконьего царства Искалин.

Город стоял высоко в горах на обширном плато. Он врезался в Веретенный хребет, снежную горную цепь, отделявшую Искалин от Эрсира.

Лот глядел в окно продвигавшейся по горной дороге кареты. Он всю жизнь слушал рассказы о Карскаро, но и не думал, что увидит его наяву.

Искалин стал вторым звеном в Кольчуге Добродетелей, когда король Исалприко Четвертый обвенчался с королевой Глориан Второй. Из любви к нареченной он отрекся от старого бога своей страны и принес клятву верности Святому. В те дни Карскаро славился карнавалами, музыкой и растущими прямо на улицах красными грушами.

Теперь иное. С тех пор как порвал со Святым и принял своим богом Безымянного, Искалин всеми средствами пытался ослабить страны Добродетели.

С рассветом над Великим Искалинским плато потянулись светлые пряди облаков. В былые времена эти равнины укрывал лавандовый ковер, и ветер доносил в город запах цветов.

Лот пожалел, что не видел этого зрелища. Все, что осталось от полей, – выгоревшие пустоши.

– Сколько душ живет в Карскаро? – обратился он к Приессе, просто чтобы отвлечься.

– Пятьдесят тысяч или около того. Наша столица невелика, – ответила она. – По прибытии вас проведут в комнаты на посольской галерее. Ее сиятельство примет ваши верительные грамоты при первой возможности.

– А увидим ли мы короля Сигосо?

– Его величество нездоров.

– Сожалею.

Лот прижался лбом к окну, разглядывая город среди гор. Скоро он окажется в самом сердце тайны, окружившей Искалин.

Глаз его уловил смутное движение. Лот потянулся к защелке окна, чтобы лучше видеть небо, но рука в перчатке захлопнула раму.

– Что это было? – обеспокоенно спросил Лот.

– Кокатрис. – Приесса сложила руки на коленях. – Вам лучше не удаляться от дворца, благородный Артелот. В этих горах живет много потомков драконов.

Кокатрис. Отродье птицы и виверны.

– Они не вредят горожанам?

– Если голодны, они хватают все, что движется, кроме уже пораженных чумой. Мы их подкармливаем.

– Как?

Ответа не последовало.

Карета тяжело пошла вверх. Сидевший напротив Кит встрепенулся и принялся протирать глаза. На губах его сразу заиграла улыбка, но Лот видел, что другу страшно.

К тому времени, как показались ворота Антианы, настала ночь. Колоссальная, как давнее ей имя божество, арка из зеленого и черного гранита была единственным въездом в город. Вблизи Лот рассмотрел в свете факелов фигуры под ее сводом:

– Кто это там?

Кит догадался первым:

– Ты бы не смотрел, Артелот. – Он выпрямился на сиденье. – Если не хочешь, чтобы этот день снился тебе по ночам.

Он опоздал с предупреждением. Лот уже видел мужчин и женщин, за руки прикованных к воротам. Кое-кто выглядел уже мертвым или полумертвым, но были и живые, в крови, натягивавшие цепи.

– Вот как мы их кормим, благородный Артелот, – проговорила Приесса. – Предателями и изменниками.

В этот кошмарный миг Лоту показалось, что он прямо сейчас, в карете, расстанется с завтраком.

– Понимаю. – Рот ему заливала слюна. – Хорошо.

Рука просилась очертить знак меча, но здесь это означало бы смерть.

Перед подъехавшей каретой ворота Антианы открылись. Их сторожили не менее шести виверн. Эти звери были меньше своих повелителей-западников и имели только по две ноги, но глаза их опаляли тем же пламенем. Лот, проезжая их, отвернулся.

Он попал в кошмар. В Искалине оживали бестиарии и старые сказки.

Посреди города возвышался замок из вулканической породы и стекла. Должно быть, дворец Спасения, твердыня дома Веталда. Гора, на которой он стоял, была самой низкой в Веретенном хребте, но и ее вершина скрывалась в затянувшем плато дыму.

Дворец был страшен, но добила Лота река лавы. Она разветвлялась на шесть потоков, обходивших или пронизывавших Карскарро, после чего сливалась в единое озеро и водопадом спускалась по склону ниже, застывая вулканическим стеклом.

Лавовые потоки появились в Карскарро десять лет назад. Искалинцы не сразу сумели пробить каналы для этих красных рек. В Аскалоне теперь шептались, что Святой послал лаву в предостережение искилинцам, – предупреждая, что настанет день, когда Безымянный станет лжебожеством их страны.

Улицы обвивали здания крысиными хвостами. Теперь Лот увидел, что их соединяли высокие каменные мосты. Вокруг прилавков под красными навесами теснились горожане в тяжелых одеждах. Многие закрывали лица вуалями. Повсюду были заметны укрепления против чумы: от амулетов на дверях до масок со стеклянными глазами и длинными клювами, – и все же попадались жилища, отмеченные красными надписями.

Карета подвезла их к огромным дверям дворца Спасения, перед которыми выстроились в ряд слуги. Над аркой дверей свисали вырезанные в натуральную величину дракониды. Все это походило на горловину Огненного Чрева.

Лот, шагнув на землю, протянул занемевшую руку даме, но Приесса ее отклонила. Глупо было и предлагать. Мелаго ведь советовала ни к кому не приближаться.

Жакули заворчали вслед уходившим от кареты гостям. Лот в ногу с Китом прошел в вестибюль с люстрами под высокими сводами. Он готов был поклясться, что свечи горели красным огнем.

Приесса скрылась за боковой дверцей. Лот с Китом недоуменно переглянулись.

По сторонам лестницы стояли две жаровни. Слуга зажег от одной из них свой факел. Он провел инисцев по пустынным коридорам с перекрытыми перегородками ответвлениями, по крутой неровной лестнице, от которой у Лота еще сильнее закружилась голова, мимо масляных портретов прежних монархов Веталда и, наконец, в галерею со сводчатым потолком. Указав на одну дверь, затем на вторую, он вручил каждому по ключу.

– Нельзя ли нам... – начал Кит, но слуга уже скрылся за ковром, – ...поесть?

– Завтра поедем, – ответил ему Лот. Слова в этом коридоре отдавались эхом. – Как ты думаешь, кто здесь еще есть?

– Я плохо разбираюсь в иноземных посольствах, но надо полагать, мы встретим кого-нибудь из ментцев. – Кит потер забурчавший живот. – На их пальцы натыкаешься в любом пироге.

Он был прав. Поговаривали, что нет в мире такого места, куда бы не добрались ментцы.

– Встретимся здесь в полдень, – сказал Лот. – Надо обсудить, что делать.

Кит, хлопнув его по спине, вошел в комнату. Лот открыл своим ключом другую.

Взгляд его не сразу освоился в полной тени опочивальне. Искалин, хоть и присягнул Безымянному, явно не жалел расходов на содержание послов. В западной стене темнело девять окон, из которых одно было поменьше других. При ближайшем рассмотрении это оказалась дверь на закрытый балкон.

Северный конец комнаты занимала кровать под балдахином. Рядом стоял чугунный подсвечник. Свечи из отливающего перламутром воска и вправду горели красным. Настоящим красным огнем. Рядом поставили его сундук. На южном конце, отодвинув бархатный занавес, Лот обнаружил каменную ванну, до краев полную горячей водой.

Из-за множества окон ему чудилось, будто в комнату заглядывает весь Искалин. Лот закрыл шторы и затушил большую часть свечей. Гаснувшие выпускали напоследок облачко черного дыма.

Он погрузился в воду и лежал в ней долго. Когда утихла боль в ноющем теле, нашел кусок оливкового мыла и принялся отмывать пепел с волос.

Вилстан Чекан, расследуя убийство своей возлюбленной королевы Розариан, мог жить в этой самой комнате. Быть может, он видел отсюда, как горят лавандовые поля и как улетаются голуби с вестью, что Кольчуга Добродетелей лишилась одного звена.

Лот сполоснул голову. Если смерть королевы Розариан подстроили из Карскаро, те же люди могли добиваться и смерти Сабран. Чтобы убрать ее прежде, чем королева подарит Добродетелям наследницу. Чтобы возродить Безымянного.

Лот встал из ванны весь в мурашках и дотянулся до сложенного рядом полотенца. Побрился он своим кинжалом, оставив клочок волос на подбородке и немного над верхней губой. Бреясь, он думал об Эде.

Пока Эда с ней, он не опасался за Сабран. Едва он впервые увидел в пиршественном зале эту женщину с ореховой кожей и внимательными глазами, с достойной королевы осанкой, ему стало тепло. Это внутреннее тепло ничуть не напоминало огненное дыхание змеев – оно было мягким и золотистым, как первый свет летнего утра.

Маргрет целый год уговаривала его взять Эду в жены. Она была красива, она его смешила, и с ней можно было говорить часами. Лот отмахивался от сестры – не только потому, что будущий ярл Златбука не мог взять невесту простого рода, но и потому, что Маргрет прекрасно знала: Эду, как и Сабран, Лот любил так же, как ее. Как сестру.

Он еще не испытал всепоглощающей любви супружества. Тридцать лет – более чем зрелый возраст для брака, и он мечтал почтить рыцаря Верности этим самым священным из всех союзов.

Теперь едва ли доживет до такого случая.

На кровати была разложена шелковая ночная рубашка, но Лот надел свою, помятую в дороге, и вышел на балкончик.

Воздух был прохладен. Лот оперся на перила. Под ним раскинулся Карскаро – от отвесных обрывов до края плато. Свечение лавы окрашивало стены домов. На глазах у Лота сверху спикировал черный силуэт и стал пить из огненной реки.

В полночь Лот вскарабкался на ложе и до груди натянул одеяло.

Во сне ему приснилось, что простыни отравлены.

Около полудня Кит нашел его сидящим у стола в тени балкона и разглядывающим плато внизу.

– Хорошая встреча, сударь мой, – приветствовал друга Лот.

– Да, сударь мой, какой прекрасный день в стране зла и смерти! – Кит принес с собой подносик. – Хотя здесь и поклоняются Безымянному, но каковы кровати! Я никогда так сладко не спал.

Кит не умел говорить серьезно, и Лот невольно улыбнулся его выходке даже в такой обстановке:

– Где ты нашел еду?

– На новом месте я прежде всего ищу кухню. Со слугами объяснялся знаками, пока не поняли, что я умираю с голоду. – Кит поставил поднос на стол. – Надеюсь, потом нам принесут что-нибудь посытнее.

На подносе горкой лежали фрукты и обжаренные орехи, стоял кувшин сладкого вина из вяленого винограда и два кубка.

– Напрасно ты бродишь здесь один, Кит, – упрекнул Лот.

– Мое брюхо не могло ждать. – Взглянув на лицо друга, Кит вздохнул. – Ладно, больше не буду.

Солнце алело открытой раной, окрасив небо во все оттенки розового. Над плато поднимался бледный туман. Ничего подобного Лот еще не видывал. Навес укрывал их от палящего зноя, и все же на ключицах у обоих ожерельями блестели бусинки пота.

Должно быть, здесь было несказанно красиво, пока не сгорели лавандовые поля. Лот попробовал представить, как гуляет летом по открытым галереям, вдыхая благоуханный ветер.

Какое зло, какие страхи овладели королем Сигосо, чтобы так отравить эти прекрасные места?

– Ну, – заговорил Кит, дожевывая горсть миндаля, – как будем держаться с донматой?

– Самым любезным образом. Для нее мы – постоянные посланники Иниса. Навряд ли она сочтет подозрительными наши расспросы о судьбе предшественника.

– Если они что-то сотворили с Чеканом, она солжет.

– Попросим предъявить доказательства, что он жив.

– У принцесс не требуют доказательств. Их слово – закон. – Кит очистил кроваво-красный апельсин. – Мы теперь шпионы, Лот. Брось уже прислушиваться к своей доверчивой натуре.

– Что же тогда делать?

– Вращаться при дворе, изображая порядочных послов, и узнавать все, что можно. Здесь могут оказаться и послы других стран. Кто-нибудь что-нибудь да знает. – Он солнечно улыбнулся Лоту. – А если ничто другое не поможет, я приударю за донматой Маросой, так что она откроет мне душу.

Лот покачал головой:

– Негодник!

По Карскарро прокатился рокот. Кит подхватил свой кубок, не дав вину пролиться.

– Это что? – ахнул он.

– Землетрясение, – ответил, тоже встревоженный, Лот. – Отец рассказывал, что у огненных гор так бывает.

Искалинцы не стали бы строить здесь город, если бы подобные явления угрожали стереть его с лица земли. Решив об этом не думать, Лот выпил вина. Ему все представлялся Карскарро, каким он был когда-то. Кит, мыча себе под нос, достал перо и перочинный ножик.

– Поэзия? – спросил его Лот.

– Вдохновение заставляет себя ждать. Мой опыт говорит, что ужас редко ходит рука об руку с творчеством. – Кит принялся очинять перо. – Нет, это для письма, одной даме.

Лот поцокал языком:

– Не могу понять, почему ты не высказал Катри свои чувства.

– Потому, что хотя я и в жизни очарователен, но на письме истинный Антор Дол. – Кит усмехнулся. – Как по-твоему, письма здесь нынче посылают с голубями или с василисками?

– Скорее, с кокатрисами. Они проворнее, хоть и не убивают взглядом. – Лот поглядел, как друг достает из мешочка на поясе чернильницу. – Сам понимаешь, все наши письма Комб отправит в огонь.

– Да я о нем и не думаю. Дама Катриен никогда не прочтет этого письма? Пусть так, – легкомысленно отозвался Кит. – Но когда сердце полно до краев, чувства должны выплеснуться наружу. Мои вытекают на страницу, куда же еще.

В комнате за дверью балкона раздался стук. Бросив взгляд на Кита и проверив свой кинжал, Лот пошел открывать.

За дверью стоял слуга в черном дублете и таких же штанах.

– Благородный Артелот... – Он держал в руке шар с благовониями. – Я должен известить тебя, что ее сиятельство донмата Мароса примет тебя в свой черед. Теперь же ты и благородный Китстон должны посетить врача, чтобы проверить, не принесли ли вы к дверям ее сиятельства какой болезни.

– Сейчас?

– Да, мой господин.

Лоту меньше всего хотелось, чтобы в него тыкал пальцами драконолюбивый лекарь, но выбора, видимо, не было.

– Тогда, – сказал он, – веди, прошу тебя.

16

Восток

Последние водяные испытания окутались для нее туманом. Ночь, когда им велели плыть против течения по быстрой реке. Поединок с сетями. Проверка знания сигналов для связи с другими всадниками. Иногда между испытаниями проходил день, иногда много дней. Но незаметно для Тани подошло последнее.

Полночь опять застала ее в зале упражнений – Тани смазывала свой меч гвоздичным маслом. Запах масла приставал к пальцам. Плечи ныли, шея гнулась не лучше древесного пня.

Этот меч завтра принесет ей решающую победу или поражение. В плоскости клинка Тани видела свои красные от недосыпа глаза.

С карнизов школы текло стеной. Возвращаясь к себе, Тани услышала приглушенный смех.

Дверь маленького балкона стояла открытой. Тани заглянула за перила. Во дворе, засаженном грушевыми деревьями, сидели Онрен с Канперу: головы склонились над игровой доской, пальцы переплелись.

– Тани.

Она вздрогнула. Думуза выглянула из своей комнаты, одетая в блузу с короткими рукавами, с трубкой в руке. Она вышла на балкон к Тани и проследила, куда та смотрит.

– Не надо им завидовать, – сказала Думуза после долгого молчания.

– Я не...

– Тише. Я тоже завидую иногда. Как им легко все дается. Особенно Онрен.

Тани занавесила лицо волосами.

– Она побеждает, – вырвалось у нее, – почти без... – Слова застревали в горле. – Почти без...

– Она побеждает потому, что доверяет своему искусству. Ты же, сдастся мне, боишься, что стоит тебе ослабить хватку – и твое просочится у тебя между пальцами, – ответила Думуза. – Я родилась дочерью всадников. Это великая удача, и я все пыталась доказать, что ее достойна. В шестнадцать лет я все забросила, кроме учения. Не выходила в город. Не рисовала. Упражнялась, пока не выбилась в первые ученики. Я забыла, как владеть мастерством. Вместо того – мастерство овладело мной. Целиком.

Тани стало зябко.

– Но... – Она запнулась. – По тебе не скажешь...

Думуза пыхнула дымом.

– Я однажды смекнула, – сказала она, – что, если мне посчастливится стать всадницей, я должна буду ответить на зов, едва Сейки позовет. И дней на подготовку тогда не будет. Вспомни, Тани, вовсе не нужно беспрерывно точить меч, чтобы он был остер.

– Знаю.

Думуза взглянула на нее:

– Тогда кончай точить. И иди спать.

Последнее испытание состоялось в павильоне. Тани рано позавтракала и нашла себе место на скамьях.

Онрен подсела к ней на рассвете. Обе вслушивались в далекое гроыхание бури.

– Так что, – спросила Онрен, – ты готова?

Тани кивнула, потом помотала головой.

– И у меня так же. – Онрен обернулась лицом к стене дождя. – Ты будешь всадницей, Тани. Мидучи судят по результатам всех испытаний, а ты достаточно себя показала.

– Это – важнее всех, – пробормотала Тани. – Меч будет нашим главным оружием. Если мы не сумеем выиграть поединка в школе...

– Все мы знаем, как хорошо ты владеешь клинком. Все у тебя получится.

Тани зажала ладони между колен.

Ручейком стали стекаться остальные. Когда все собрались, из здания школы появился морской начальник. Слуга, привставая на цыпочки, держал над ним зонт.

– Ваше последнее испытание – бой на мечах, – сказал морской начальник. – Первая – достойная Тани из Южного дома.

Она встала.

– Дстойная Тани, – продолжал он, – сегодня ты встретишься с достойным Турозой из Северного дома.

Туроза без промедления поднялся со скамьи.

– До первой крови.

Они разошлись по разным концам павильона и обнажили поданные им мечи. Сцепившись взглядами, шагнули навстречу друг другу.

Она ему покажет, на что способна худородная замарашка!

Поклоны их были натянутыми и неглубокими. Тани двумя руками сжимала меч. Она ничего не видела, кроме Турозы: его мокрых волос, его раздутых ноздрей.

Морской начальник выкрикнул приказ, и Тани ринулась на противника. Меч зазвенел о меч. Туроза придвинулся к ней так близко, что она чувствовала на лице его дыхание, чуяла пропитавший рубаху пот.

– Когда я стану командовать всадниками, – прошипел он, – ни одна крестьянка больше не сядет на дракона. – Мечи зазвенели. – Скоро ты вернешься в лачугу, из которой тебя вытащили.

Тани сделала выпад. Туроза отбил клинок, едва не разрезавший ему запястье.

– Напомни-ка, – проговорил он так тихо, что слышно было только им двоим, – откуда ты родом? – Он отвел в сторону ее меч. – Или вашим мусорным кучам и имен не дают?

Если он думает взбесить ее, оскорбляя семью, которой Тани не помнила, ему придется ждать тысячу лет.

Туроза ударил. Тани парировала, и поединок начался всерьез.

Здесь был не танец с деревянными мечами. И не урок, не отработка приемов. В конечном счете схватка с соперником вышла стремительной и беспощадной – так рвут зуб.

В ее мире ничего не осталось, кроме свиста ветра и металла. Туроза высоко подпрыгнул. Тани ударила снизу вверх, отбив рубящий удар, и он приземлился на корточки. Он тут же вновь надел на нее, не дав вздохнуть: меч мелькал, как рыба в воде. Она отбивала все удары до обманного финта, вместо которого он нанес удар кулаком в подбородок. А потом жестоким пинком в живот сбил Тани на землю.

Такой трюк она должна была разглядеть за много лиг. Это изнеможение ее погубило. Сквозь дождевые капли на ресницах Тани видела невозмутимо наблюдающего за схваткой морского начальника.

– Вот так, девка, – ухмыльнулся Туроза. – Валяйся на земле. Там твое место.

Тани, как пленник, ожидающий казни, склонила голову. Туроза оглядывал ее, словно решая, куда нанести порез, чтобы было побольнее. Он сделал еще один шаг – теперь она могла до него дотянуться.

Рывком вскинув голову, она выбросила ноги, заставив Турозу подпрыгнуть, чтобы избежать удара. Перекатившись по земле, легко вскочила на ноги, не выпустив меча. Первый удар Туроза отвел, но она застала его врасплох. Она видела растерянность в его глазах. Он уже не так ловко переступал ногами по мокрой земле, и когда ее клинок снова устремился к нему – он запоздал с ответом.

Лезвие коснулось его подбородка мягко, как стебелек травы.

Мигом позже клинок Турозы вспорол ей плечо. Тани ахнула, отшатнувшись, скаля зубы и брызгая слюной.

Морские стражи вытягивали шею, чтобы лучше видеть. Тани, тяжело дыша, всматривалась в лицо противника.

Если она не вскрыла ему кожу, бой проигран.

По начерченной ею линии медленно набухали рубиновые капельки. Дрожащий, взмокший Туроза коснулся подбородка пальцем и взглянул на пятно, яркое, как цветок айвы.

Первая кровь.

– Достойная Тани из Южного дома, – объявил морской начальник, – победа за тобой.

Она еще не слышала слов слаще.

Когда она кланялась Турозе, кровь сочилась из ее плеча расплавленной медью. Бледное лицо Турозы густо налилось гневом. Он попался на трюк – на уловку, какой никого не одурачишь, – потому что ожидал от нее слабости. И теперь, глядя ему в лицо, Тани знала, что никогда больше он не назовет ее деревенской девкой. Потому что, назвав так, он бы признал, что деревенщина способна не только рыться в земле.

Он мог спасти лицо, только признав ее равной.

Под расколотым молниями небом сын всадника поклонился ей низко, как еще не кланялся.

17

Запад

Очищенные от подозрения на чуму, Лот и Кит через несколько дней после прибытия были представлены донмате Маросе. Прошедшие дни они провели в своих комнатах: выйти из них мешали часовые на галерее. Лот до сих пор содрогался при воспоминании о королевском лекаре, ставившем пиявки на такие места, где пиявкам совсем не место.

И вот Лот с Китом вступили в похожий на пещеру тронный зал дворца Спасения. Его затопили придворные и вельможи, однако принца Вилстана не было и следа.

Донмата Мароса, наследная принцесса драконьего царства Искалин, восседала на троне из вулканического стекла под парадным балдахином. Голову ее облекала огромная рогатая маска из железа, выкованная наподобие головы высшего западника. Должно быть, этот головной убор страшно тяготил женщину.

– Святой! – чуть слышно шепнул Кит Лоту. – Она носит харю Фиридела.

Охрана в черно-золотых доспехах выстроилась перед тронном. На балдахине красовался новый герб дома Веталда – два черных змея, держащие сломанный меч.

Не какой-нибудь меч – Аскалон. Символ стран Добродетели.

Фрейлины откинули предохранявшие от чумы вуали, державшиеся на маленьких, но нарядных венчиках. Приесса Йеларигас сидела справа от трона. Лот узнал ее бледную веснушчатую кожу, глубоко запавшие глаза и гордую посадку головы.

Тихий шум голосов смолк, когда они остановились перед тронном.

– Сиятельная, – провозгласил дворецкий, – я представляю вам двух благородных инисцев. Перед вами Артелот Исток, сын владетелей Златбука, и Китстон Луг, сын владетелей Медового Ручья, – посланники королевства Инисского.

За тишиной, охватившей тронный зал, последовало шуршание шепотков. Лот преклонил колено и склонил голову.

– Ваше сиятельство, – произнес он, – благодарим, что вы приняли нас при дворе.

Шепотки унялись, когда донмата подняла руку.

– Благородный Артелот и благородный Китстон. – Ее голос странным эхом отдавался под маской. – Мой возлюбленный отец и я приветствуем вас в драконьем царстве Искалин. Примите искренние извинения за задержку с аудиенцией – но я была занята другими делами.

– Вам нет нужды извиняться, сиятельная, – только и сказал Лот. – Ваше право принять нас, когда вам угодно. – Он прокашлялся. – Если соизволите, благородный Китстон передаст вам наши верительные грамоты.

– Конечно.

Приесса кивнула слуге, который взял у Кита грамоты.

– Получив направленное моему отцу письмо герцога Вежливости, мы возрадовались желанию Иниса укрепить дипломатические связи с Искалином, – продолжала донмата. – Нам ненавистна мысль, что королева Сабран могла бы разорвать нашу долговечную дружбу из-за... религиозных разногласий.

Религиозные разногласия!

– К слову о Сабран, мы так давно не получали от нее известий, – добавила донмата. – Скажите, она еще не родила?

У Лота под глазом дернулся мускул. Ссылаться на дружбу с Сабран, сидя под этим кощунственным гербом... отвратительно!

– Ее величество не обвенчана, моя госпожа, – ответил Кит.

– Но скоро будет. – Донмата положила ладони на подлокотники трона. Видя, что оба молчат, она продолжила: – Как видно, до вас еще не дошло радостное известие, мои господа.

Сабран недавно обещалась Обрехту Льевелину, великому князю Вольного Ментендона. Моему прежнему нареченному.

Лоту оставалось только таращить на нее глаза.

Он, конечно, знал, что рано или поздно Сабран выберет себе супруга – королеве иначе нельзя, – но всегда полагал, что это будет человек Хрота, второго по силе среди стран Добродетели. А она предпочла Обрехта Льевелина, внучатого племянника покойного князя Леоварта, искавшего руки Сабран, невзирая на огромную разницу в возрасте.

– К моему прискорбию, – заметила донмата, – я не приглашена на церемонию бракосочетания. – Она склонилась вперед. – У вас на лице тревога, благородный Артелот. Скажите мне, что вы думаете. Разве Рыжий князь не достоин разделить ложе вашей госпожи?

– Сердце королевы Сабран – ее личное дело, моя госпожа, – отрезал Лот. – И здесь не место о нем рассуждать.

От прокатившихся по залу смешков у него зазвенело в позвоночнике. Донмата за своей страшной маской от души поддержала веселье.

– Сердце ее величества – ее личное дело, но не ее ложе. Говорят ведь, что в день, когда прервется род Беретнет, Безымянный вернется к нам. Если Сабран не желает этого, разумно ли ей... открывать свое государство для князя Обрехта?

Новые смешки.

– Я молюсь, чтобы род Беретнет продолжился до конца времен, – заговорил Лот, не успев обдумать вырвавшиеся слова, – потому что он стоит между нами и хаосом.

Стражники одним плавным движением обнажили рапиры. Смех замер.

– Остерегитесь, благородный Артелот, – посоветовала донмата. – Не говорите слов, в которых могут увидеть оскорбление Безымянному. – По ее знаку стражники убрали оружие. – А знаете, до меня доходили слухи, что принцем-консортом станете вы. Или вы оказались недостаточно высокородным для любви королевы? – Не дав ему возразить, она хлопнула в ладоши. – Не будем об этом. Здесь, в Искалине, мы не оставим вас в одиночестве. Музыканты! Сыграйте «Тридцать шагов». Дама Приесса будет танцевать с благородным Артелотом.

Приесса тотчас ступила на мраморный пол. Лот, совладав с собой, подошел к ней.

Танец тридцати шагов разучивали при многих дворах. В Инисе он был запрещен Лиллиан Пятой, которая сочла его непозволительно вольным, но ее преемницы оказались снисходительней. Так или иначе, большинство придворных его знали.

Под бодрый наигрыш музыкантов Приесса сделала реверанс, а Лот поклонился партнерше, после чего оба, повернувшись лицом к донмате, взялись за руки.

Поначалу он чувствовал себя скованным. Дама Приесса оказалась легка на ногу. Лот прошел вокруг нее, ни разу не позволив каблукам коснуться пола.

Она повторила его движение. Они отплясывали и скакали то бок о бок, то лицом к лицу, а потом музыка пошла на взлет, и Лот, подхватив свою партнершу за талию, оторвал ее от земли. Он подхватывал ее снова и снова, пока не заныли руки, а на лбу и на загривке не проступил пот.

Лот слышал прерывистое дыхание у Приессы. Завиток ее темных волос выбился на лоб, когда они закружились, с каждым шагом замедляя движение, и наконец остановились рука об руку снова лицом к донмате Маросе.

Что-то хрустнуло у них между ладонями. Лот не решился посмотреть, что она сунула ему в руку. Донмата вместе со своим двором была в ладоши.

– Вы утомились, благородный Артелот, – донесся из-за маски ее голос. – Что, дама Приесса тяжела для вас?

– Думается, искилинские наряды весят больше ваших дам, сиятельная, – тяжело дыша, ответил Лот.

– О нет, мой господин. Сами дамы, и господа тоже. Сердца наши тяжелы от скорби, что Безымянный еще не вернулся, чтобы направить нас. – Донмата встала. – Долгой вам и покойной ночи. – Ее шлем наклонился. – Если у вас нет больше ко мне вопросов.

Лот до боли остро ощущал записку в своей ладони, но упустить шанс не мог.

– Единственный, ваше сиятельство. – Он прокашлялся. – При вашем дворе есть еще один постоянный посланник, много лет служивший здесь королеве Сабран. Вилстан Чекан, герцог Умеренности. Я хотел спросить, где во дворце располагаются его покои, чтобы поговорить с ним.

Все застыли в молчании.

– Посланник Чекан, – проговорила наконец донмата. – В этом вопросе мы с вами, Артелот, в равном неведении. Его милость несколько недель назад покинул двор, направившись в Корвугар.

– В Корвугар, – повторил Лот. Так назывался порт на юге Искалина. – Зачем?

– Он сказал, что его призывают дела, природу которых открыть не захотел. Я удивляюсь, что он не написал Сабран.

– И я удивляюсь, ваше сиятельство. Признаться, – добавил Лот, – мне трудно в это поверить.

– Надеюсь, благородный Артелот, – проговорила донмата, – вы не обвиняете меня во лжи?

Придворные придвинулись к нему. Как псы, почуявшие запах крови. Кит схватил Лота за плечо, и тот закрыл глаза.

Чтобы узнать правду, они должны выжить при этом дворе, а чтобы выжить – надо подыгрывать.

– Нет, ваше сиятельство, – произнес Лот. – Конечно же нет. Простите меня.

Ничего более не сказав, донмата Мароса вместе со своими дамами выплыла из зала.

Придворные роптали. Лот, сжав зубы, развернулся спиной к строю охраны и шагнул к двери. Кит поспешил за ним.

– Как тебе за такое язык не вырвали, – бормотал он. – Святой, что на тебя нашло, дружище, – ты обвинил принцессу во лжи прямо в ее тронном зале?

– Я такого не перевариваю, Кит. Кошунство. Обман. Открытое презрение к Инису.

– Нельзя было им показывать, что ты попался на подначку. Твой покровитель – рыцарь Верности. Ты хоть изобрази приверженность этой добродетели. – Кит, поймав его за плечо, заставил остановиться. – Послушай меня, Артелот. Мертвые мы для Иниса бесполезны.

У него на лице блеснул пот, на горле явственно билась жилка. Лот впервые видел друга таким взволнованным.

– Тебе покровительствует рыцарь Вежливости, Кит, – вздохнул он. – Да поможет она мне скрыть свои мысли.

– Даже с ее помощью это будет непросто.

Кит подошел к окну галереи.

– Я всю жизнь скрывал гнев на отца, – тихо сказал он. – Я научился улыбаться его насмешкам над моими стихами. И когда он звал меня неженкой и молокососом. И когда проклинал судьбу, не давшую ему других наследников, и мою бедную мать, не родившую их. – Кит вздохнул. – Ты мне в этом помогал, Лот. Пока существовал человек, с которым я мог быть самим собой, я находил в себе силы быть с ним другим.

– Знаю, – пробормотал Лот. – И обещаю отныне и впредь только тебе показывать свое настоящее лицо.

– Вот и хорошо. – Кит с улыбкой повернулся к нему. – Верь в лучшее, как всегда верил, и мы до него доживем. Королева Сабран скоро обвенчается. Наше изгнание не будет долгим. – Он хлопнул Лота по плечу. – А сейчас позволь мне раздобыть для нас ужин.

Они разошлись. Лот, только надежно заперев за собой дверь комнаты, взглянул на кусочек пергамента, вложенный ему в ладонь Приессой Йеларигас.

Личное святилище, в три часа. Дверь рядом с библиотечной. Приходи один.

Личное святилище. Теперь, когда дом Веталда отвернулся от Шести Добродетелей, его, верно, оставили пылиться в запустении.

Это могло быть ловушкой. Может, и принц Вилстан получил такую записку, после чего и пропал. Лот потер лоб ладонью. Да пребудет с ним рыцарь Доблести. Он услышит, что хочет ему сказать дама Приесса.

Кит вернулся в одиннадцать с ягненком в винном соусе, кускомпряного сыра и оливковым хлебом с чесноком. Друзья устроились поесть на балконе, глядя на мерцающие внизу факелы Карскаро.

– Чего бы я не заплатил отведывателю пищи, – сказал Лот, принимаясь за еду.

– По мне, вкус превосходный, – ответил Кит, набив рот хлебом, с которого капало масло, и утирая губы. – Так вот, надо полагать, что принц Вилстан не загорает на солнышке в Корвугаре. Только полоумный отправится в Корвугар. Там одни могилы да вороны.

– Думаешь, его милость умер?

– Боюсь, что так.

– Надо узнать наверняка. – Оглянувшись на дверь, Лот понизил голос. – Приесса за танцем передала мне записку, назначила встречу этой ночью. Может быть, у нее найдется, что мне сказать.

– Или найдется ножик, который она решила познакомить с твоей спиной, – поднял бровь Кит. – Постой. Ты что, пойдешь?

– Если у тебя нет других идей – придется. И заранее отвечаю на твой вопрос: она велела прийти одному.

Кит хлебнул вина и поморщился:

– Рыцарь Доблести да одолжит тебе свой меч, дружище.

Где-то в горах прозвучал боевой клич виверны. Лота пробрал смертный холод.

– Так вот. – Кит откашлялся. – Обрехт Льевелин. Бывший нареченный нашей змеглавой донматы.

– Да-да. – Лот обвел взглядом плато. – Льевелин представляется мне пристойным выбором. Я слышал, что он добр и добродетелен. Из него может получиться отличный супруг для Сабран.

– Бесспорно, только придется ей обойтись при венчании без лучшего друга рядом.

Лот кивнул, углубившись в воспоминания. Они с Сабран давно обещали быть друзьями друг у друга на свадьбах. А ему придется пропустить венчание – и от этой мысли нож словно еще раз повернули в ране.

Кит, заглянув ему в лицо, театрально вздохнул:

– Нам обоим есть о чем пожалеть. Я торжественно поклялся самому себе, что на свадьбе королевы Сабран приглашу Катри Вити на танец и признаюсь, что это я шесть лет посылал ей стихотворные признания в любви. А теперь и не узнаю, хватило бы у меня отваги?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.